КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Джон Диксон Карр

ДЕЛО О НЕСКОНЧАЕМЫХ УБИЙСТВАХ

«АЗБУКА»

Расследование ведет Гидеон Фелл

Дело о нескончаемых самоубийствах

Джон Карр

Аннотация
Джон Диксон Карр. Дело о нескончаемых самоубийствах
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая

Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Аннотация

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Произведения таких писателей, как Агата Кристи, Гилберт Честертон, Эрл Стэнли Гарднер, Рекс Стаут, развивали и совершенствовали детективный жанр, их романы, безоговорочно признанные классикой, по сей день любимы читателями и являются эталоном качества для последующих поколений авторов детективных историй. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) – виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате». Роман «Дело о нескончаемых убийствах» продолжает серию книг о сыщике-любителе докторе Гидеоне Фелле. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра – Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жанра, по мнению большинства почитателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем эссе «Мои любимые сы-

щики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса».</p>

Джон Диксон Карр
Дело о нескончаемых самоубийствах

John Dickson Carr THE CASE OF THE CONSTANT SUICIDES
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1941

© А. О. Поликарпова, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

* * *

Глава первая

В тот вечер поезд на Глазго, обычно отправлявшийся в 9:15, покинул Юстонский вокзал с получасовым опозданием — через сорок минут после того, как завыли сирены.

При звуке сирен погасли даже неяркие голубые огни вдоль платформы.

Толпа людей, одетых в основном в хаки, оглушенная железным кашлем двигателей, обдирая голени и костяшки пальцев о багаж и тюки, практически на ощупь двигалась по перрону — толкаясь, пихаясь и сквернословя.

Где-то посреди нее затерялся и моложавый профессор истории, пытавшийся найти свое спальное купе в поезде на Глазго.

Особого беспокойства никто не выказывал. Это было только 1 сентября, интенсивные налеты на Лондон еще не начались. Как юны мы были в те дни. Воздушная тревога означала всего лишь небольшое неудобство: возможно, где-то прогудел одинокий вражеский самолет, противовоздушного заграждения еще не было.

Но профессор истории Алан Кэмпбелл (магистр

искусств, Оксфорд; доктор философии, Гарвард) разразился неакадемической бранью. Спальные купе первого класса, похоже, располагались в самом начале длинного поезда. Ему было видно изрядно нагруженного носильщика — тот чиркал спичками у открытой двери вагона, где на плашке напротив номеров купе были написаны имена пассажиров. Также чиркнув спичкой, Алан Кэмпбелл обнаружил, что, во-первых, поезд переполнен, а во-вторых, его купе — под номером четыре.

Он поднялся в вагон. Тускло подсвеченные циферки над каждой дверью указывали путь по коридору. Открыв наконец дверь своего купе, он почувствовал себя много лучше.

Вот это, подумал он, действительно первоклассный уровень комфорта. Крошечное металлическое помещение было выкрашено в зеленый цвет. Обстановку составляли одно спальное место, никелированная раковина и зеркало в рост на двери, ведущей в соседнее купе. Светомаскировку обеспечивали рулонные шторки, которые надежно запечатывали окно.

Было исключительно душно и жарко. Над койкой он заметил металлическую решетку вентиляции с регулировочным винтом, повернув

который можно было увеличить приток воздуха.

Задвинув чемодан под койку, Алан сел, чтобы перевести дух. Роман в мягкой обложке и номер «Сандей вочмен» — его дорожное чтиво — лежали подле него на койке. Он бросил взгляд на газету и почувствовал, как желчь разлилась в его душе.

«Да гореть ему в геенне огненной! — воскликнул Алан, адресуясь своему единственному врагу на всем белом свете. — Чтоб его…»

Тут он осекся, подумав, что хорошо бы не портить себе настроение. В конце концов, он в отпуске на целую неделю; и хотя формально цель его путешествия была довольно-таки печальной, все же это были в некотором роде каникулы.

Алан Кэмпбелл был из тех шотландцев, чья нога ни разу не ступала на землю Шотландии. Если уж на то пошло, то за исключением времени, проведенного в американском Кембридже, и нескольких поездок на континент он никогда и не покидал пределов Англии. В свои тридцать пять лет этот начитанный, серьезный, но не без чувства юмора мужчина выглядел весьма неплохо, хотя, возможно, и несколько чопорно.

Шотландию он рисовал себе по романам сэра Вальтера Скотта, а если настроение было более

легкомысленным — то Джона Бьюкена[1]. В придачу к этому имелось смутное представление о граните, вереске и шотландских анекдотах, которые его, скорее, возмущали, — очевидно, что истинно шотландского духа было в нем маловато. И вот наконец-то ему предстояло увидеть все собственными глазами. И если бы только не…

Раздался стук в дверь, и в купе заглянул проводник.

— Мистер Кэмпбелл? — спросил он, сверившись с табличкой на двери — плашкой под слоновую кость, на которой можно было записывать и стирать имена пассажиров.

— Доктор Кэмпбелл, — поправил Алан не без величавости. Все же он еще был слишком молод и пока наслаждался новизной и важностью такого обращения.

— Во сколько разбудить вас утром, сэр?

— А во сколько мы прибываем в Глазго?

— Ну, по расписанию прибываем в шесть тридцать, сэр.

— Тогда разбудите меня в шесть.

---

[1] Notes: 1

Джон Бьюкен (1875–1940) — политический деятель, издатель и писатель, автор нескольких биографических романов, в том числе о Вальтере Скотте, а также детективов и приключенческих романов. — *Здесь и далее примеч. ред.*

Проводник деликатно кашлянул. Алан намек понял.

— В общем, разбудите за полчаса до прибытия.

— Хорошо, сэр. Подать утром чай с печеньем?

— А полноценный завтрак в поезде подают?

— Нет, сэр. Только чай и печенье.

Сердце Алана ухнуло, как и его желудок. Он собирался в такой спешке, что на ужин времени не осталось, и сейчас все его нутро сжималось, как гармошка. Проводник догадался об этом по его виду.

— На вашем месте, сэр, я бы сейчас сгонял перехватить что-нибудь в буфете.

— Но по расписанию осталось меньше пяти минут до отправления!

— Я бы не беспокоился на этот счет, сэр. На мой взгляд, настолько скоро мы не отправимся.

Да, пожалуй, лучше ему так и поступить.

Ошалевший, он покинул поезд. Ошалевший, пробирался практически на ощупь сквозь шумную толпу на темной платформе — обратно к контрольному барьеру. Когда он стоял в буфете с чашкой жидкого чая и несколькими черствыми сэндвичами с ветчиной, нарезанной так тонко, что она достигла определенной степени прозрачности, его взгляд снова упал на страницу «Сандей

вочмен». И желчь снова разлилась в его душе.

Как уже было сказано, у Алана Кэмпбелла был только один враг на всем белом свете. В самом деле, если не считать той школьной драки, результатом которой стали пара фингалов и разбитый нос, — с мальчиком, который впоследствии сделался его лучшим другом, — он даже не мог вспомнить, чтобы вообще кого-то недолюбливал.

Человек, о котором идет речь, также носил фамилию Кэмпбелл, хотя, как надеялся и верил Алан, не был его родственником. Этот другой Кэмпбелл жил в каком-то медвежьем углу в Харпендене, графство Хартфордшир. Алан никогда с ним не виделся и вообще не знал, кто он такой. И тем не менее к этому человеку он испытывал очень глубокую неприязнь.

Мистер Беллок[2] однажды заметил, что не существует более жаркой и ожесточенной (и для стороннего наблюдателя более забавной) дискуссии, чем спор между двумя учеными мужами по какому-то невнятному поводу, который никого не волнует ни на йоту.

Все мы с ликованием наблюдали, как это

---

[2] Notes: 2

Джозеф Хилэр Пьер Рене Беллок (1870–1953) — историк и один из самых плодовитых английских писателей начала XX в.

бывает. Кто-то пишет в серьезной газете или литературном еженедельнике, что Ганнибал, переходя через Альпы, прошел недалеко от деревни Вигинум. Другой эрудированный читатель затем публикует возражение, что деревня, мол, называлась не Вигинум, а Бигинум. На следующей неделе первый автор мягко, но едко сожалеет о невежестве корреспондента и просит у редакции разрешения обнародовать дальнейшие доказательства того, что это был все-таки Вигинум. Второй автор, в свою очередь, сожалеет о том, что в дискуссию, похоже, вкралась язвительная нота, которая, несомненно, заставляет мистера такого-то забывать о манерах, а также он считает своим долгом подчеркнуть…

И пошло-поехало. Перебранка может растянуться на два-три месяца.

Нечто подобное с треском вломилось в безмятежную жизнь Алана Кэмпбелла.

Алан, добрая душа, не хотел никого обидеть. Он иногда рецензировал исторические труды для «Сандей вочмен», издания того же плана, что и «Сандей таймс» или «Обсервер».

В середине июня эта газета прислала ему книгу под названием «Последние дни Карла Второго», увесистый труд о политических событиях 1680–

1685 годов, написанный неким К. И. Кэмпбеллом (магистр искусств, Оксфорд). Рецензия Алана появилась в ближайшее же воскресенье, и грех его заключался в нижеследующих словах, уже ближе к концу заметки:

«Нельзя сказать, что книга мистера Кэмпбелла проливает какой-то новый свет на эту тему; не лишена она и мелких неточностей. Вряд ли мистер Кэмпбелл всерьез полагает, что лорд Уильям Рассел пребывал в неведении относительно заговора Ржаного дома[3]. Титул герцогини Кливлендской был пожалован Барбаре Вильерс[4], леди Каслмейн, в 1670-м, а не в 1680 году, как указано в издании. И совершенно непонятно, на чем именно основано поразительное утверждение мистера Кэмбелла о том, что у этой дамы были „каштановые волосы и субтильное телосложение“».

В пятницу Алан вернул свой экземпляр книги в редакцию и выбросил все это дело из головы. Но через девять дней в газете напечатали ответ

---

[3] Notes: 3

Заговор Ржаного дома — задуманное сторонниками республики в 1683 г. убийство английского короля Карла II и его брата и наследника Якова II, не осуществленное из-за непредвиденных обстоятельств.

[4] Notes: 4

Барбара Вильерс (1640–1709) — самая влиятельная из фавориток короля Карла II.

автора, отправленный из Харпендена, графство Хардфордшир. Заканчивался он следующим образом:

«Хотелось бы отметить, что мое, как выразился ваш рецензент, „поразительное утверждение“ основано на труде Штайнманна, единственного биографа вышеозначенной дамы. И если ваш рецензент не знаком с этим трудом, то полагаю, что буквально один визит в читальный зал Британского музея закроет эту брешь».

Это уже порядком рассердило Алана.

«Хотя я искренне сожалею, что приходится вообще уделять время такому сущему пустяку, — писал он, — все же я благодарю мистера Кэмпбелла за то, что он так любезно обращает мое внимание на книгу, с которой я, конечно, знаком; тем не менее я полагаю, что посещение читального зала Британского музея принесет меньше пользы, чем посещение Национальной портретной галереи. Там мистер Кэмпбелл найдет выполненный Лели[5] портрет этой симпатичной мегеры — пышнотелой леди с волосами черными как смоль. Вполне вероятно, что художник мог польстить своей модели. Но маловероятно, что

[5] Notes: 5

Питер Лели (1618–1680) — знаменитый английский портретист голландского происхождения.

он превратил блондинку в брюнетку, а также изобразил придворную даму корпулентнее, чем она была на самом деле».

«А получилось весьма изящно, — подумал Алан. — А также и весьма сокрушительно».

Но этот подлый змей из Харпендена нанес удар ниже пояса. Описав известные портреты, он заключил:

«Ваш рецензент, между прочим, столь любезен, что называет эту леди мегерой. По какому же праву? Не потому ли, что она была вспыльчива и любила сорить деньгами? Если эти два женских качества приводят мужчину в неописуемый ужас, то впору поинтересоваться, был ли он вообще когда-нибудь женат».

Это уже выбило почву у Алана из-под ног. Его задело не пренебрежение к его историческим познаниям, а намек на то, что он ничего не знает о женщинах, — что, в сущности, было правдой.

Алан полагал, что К. И. Кэмпбелл ошибается и знает о своей ошибке. И теперь, как это часто бывает, пытается затуманить дело посторонними соображениями. Его ответ взбаламутил газету, в прения включились и другие читатели.

Посыпались письма. Один майор из Челтнема писал, что его семья на протяжении многих

поколений владеет картиной — портретом, как полагают, герцогини Кливлендской, — и волосы у нее изображены темно-русыми. Какой-то ученый из «Атенеума»[6] настаивал на том, что необходимо договориться о терминах, обозначив, какие именно пропорции и части тела они подразумевают, говоря, что леди была «корпулентная», а также соотнести это с современными стандартами.

«Боже правый, — воскликнул редактор „Сандей вочмен“, — да это лучшее, что случилось с газетой со времен шумихи вокруг стеклянного глаза Нельсона. Пусть продолжают».

Ссора разгоралась весь июль и август. Несчастной любовнице Карла Второго досталось не меньше дурной славы, чем во времена Сэмюэла Пипса[7]. Довольно детально обсудили ее анатомию. В полемику вступил, хотя и не добавил ясности, еще один ученый — доктор Гидеон Фелл, который, казалось, с особым злорадством сбивал с толку обоих Кэмпбеллов, внося тем самым еще

---

[6] Notes: 6

«Атенеум» — клуб для литераторов, ученых и поклонников изящных искусств, основанный в 1824 г. Библиотека клуба считается одной из лучших в Лондоне.

[7] Notes: 7

Сэмюэл Пипс (1633–1703) — автор знаменитого дневника о повседневной жизни лондонцев.

больше сумятицы.

В конце концов редактор сам положил этому конец. Во-первых, потому что обсуждение анатомических подробностей стало граничить с бестактностью, а во-вторых, потому что участники спора настолько запутались, что никто уже не понимал, кто кому что предъявляет.

В итоге Алан остался с чувством, что он был бы не прочь сварить К. И. Кэмпбелла в кипящем масле.

К. И. Кэмпбелл появлялся в газете каждую неделю, успешно уворачиваясь от колкостей сам, но снайперски метко уязвляя Алана. Тот уже начал приобретать пока смутную, но вполне определенную репутацию человека негалантного — такого, который, оклеветав покойницу, способен оклеветать и любую лично знакомую ему даму. Последнее письмо К. И. Кэмпбелла более чем ясно намекало на это.

Коллеги по факультету подшучивали над Аланом. Студенты тоже, как он подозревал, подшучивали над ним. Употреблялись такие термины, как «развратник» и «распутник».

Вздохом облегчения приветствовал он окончание этих дебатов. Но даже сейчас, попивая жидкий чай и поедая черствые сэндвичи в

душном вокзальном буфете, Алан напрягался, перелистывая страницы «Сандей вочмен». Он боялся, что его взгляд упадет на какое-нибудь замечание, касающееся герцогини Кливлендской, что К. И. Кэмпбелл снова пробрался на газетную полосу.

Нет. Ничего. Что ж, по крайней мере, это было хорошим предзнаменованием начала путешествия.

Стрелки часов над стойкой буфета показывали без двадцати десять.

Внезапно переполошившись, Алан вспомнил про свой поезд. Одним глотком допив чай (а в большой спешке всегда кажется, что чая этого — минимум кварта крутого кипятка), он помчался обратно в темноту.

У контрольного барьера ему вновь потребовалось какое-то время, чтобы отыскать свой билет, — пришлось обшарить все карманы по очереди, да не один раз, и билет, конечно же, обнаружился в самом первом. Протискиваясь сквозь толпу и багажные тележки, он не без труда нашел свою платформу и успел к вагону как раз тогда, когда раздался гудок и по всему составу начали захлопываться двери.

Поезд плавно тронулся.

Что ж, да начнется великое приключение. Алан, снова довольный жизнью, остановился в тускло освещенном коридоре, чтобы перевести дух. В сознании всплыли слова из письма, отправленного из Шотландии: «Замок Шира, Инверэри, Лох-Фин». Звучало музыкально, даже волшебно. Посмаковав эти звуки, Алан добрался до своего купе, распахнул дверь и резко замер на пороге.

На койке лежал открытый чемодан, чужой. В нем виднелись предметы явно женского гардероба. Шатенка лет двадцати семи — двадцати восьми что-то искала, склонившись над ним. Дверь чуть не сшибла ее с ног, так что, разогнувшись, она вопросительно посмотрела на Алана.

— Ого! — едва слышно произнес Алан.

Первой его мыслью было, что он, наверное, ошибся купе или даже вагоном. Но быстрый взгляд на табличку на двери подтвердил: это его имя — Кэмпбелл — выведено карандашом на плашке под слоновую кость.

— Прошу извинить меня, — начал он, — но вы, случаем, не ошиблись ли?

— Не думаю, — холодно ответила девушка, потирая ушибленную руку.

Даже при таких обстоятельствах он приметил, насколько она привлекательна — хотя и почти

без пудры и помады, с выражением непреклонной суровости на округлом лице. Она была пяти футов двух дюймов ростом, хорошо сложена. Голубые глаза расставлены довольно широко, лоб высокий, полные губы она старалась держать плотно сжатыми. На ней были твидовый костюм, синий джемпер, телесного цвета чулки и туфли без каблуков.

— Но это, — сказал он, — купе номер четыре.

— Именно так. Мне это известно.

— Мадам, я пытаюсь сказать, что это мое купе. Моя фамилия Кэмпбелл. Вот она, на двери.

— А моя фамилия, — парировала девушка, — так уж случилось, тоже Кэмпбелл. И я настаиваю, что это мое купе. Будьте столь любезны и покиньте его, пожалуйста.

Она указала на свой чемодан.

Алан уставился на него и все смотрел и смотрел. Поезд дребезжал и стучал, проезжая стрелки, раскачивался и набирал скорость. Но чего Алан никак не мог уразуметь, так это смысл слов, начертанных крошечными белыми буквами на боку чемодана: «К. И. Кэмпбелл, Харпенден».

Глава вторая

Недоумение, охватившее Алана, постепенно уступало место чему-то совсем иному.

Он прочистил горло.

— Могу я поинтересоваться, — сурово спросил он, — что означают инициалы К. И.?

— Кэтрин Ирэн, конечно же. Мое имя. Но не будете ли вы столь любезны, чтобы…

— Вот как! — сказал Алан.

Он протянул ей газету:

— Могу ли я также поинтересоваться, принимали вы недавно участие в кое-какой скандальной переписке на страницах «Сандей вочмен»?

Мисс К. И. Кэмпбелл поднесла одну руку ко лбу, как бы козырьком. Другой рукой она оперлась за спиной о край раковины. Поезд трясся и гремел. Внезапно в ее голубых глазах вспыхнуло подозрение, которое затем переросло в уверенность.

— Да, — сказал Алан. — Я А. Д. Кэмпбелл из Университетского колледжа в Хайгейте.

С таким горделивым и мрачно-зловещим видом впору было бы произнести: «Вот мой народ,

я — Родрик Ду!»[8]. Ему подумалось, что в том, как он сурово склонил голову, швырнул газету на койку и сложил руки на груди, есть что-то неуловимо потешное. Но девушка была не расположена шутить.

— Вот же чудовище! Хорек вы этакий! Червяк! — яростно закричала она.

— Мадам, учитывая, что я не имел чести быть вам официально представленным, подобные выражения свидетельствуют о степени близости, которая…

— Чушь! — воскликнула К. И. Кэмпбелл. — Мы с вами дальняя родня, седьмая вода на киселе. А бороды-то у вас и нет!

Алан инстинктивно коснулся подбородка.

— Конечно, у меня нет бороды. С чего вы взяли, что у меня есть борода?

— А мы думали, что есть. Мы думали, что у вас вот такая длинная борода, — воскликнула девушка, приложив руку к животу примерно на уровне талии. — И огромные бифокальные очки! И противная, сухая, насмешливая манера говорить. Ну, это, положим, у вас точно есть. Вдобавок ко всему вы врываетесь сюда, сбиваете меня с ног…

---

[8] Notes: 8
Цитата из поэмы В. Скотта «Дева озера» (перевод П. Карпа).

С некоторым запозданием она снова начала растирать руку.

— Из всех когда-либо написанных противных, насмешливых, покровительственных рецензий на книги, — продолжала она, — ваша…

— Вот тут, мадам, вы демонстрируете отсутствие понимания. Мой долг как профессионального историка состоял в том, чтобы указать на некоторые ошибки, вопиющие ошибки…

— Ошибки! — воскликнула девушка. — Еще и вопиющие!

— Именно так. И я имею в виду не пустяковый и в сущности бессмысленный вопрос о волосах герцогини Кливлендской. Я имею в виду вопросы, имеющие реальное значение. Ваша трактовка выборов тысяча шестьсот восьмидесятого года, простите за откровенность, просто курам на смех. Ваше описание лорда Уильяма Рассела откровенно *лживо*. Я не утверждаю, что он был таким же великим пройдохой, как ваш герой Шефтсбери. Рассел был всего лишь тупицей, «человек, — как было отражено в процессуальных документах, — несовершенного понимания», достойный жалости, если хотите, но нельзя представлять его иначе как предателем.

— Вы всего лишь гнусный тори! — злобно отве-

тила К. И. Кэмпбелл.

— Процитирую в ответ такого авторитета, как доктор Джонсон: «Мадам, вижу, что вы всего лишь мерзкий виг».

Они стояли и таращились друг на друга.

Надо понимать, что обычно Алан не разговаривал в такой манере. Но он был так взбешен, а достоинство его было столь уязвлено, что сейчас он мог бы дать сто очков вперед самому Эдмунду Бёрку[9].

— Кто вы вообще такая? — после паузы спросил он уже более нормальным своим тоном.

Это, в свою очередь, уязвило достоинство Кэтрин Кэмпбелл. Она поджала губы и выпрямилась во всем величии своих пяти футов двух дюймов.

— Хотя я не считаю, что обязана отвечать на этот вопрос, — сказала она, надевая очки в черепаховой оправе, которые только прибавили ей миловидности, — все же сообщу вам, что я являюсь преподавателем исторического факультета Харпенденского женского колледжа…

— Вот как!

— Да. И не хуже, а то и получше любого муж-

---

[9] Notes: 9

Эдмунд Бёрк (1729–1797) — член английского парламента, основоположник идеологии консерватизма.

чины знакома с рассматриваемым периодом. А теперь будьте так добры, хотя бы из соображений элементарной порядочности, покиньте мое купе!

— Вот еще, чтоб мне провалиться! Это не ваше купе!

— Повторяю — это мое купе.

— А я повторяю — это не ваше купе.

— Если вы не уберетесь отсюда, доктор Кэмпбелл, я позвоню в этот колокольчик и вызову проводника.

— Будьте любезны. Потому что если вы не позвоните, то я сам это сделаю!

Проводник, который примчался сразу после того, как сначала один пассажир, а потом второй позвонил в колокольчик, обнаружил двух заносчивых и почти нечленораздельно тараторящих профессоров, пытающихся поведать историю каждый со своей точки зрения.

— Прошу прощения, мэм, — служитель обеспокоенно проглядывал список, — прошу прощения, сэр, но, похоже, закралась какая-то ошибка. Тут просто написано «Кэмпбелл», без указания «мисс» это или «мистер». Не знаю, что и сказать.

Алан расправил плечи.

— Что ж, ладно. Ни за что на свете, — высо-

комерно заявил он, — не стал бы посягать на постель, добытую этой дамой нечестным путем. Проводите меня в другое купе.

Кэтрин стиснула зубы.

— Ну уж нет, доктор Кэмпбелл. Не нужны мне ваши одолжения по признаку пола, спасибо. Проводите *меня* в другое купе.

Проводник развел руками:

— Прошу прощения, мисс. Прошу прощения, сэр. Но никак. Ни одного свободного купе в поезде нет. И сидячих мест тоже нет, если уж на то пошло. В третьем классе вообще битком.

— Что ж, ладно, — огрызнулся Алан после небольшой паузы. — Дайте же вещи забрать, буду всю ночь стоять в коридоре.

— Ой, не глупите! — воскликнула девушка совсем другим тоном. — Это невозможно!

— Повторяю, мадам…

— Всю дорогу до Глазго? Это невозможно. Не глупите!

Она присела на край койки.

— Остается только одно, — добавила она. — Придется соседствовать в этом купе и провести всю ночь сидя.

Тень облегчения легла на лицо проводника.

— О, мисс, это очень мило с вашей стороны! И я

не сомневаюсь, что этот джентльмен весьма вам признателен. Не так ли, сэр? Если вы согласитесь, то я уверен, что компания возместит вам стоимость билета. Это так любезно со стороны леди, не правда ли, сэр?

— Исключено. Я отказываюсь…

— В чем дело, доктор Кэмпбелл? — елейно спросила Кэтрин. — Вы боитесь меня? Или вы просто не осмеливаетесь взглянуть историческим фактам в лицо, когда упираетесь в них?

Алан повернулся к проводнику. Если бы в купе было попросторнее, то он указал бы на дверь драматичным жестом — ну точно отец семейства в старомодной мелодраме, изгоняющий под проливной дождь свое чадо. А так он просто, взмахнув рукой, врезался в решетку вентиляции. Проводник понял его по-своему.

— Что ж, сэр, решено. Доброй ночи. — Он ухмыльнулся: — Не так уж и неприятно будет, правда же?

— Вы что имеете в виду? — резко спросила Кэтрин.

— Ничего, мисс. Доброй ночи. Сладких…То есть я хотел сказать — доброй ночи.

Они снова стояли и таращились друг на друга. Внезапно и одновременно они сели на противо-

положные концы койки. Хотя до этого они бойко спорили, теперь, когда дверь закрылась, оба испытывали сильное смущение.

Поезд шел медленно: неуклонно, но с толчками, которые, вероятно, означали, что где-то в небе пролетел вражеский самолет. Воздух теперь поступал через решетку вентиляции, и было не так жарко.

Повисшее в воздухе напряжение нарушила Кэтрин. Улыбка превосходства на ее лице сменилась хихиканьем, которое затем растворилось в безудержном смехе. Алан вскоре присоединился к ней.

— Ш-ш-ш! — шепотом призвала она. — Мы потревожим пассажира из соседнего купе. Ну и смешны же мы были, как считаете?

— Не согласен. И в то же время…

Кэтрин сняла очки и наморщила свой гладкий лоб.

— Зачем вы едете на север, доктор Кэмпбелл? Или вернее сказать — кузен Алан?

— Полагаю, по той же причине, что и вы. Я получил письмо от некоего Дункана, человека с впечатляющей должностью — присяжный стряпчий.

— В Шотландии, — с язвительной снисходи-

тельностью пояснила Кэтрин, — присяжными стряпчими называют адвокатов сессионного суда. В самом деле, доктор Кэмпбелл! Какое невежество! Вы что же, никогда не были в Шотландии?

— Нет. А вы?

— Не была с детства. Но я все-таки слежу за тем, что происходит, особенно если это касается моей кровной родни. Было ли в письме сказано еще что-нибудь?

— Только то, что старый Ангус Кэмпбелл умер неделю назад, что те немногочисленные члены семьи, которых удалось найти, поставлены в известность и что не соблаговолю ли я прибыть в замок Шира, в Инверэри на семейный совет. О наследовании речи не идет, это он дал понять предельно ясно, а вот что он имел в виду под «семейным советом» — ясно не вполне. Я воспользовался этим письмом как хорошим предлогом, чтобы получить столь необходимый мне отпуск.

Кэтрин фыркнула:

— В самом деле, доктор Кэмпбелл! Это же ваша кровная родня.

Алан почувствовал, как в нем вновь поднимается раздражение.

— Послушайте! Я никогда даже не слышал об

Ангусе Кэмпбелле. Я нашел его на нашем развесистом генеалогическом древе и выяснил, что он двоюродный брат моего отца. Но я никогда не знал ни его, ни кого-либо из его окружения. А вы?

— Ну…

— Честно говоря, я и о замке Шира никогда не слышал. Кстати говоря, как мы туда попадем?

— В Глазго возьмем билет на поезд до Гурока. Из Гурока ходит паром до Дануна. В Дануне наймем машину и поедем вокруг фьорда Лох-Фин в Инверэри. Раньше можно было попасть в Инверэри из Дануна по воде, но с начала войны пароходного сообщения нет.

— А где он находится? В Хайленде или Лоуленде?[10]

Кэтрин метнула на него испепеляющий взгляд.

Алан не стал углубляться и настаивать на ответе. Его представления о том, где Хайленд, а где Лоуленд, были довольно смутными. Вообще он полагал, что достаточно провести линию на карте примерно посередине Шотландии, и тогда верхняя часть будет Хайлендом, а нижняя — Ло-

---

[10] Notes: 10

Две историко-географические части Шотландии:*Хайленд* — горная, северо-западная часть, *Лоуленд* — низинная, южная.

улендом. Но сейчас ему стало казаться, что все не так-то просто.

— В самом деле, доктор Кэмпбелл! В Западном Хайленде, конечно.

— А этот замок Шира, — продолжал он, позволяя себе (хотя и с неохотой) некоторую игру воображения, — это что-то вроде усадьбы, окруженной рвами, полагаю?

— В Шотландии, — ответила Кэтрин, — почти все, что угодно, может называться замком. И нет — этот совсем не так велик, как замок герцога Аргайла. По крайней мере, если судить по фотографиям. Стоит у входа в долину Шира, немного в стороне от Инверэри, на берегу фьорда. Довольно неряшливое каменное здание с высокой башней. Со своей историей. Вы, как историк, конечно, ничего об этом не знаете. Но вот что действительно любопытно, так это то, как именно умер Ангус Кэмпбелл.

— И? Как же он умер?

— Совершил самоубийство, — спокойно ответила Кэтрин. — Или был убит.

Роман, который Алан взял с собой, был в зеленой обложке — как и другие детективы из этой серии. Он не часто читал такое, но полагал, что иногда необходимо и расслабиться. Алан перевел

взгляд с обложки на лицо Кэтрин.

— Был *что*? — чуть ли не взвизгнул он.

— Убит. Об этом вы, конечно, тоже ничего не слышали? Боже мой! Ангус Кэмпбелл выпрыгнул или был выброшен из самого верхнего окна башни.

Алан попытался собраться с мыслями.

— Но разве не было дознания?

— В Шотландии нет дознания. Если смерть вызывает подозрения, то проводят так называемое общественное расследование под руководством специального человека — фискального прокурора. В случае несомненного убийства общественное расследование не проводится. Поэтому я всю неделю проглядывала газету «Глазго геральд» — о расследовании не было ни слова. Впрочем, это может ничего и не значить.

Теперь в купе было почти холодно. Воздух с шипением проходил сквозь решетку вентиляции у Алана над ухом, так что он протянул руку и повернул регулировочный винт, прикрыв заслонки. Затем пошарил в кармане.

— Сигарету? — предложил он, доставая пачку.

— Спасибо. Не знала, что вы курите. Думала, вы табак нюхаете.

— Да с чего же, — сурово спросил Алан, — вы

вообразили, что я нюхаю табак?

— А он застревает у вас в бороде, — объяснила Кэтрин, передернувшись от отвращения. — И сыпется повсюду. Ужасно! И все из-за грудастой нахалки!

— Какой еще грудастой нахалки?

— Герцогини Кливлендской!

Алан удивленно заморгал:

— Я так понял, мисс Кэмпбелл, что вы были ярой защитницей этой леди. Почти два с половиной месяца вы поносили меня на чем свет стоит, потому что, с вашей точки зрения, я поносил ее.

— Ох, ну да. Вы были так высокомерны по отношению к ней, что мне пришлось встать на ее сторону.

Он уставился на нее.

— И это, — воскликнул он, хлопнув себя по колену, — это, по-вашему, интеллектуальная честность!

— А по-вашему, интеллектуальная честность — это насмехаться над книгой в покровительственном тоне только потому, что она написана женщиной!

— Но я не знал, что она написана женщиной! Я, между прочим, не просто так обращался к вам «мистер Кэмпбелл», и…

— Да вы только запутать всех пытались.

— Погодите, — продолжал Алан, дав ей прикурить слегка трясущимися руками и закурив сам. — Давайте разберемся. Я не отношусь высокомерно к женщинам-ученым. Некоторые из самых лучших ученых, которых я когда-либо знал, были женщинами.

— Вы только вслушайтесь — как снисходительно это звучит!

— Дело в том, мисс Кэмпбелл, что мне совершенно не важно, был автор книги мужчиной или женщиной. Ошибки есть ошибки, кто бы их ни допустил.

— В самом деле?

— Да. И во имя истины вы же признаете, строго конфиденциально и между нами, что вы полностью ошибались насчет того, что у герцогини Кливлендской были «каштановые волосы и субтильное телосложение»?

— Конечно нет! — воскликнула Кэтрин, снова надевая очки и нахмурившись весьма сурово.

— Да выслушайте же! — возопил он. — Ведь есть же доказательства! Позвольте мне процитировать вам один пример — такой, что в той газете я бы его привести не смог. Я имею в виду рассказ Пипса…

Кэтрин смотрела на него с изумлением:

— Бросьте, доктор Кэмпбелл! Вы, претендующий на звание серьезного историка, действительно доверяете сплетне, которую Пипс узнал из третьих рук от своего цирюльника?

— Нет, нет, нет, мадам. Вы упорно упускаете суть. Дело не в том, истинна история или апокрифична. Дело в том, что Пипс поверил в нее, а он видел эту даму часто. Смотрите! Он пишет, что Карл Второй и герцогиня Кливлендская (в то время леди Каслмейн) взвесились «и она, имея во чреве дитя, оказалась тяжелее». Если вспомнить, что Карл, несмотря на худобу, был шести футов ростом и весьма мускулистого телосложения, то получается, что фигура дамы была довольно примечательной. А далее следует рассказ о ее шуточной свадьбе с Фрэнсис Стюарт[11], где она играла роль жениха. Фрэнсис Стюарт и сама была не пушинка. Разумно ли предполагать, что роль жениха исполняла более миниатюрная и легкая особа?

— Чисто умозрительный вывод.

— Умозрительный, признаю, но опирающийся на факты. Помимо этого у нас есть утверждение

---

[11] Notes: 11

Фрэнсис Тереза Стюарт (1647–1702) — английская аристократка, фаворитка Карла II, отказавшаяся, однако, стать его любовницей.

Ересби…

— Штайнманн пишет, что…

— Согласно Ересби совершенно ясно, что…

— Эй! — Из соседнего купе раздался раздраженный голос, а затем последовал стук в металлическую дверь. — Эй!

Спорщики мгновенно утихли. Надолго воцарилось виноватое молчание, нарушаемое лишь стуком колес.

— Давайте потушим свет, — прошептала Кэтрин, — поднимем шторку и глянем, что там снаружи.

— Давайте.

Щелканье выключателя, похоже, удовлетворило потревоженного обитателя соседнего купе.

Задвинув чемодан Кэтрин куда-то в темноту, Алан приподнял скользящую металлическую шторку на окне.

Поезд мчался сквозь вымерший мир, кромешно темный, лишь на пурпурном горизонте пересекались, складываясь в подобие лабиринта, лучи прожекторов. Бобовый стебель Джека не поднялся бы выше этих белых лучей. Они сновали туда-сюда, в унисон, как танцоры. Не было слышно ничего, кроме стука колес, даже жужжащего и кашляющего гудения, которое выдавало полет

бомбардировщика, *–вррраг-вррраг-вррраг*.

— Думаете, он следует за поездом?

— Я не знаю.

Ощущение интимности, неловкое и в то же время волнующее, нахлынуло на Алана Кэмпбелла. Они оба прильнули к окну. Их сигареты отражались в стекле красными пульсирующими точками, то загораясь, то тускнея. Алан едва различал лицо Кэтрин.

И вдруг, снова охваченные сильным смущением, они одновременно затараторили шепотом:

— Герцогиня Кливлендская…

— Лорд Уильям Рассел…

Поезд набирал скорость.

Глава третья

В три часа следующего дня — тихого и мягкого, какие только и бывают в Шотландии в самую прекрасную пору, — Кэтрин и Алан Кэмпбелл поднимались в гору по главной и единственной улице городка Дануна в графстве Аргайлшир.

Поезд, который должен был прибыть в Глазго в половине шестого утра, добрался туда только ближе к часу дня. К этому времени они были зверски, отчаянно голодны, но обеда так и не получили.

Приветливый носильщик, чей говор был едва понятен обоим Кэмпбеллам, сообщил им, что поезд на Гурок отходит через пять минут. Загрузившись в него, они продолжили путь к побережью вдоль Клайдсайда — все так же без обеда.

Когда Алан проснулся утром, взъерошенный и небритый, для него было большим потрясением обнаружить, что он сидит, откинувшись на подушки, в купе железнодорожного вагона, а симпатичная девушка спит, положив голову ему на плечо.

Пораскинув мозгами, он счел, что ему все нравится. Дух приключений, захвативший его чопорную душу, пьянил. Нет ничего лучше, чтобы избавиться от ощущения скованности, чем провести ночь с девушкой, пусть даже и платонически. Выглянув в окно, Алан с удивлением и некоторым разочарованием увидел, что пейзаж остался таким же, как и в Англии: ни тебе гранитных скал, ни вереска. А ведь ему так нужен был повод, чтобы процитировать Бернса.

Они умывались и одевались, эти невинные безумцы, и одновременно вели ожесточенный спор о финансовых реформах 1679 года, проводимых графом Денби, — им не мешала ни разделявшая их дверь, ни плеск текущей воды. Они не подавали виду, что голодны, до самого Гурока. Но когда выяснилось, что на борту приземистого парома, который вез их через залив в Данун, можно перекусить, они немедля умолкли и жадно набросились на шотландский бульон и жареного барашка.

Данун, бело-серый, с темными крышами, протянулся вдоль серо-стальной воды под защитой низких фиолетовых холмов. Он был похож на хорошую версию всех тех плохих картин с шотландскими пейзажами, которые висят во многих

домах: за исключением того, что на них обычно изображен олень, а тут его не было.

— Теперь я понимаю, — заявил Алан, — откуда так много этой пачкотни. Плохой художник не может устоять перед Шотландией. Она дает возможность наляпать фиолетовые и желтые пятна, и они будут эффектно контрастировать с водой.

Кэтрин сказала, что это чушь. А когда паром качнулся и стукнул бортом о пирс, прибавила, что если он не перестанет насвистывать «Лох-Ломонд», то она натурально спятит.

Оставив чемоданы на причале, они пересекли дорогу и направились к пустующему туристическому агентству, где и договорились о машине в Ширу.

— Шира, да? — хмыкнул унылый служащий, чей говор слегка напоминал английский. — Становится популярным местечком. — Он бросил на них странный взгляд, который впоследствии не раз вспоминался Алану. — Сегодня днем есть еще желающие в Ширу. Если вы не возражаете против попутчика в машине, это будет подешевше.

— Плевать на расходы! — воскликнул Алан, и это были его первые слова, сказанные в Дануне; стоит отметить, что ни один рекламный плакат со стены не упал. — Не хотелось бы показаться

снобами, но еще один Кэмпбелл, полагаю?

— Нет, — ответил служащий, сверяясь с блокнотом, — имя этого джентльмена Свон. Чарльз Э. Свон. Он был здесь минут пять назад.

— Никогда о нем не слышал. — Алан взглянул на Кэтрин. — Это, случайно, не наследник?

— Чушь! — отозвалась Кэтрин. — Наследник — доктор Колин Кэмпбелл, старший из оставшихся братьев Ангуса.

Служащий бросил на них еще более странный взгляд.

— Да. Мы отвезли его туда вчера. Очень положительный джентльмен. Что ж, сэр, вы поедете с мистером Своном или сами по себе?

— Мы поедем с мистером Своном, если он, конечно, не возражает, — заявила Кэтрин. — Вот еще! Так разбрасываться деньгами! Когда будет готова машина?

— В половине третьего. Подходите через полчаса, машина будет ждать. Всего хорошего, мэм. Всего хорошего, сэр. Благодарю вас.

Довольные, они вышли на мягкий солнечный свет и пошли по главной улице, разглядывая витрины магазинов. Судя по всему, это были в основном сувенирные лавки, везде бросалось в глаза обилие шотландки. Галстуки из шотланд-

ки, шарфы из шотландки, книжные переплеты из шотландки, чайные сервизы с росписью под шотландку, шотландка на куклах и шотландка на пепельницах, в основном тартан в красно-зеленую клетку королевского клана Стюартов — наиболее яркий вариант.

Алана вдруг одолело страстное желание что-нибудь купить, что случается даже с самыми закаленными путешественниками. Кэтрин удавалось сдерживать его, пока они не дошли до галантерейной лавки, где в витринах были выставлены декоративные щиты в цветах шотландки разных кланов (Кэмпбелл из Аргайла, Маклауд, Гордон, Макинтош, Макквин). Они покорили даже Кэтрин.

— Замечательные! — признала она. — Давайте зайдем.

Треньканье колокольчика потонуло в жарком споре, который шел у прилавка. За прилавком, скрестив руки на груди, сердито сверкала глазами женщина маленького роста. Перед ней стоял загорелый высокий молодой человек лет тридцати в надвинутой на лоб мягкой шляпе. Со всех сторон от него лежали тартановые галстуки всевозможных расцветок.

— Очень симпатичные, — учтиво говорил он.

— Но это не то, что мне нужно. Я бы хотел посмотреть галстук с шотландкой клана Макхольстер. Понимаете? Макхольстер. М-а-к-х-о-л-ь-с-т-е-р, Макхольстер. Не могли бы вы показать мне тартан клана Макхольстер?

— Нема такого клана Макхольстер, — ответила хозяйка лавки.

— Знаете что, — сказал молодой человек, опираясь локтем на прилавок и поднося к ее лицу тощий указательный палец. — Я канадец, но в моих жилах течет шотландская кровь, и я горжусь этим. С самого детства отец говорил мне: «Чарли, если ты когда-нибудь поедешь в Шотландию, если доберешься до Аргайлшира, ищи клан Макхольстер. Наши предки — клан Макхольстер, вот что я часто слышал от твоего деда».

— Говорю же: нема такого клана Макхольстер.

— Но ведь должен же быть клан Макхольстер! — умолял юноша, протягивая руки. — Ведь может же здесь быть клан Макхольстер? Среди всей этой кучи кланов и людей в Шотландии? Ведь может же быть и клан Макхольстер?

— Мог бы быть и клан Мак-гитлер. Но его нема.

Молодой человек был настолько очевидно сбит с толку и удручен, что хозяйка сжалилась

над ним:

— Звать-то как?

— Свон. Чарльз Э. Свон.

Она закатила глаза и призадумалась:

— Свон. Ну, значит, Макквин.

Мистер Свон с воодушевлением ухватился за это:

— Вы имеете в виду, что клан Макквин — мои родственники?

— Почем мне знать? Может, да. Может, нет. Некоторые Своны родня Макквинам.

— У вас есть их тартан?

Хозяйка ткнула в один из галстуков. Он был, без сомнения, эффектным — преобладающий насыщенный алый цвет сразу же пришелся по вкусу мистеру Свону.

— Вот это самое то! — с жаром воскликнул он и, обернувшись, обратился к Алану: — Что скажете, сэр?

— Восхитительно. Впрочем, возможно, немного слишком кричаще для галстука, вам не кажется?

— О нет, мне очень нравится! — задумчиво произнес мистер Свон, держа галстук в вытянутой руке и рассматривая его, словно художник, изучающий перспективу. — Да. Этот галстук по мне. Беру дюжину таких.

–Дюжину? — Хозяйка аж отпрянула.

— Именно. Почему бы и нет?

Хозяйка сочла своим долгом предупредить:

— Каждый по три шиллинга и шесть пенсов!

— Отлично. Заворачивайте, беру.

Когда хозяйка поспешно скрылась за дверью в подсобное помещение, Свон обернулся с заговорщицким видом. Из уважения к Кэтрин он снял шляпу, обнажив копну вьющихся волос цвета красного дерева.

— Знаете, — он понизил голос, — я немало попутешествовал в свое время, но это самая чертовски странная страна из всех, в которых мне довелось побывать.

— Да?

— Да. Кажется, что тут все только и заняты тем, что бесцельно слоняются и рассказывают друг другу шотландские анекдоты. Я заскочил в бар отеля неподалеку, там местный комик вызывал просто бури оваций исключительно шотландскими хохмами. И вот еще что. Я пробыл в этой стране всего несколько часов — прибыл лондонским поездом сегодня утром, — но уже четырежды по совершенно разным поводам услышал в свой адрес одну и ту же шутку.

— До этого мы еще не дошли.

— А я уже! Как только тут слышат мою речь, спрашивают: никак американец? Я отвечаю: нет, канадец. Но это вообще не меняет дела, мне говорят: «Слыхал про моего братца Ангуса, который просил таблеток от жадности? И побольше, побольше!» — Он посмотрел на них выжидающе. Выражение лиц его слушателей оставалось бесстрастным. — Не поняли? — удивился Свон. — Таблеток от жадности — побольше!

— Суть вполне очевидна, однако… — начала было Кэтрин.

— О, я не утверждаю, что это смешно, — поспешил заверить их Свон. — Я просто делюсь тем, что это очень странно. Нечасто встречаешь тещ, которые рассказывают друг другу свежие анекдоты про тещ, и англичан, которые шутят про англичан, не понимающих сути каламбура.

— А разве англичане широко этим известны? — с любопытством осведомился Алан.

Свон слегка зарумянился.

— В анекдотах в Канаде и Штатах — да. Без обид. Ну, вы понимаете, о чем я. «Гвоздь губкой не забьешь, как сильно ни мочи» превращается в «Гвоздь губкой не забьешь, какой бы мокрой она ни была». Погодите! Я также не утверждаю, что это смешно! Я только…

— Да бросьте! — сказал Алан. — Что я действительно хотел бы спросить: вы тот самый мистер Свон, который нанял машину до Ширы сегодня днем?

Дубленое лицо Свона с морщинками вокруг глаз и рта приобрело трудноуловимое уклончивое выражение. Словно он занял оборону.

— Да, это так. А что?

— Мы тоже туда направляемся и хотели поинтересоваться, не будете ли вы против, если мы поедем вместе. Моя фамилия — Кэмпбелл, доктор Кэмпбелл. А это моя кузина, мисс Кэтрин Кэмпбелл.

Свон слегка поклонился. Выражение его лица переменилось, он засиял добродушием.

— Совершенно ни капельки не против! Буду только рад такому соседству! — сердечно провозгласил он. Взгляд его светло-серых глаз оживился, перебегая с одного на другую и обратно. — Родня, так?

— Дальняя. А вы?

Снова это уклончивое выражение на лице.

— Что ж, раз уж вы знаете мое имя, а также то, что я происхожу то ли от Макхольстеров, то ли от Макквинов, убедительно притвориться членом семьи у меня не выйдет, не так ли? Скажите же,

однако, — тон его стал доверительным, — можете ли вы что-нибудь поведать мне о некой мисс или миссис Элспет Кэмпбелл?

Алан покачал головой, но на выручку пришла Кэтрин:

— Вы имеете в виду тетушку Элспет?

— Боюсь, что мне ничего о ней не известно, мисс Кэмпбелл.

— Тетушка Элспет, — ответила Кэтрин, — на самом деле никакая не тетушка, она даже не Кэмпбелл, хотя все зовут ее именно так. Никто толком не знает, кто она и откуда взялась. Просто пришла сюда лет сорок назад и с тех пор так здесь и живет. Она что-то вроде главы Ширы. Должно быть, ей порядка девяноста лет, и, говорят, она сущий кошмар. Впрочем, я с ней ни разу не встречалась.

— Угу, — только и ответил Свон. Хозяйка лавки принесла ему сверток с галстуками, и он расплатился.

— Кстати, — продолжал он, — нам пора бы поспешить, если мы не хотим упустить ту машину.

Церемонно распрощавшись с хозяйкой, Свон распахнул перед ними дверь лавки.

— Дорога туда, должно быть, неблизкая, а я хотел бы вернуться до темноты. Задерживаться я

не собираюсь, полагаю, тут тоже отключают электричество? Мне просто необходимо наконец-то как следует выспаться. Прошлой ночью в поезде мне это совершенно не удалось.

— Плохо спите в поездах?

— Не в этом дело. Супружеская пара в соседнем купе чертовски ругалась из-за какой-то дамочки из Кливленда, всю ночь я почти не сомкнул глаз.

Алан и Кэтрин быстро обменялись встревоженными взглядами, но Свон был слишком поглощен своими жалобами.

— Когда-то я и сам жил в Огайо[12], хорошо его знаю, поэтому и прислушивался. Но, честно говоря, я толком не понял, о чем сыр-бор. Упоминали какого-то парня по имени Рассел, другого называли Карл. Но я так и не разобрался, спуталась эта дамочка из Кливленда с Расселом, или с Карлом, или с мужем этой женщины из соседнего купе. Было слышно, но не настолько хорошо, чтобы все понять. Я стучал в стену, но даже после того, как они погасили свет…

— Доктор Кэмпбелл! — предостерегающе вскрикнула Кэтрин.

Но на воре шапка горит.

---

[12] Notes: 12

Второй по размеру город в штате Огайо тоже называется Кливленд.

— Боюсь, — сказал Алан, — что это были мы.

— Вы? — воскликнул Свон и резко остановился на жаркой, яркой, сонной улице. Взгляд его скользнул по левой руке Кэтрин — кольца не было. Казалось, что он изучает, регистрирует что-то, как бы записывает.

Внезапно Свон настолько нарочито и явно сменил тему, что даже его ровный голос подчеркнул это.

— Здесь определенно не испытывают недостатка в еде. Посмотрите на витрины этих лавок! Вон та штука — хаггис. Это…

Лицо Кэтрин побагровело.

— Мистер Свон, — отрывисто произнесла она, — могу я заверить вас, что вы ошибаетесь? Я сотрудник исторического факультета Харпенденского женского колледжа…

— Я впервые вижу хаггис, но не могу сказать, что мне нравится его вид. Он умудряется выглядеть более голым, чем любое мясо, которое я когда-либо видел. То, что похоже на ломтики колбасы, называется ольстерской поджаркой. Это…

— Мистер Свон, пожалуйста, уделите мне внимание. Этот джентльмен — доктор Кэмпбелл из Университетского колледжа в Хайгейте. Мы оба можем заверить вас…

И снова Свон резко остановился. Он огляделся по сторонам, словно желая убедиться, что их не подслушивают, а затем быстро заговорил низким, серьезным голосом.

— Послушайте, мисс Кэмпбелл, — сказал он, — я человек широких взглядов и знаю, как все это бывает. Мне жаль, что я вообще затронул эту тему.

— Но…

— Все эти разговоры о том, что я плохо спал, — полная чепуха. Я заснул сразу, как только вы выключили свет, и после этого не слышал ни звука. Так что давай просто забудем, что я вообще об этом говорил, хорошо?

— Пожалуй, так будет лучше всего, — согласился Алан.

— Алан Кэмпбелл! Вы не смеете…

Свон, в своей мягкой манере, указал вперед. У туристического офиса был припаркован комфортабельный синий пятиместный автомобиль; прислонясь к нему, стоял шофер — в фуражке, мундире и гамашах.

— А вот и золотая колесница, — добавил Свон. — У меня, кстати, есть путеводитель. Будет весело!

Глава четвертая

Машина миновала крошечные верфи, залив Холи-Лох, поросшие лесом холмы, поднялась по склону, проехала Хизер-Джок и выбралась на длинный прямой участок дороги вдоль глубокого озера Лох-Эк.

Шофер понравился им с первого взгляда.

Это был дюжий, краснолицый, словоохотливый человек с исключительно яркими голубыми глазами и бескрайним запасом жизнерадостности. Свон занял переднее сиденье, а Алан и Кэтрин устроились на заднем. С самого начала Свон настолько был очарован акцентом шофера, что в конце концов начал ему подражать.

Указав на ручей у подножия холма, водитель назвал его «речушкой». Свон вцепился в это слово мертвой хваткой. Отныне вода в любом ее виде, пусть даже и горный поток, способный снести дом, становилась «речушкой». Не обращать на это внимания было невозможно — Свон экспериментировал с произношением «р», и получался то какой-то предсмертный хрип, то протяжное горловое бульканье.

Алан от этого испытывал сильный дискомфорт, но возражать не смел. Шофер тоже не возражал. Походило на то, как если бы, скажем, сэр Седрик Хардвик[13] вынужден был выслушивать шуточки мистера Шнозла Дуранте[14] насчет чистоты его английского.

Тем, кто считает шотландцев угрюмыми или неразговорчивыми, думал Алан, следовало бы пообщаться с этим шофером. Остановить поток его речи было невозможно. Он подробно рассказывал о каждом месте, которое они проезжали, причем, как выяснилось позже из путеводителя Свона, удивительно точно.

По большей части, по его словам, он водил катафалк. Развлекая их описанием многих прекрасных похорон, со скромной гордостью он поведал о том, какая это огромная честь для него — везти покойника. Свон воспользовался моментом:

---

[13] Notes: 13

Седрик Хардвиг (1893–1964) — английский и американский актер, режиссер, продюсер. Имеет две звезды на Голливудской аллее славы; посвящен в рыцари.

[14] Notes: 14

Джеймс Фрэнсис «Джимми» Дуранте (1893–1980) — американский комик, актер, певец, пианист, очень популярная личность в США в 1920–1970 гг. Обладал грубым, резким голосом, сильным нью-йоркским акцентом, а также очень крупным носом, за что получил прозвище Шнозл (Schnozzola — «нос» на идиш).

— Не вы ли, случайно, вели катафалк на похоронах где-то с неделю назад?

Слева от них среди холмов виднелось озеро Лох-Эк, его поверхность, похожую на старое потускневшее зеркало, не будоражили ни всплеск, ни рябь. Никакого движения не было заметно на поросших пихтами и соснами склонах, которые тянулись до торчащих скальных выходов. Разум притупляла царящая здесь абсолютная тишина, словно барьер, отгораживающий от остального мира, но в то же время не покидало осознание того, чтó находится за ним: как будто среди этих холмов все еще скрывались потрепанные щиты.

Шофер, вцепившись большими красными руками в руль, так долго хранил молчание, что они было решили, что он вопроса либо не услышал, либо не понял. А затем он заговорил.

— Старина Кэмпбелл из Ширы, было дело, — произнес он.

— Ну дык, — ответил Свон на полном серьезе. Говор явно был заразен: Алан себя уже несколько раз ловил на том, что готов тоже перейти на него.

— Так, кумекаю, и вы из Кэмпбеллов будете?

— Эти двое, — Свон дернул головой в сторону заднего сиденья. — Я-то Макхольстер, иногда

кличут Макквином.

Шофер повернулся и очень пристально посмотрел на него. Но Свон был само простодушие.

— Вез давеча одного, — неохотно произнес шофер, — Колин Кэмпбелл звать, добрый шотландец, типа меня, хоть и говорит по-англичански. — Он посмурнел. — Такого трепача поискать! Безбожник, и ни стыда ни совести — даже не скрывает! Всех поносит на чем свет стоит. — Шофер нахмурился. — Кое-кто говорит, что Шира — местечко не слишком чистое. Так оно такое и есть.

Снова повисло тяжелое молчание, только шины шуршали.

— Чистое, так понимаю, — заметил Алан, — в данном случае суть противоположность «нечистому»?

— Ну дык.

— Но если Шира местечко нечистое? Что с ним не так — привидения?

Шофер бахнул ладонью по рулю, слово печать поставил.

— Твердить, что привидения, не стану; что за чертовщина — не знаю. Но местечко — нечистое, такое и есть.

Свон, присвистнув, открыл свой путеводитель. Пока машина тряслась по дороге, а полуденный

свет терял свой золотой окрас, он долистал до раздела, посвященного Инверэри. Зачитал вслух:

— «Путешественнику, въезжающему в город по главной дороге, стоит обратить внимание на замок Шира (по левую руку). Само здание не представляет никакого интереса с точки зрения архитектуры. Будучи возведенным ближе к концу XVI века, с тех пор обросло пристройками. Узнать его можно по круглой башне с конической шиферной крышей в юго-западном углу. Эта башня высотой в 62 фута, по всей видимости, все, что успели построить согласно амбициозному, но так и нереализованному плану. По преданию, в 1692 году, вскоре после резни в Гленко, произошедшей в феврале того же года…» — Свон прервал сам себя. — Постойте-ка, — промолвил он, потирая подбородок, — я уже слыхал про резню в Гленко. Помнится, когда я учился в школе в Детройте… Эй, да что с ним такое, черт возьми?

Шофер, к которому явно вернулось чувство юмора, трясся за рулем в таком пароксизме внутреннего молчаливого восторга, что слезы выступили у него на глазах.

— Папаша, ты чего? — требовательно спросил Свон. — Что случилось?

Шофер поперхнулся. Подавляемый смех рвался

наружу.

— Вот как знал, что вы американец! — провозгласил он. — Скажите-ка, слыхали ли про моего братца Ангуса, что таблетки от жадности просил? «И побольше, побольше!»

Свон треснул себя по лбу, а шофер не унимался:

— Что, не понимаете? У вас чувство юмора-то есть? Побольше! От жадности!

— Забавно, — сказал Свон, — согласен. Но я не американец, я — канадец, хоть и учился в школе в Детройте. И того, кто сегодня еще хоть раз упомянет братца Ангуса при мне, я самолично прирежу. И раз уж зашла речь… Перестаньте хихикать, слышите? Сохраняйте надлежащую шотландскую серьезность!.. Так вот насчет резни в Гленко. Давным-давно в школе мы ставили про нее пьесу. Кто-то там кого-то прирезал. Не помню только, то ли Макдональды убили Кэмпбеллов, то ли Кэмпбеллы Макдональдов.

Кэтрин подала голос:

— Конечно, Кэмпбеллы убили Макдональдов, — ответила она. — А что, потомки все еще дуются?

Водитель, утерев слезы и снова посуровев, заверил ее, что нет, уже нет.

Свон снова открыл свою книжку:

— «По преданию, в 1692 году, вскоре после резни в Гленко, произошедшей в феврале того же года, Ян Кэмпбелл, состоявший рядовым в отряде Кэмпбелла из Гленлиона, настолько измучился угрызениями совести, что покончил с собой, выпрыгнув из самого верхнего окна башни и размозжив голову о брусчатку». — Свон оторвался от книги. — Не то же ли случилось и со стариком на днях?

— Ну дык.

— «По другой версии, причиной самоубийства стали не угрызения совести, а „непосредственная близость“ одной из жертв, чье изуродованное тело преследовало его из комнаты в комнату, пока у него не осталось никакого иного выхода, чтобы избежать прикосновения к себе, кроме как…»

Свон с шумом захлопнул книгу.

— Полагаю, предостаточно, — добавил он. Глаза его сузились, а голос стал вкрадчивым: — Кстати говоря, а что именно случилось? Разве старик ночевал на верху башни?

Но шофера было не так-то просто сбить с толку. «Не задавайте вопросов, — говорил весь его вид, — и не услышите лжи».

— Вот-вот увидаете Лох-Фин, а там и Ширу, — проговорил он. — А! Гляньте, вот!

На перекрестке они повернули направо, к Страчуру. Перед ними расстилался водный простор. Никто не смог удержаться от восхищенного возгласа.

Фьорд казался длинным и широким, а к югу — по левую руку от них — и вовсе бесконечным. Посеребренный солнечными лучами, он извивался меж высоких берегов и, постепенно расширяясь, где-то далеко впадал в залив Фертоф-Клайд.

К северу фьорд не имел выхода к морю, он сужался клином, простираясь еще примерно на три мили, и его синевато-серые мерцающие воды были неизбывно спокойны. Пологие холмы, черные или темно-фиолетовые, за исключением тех мест, где солнечный свет выхватывал брызги бледно-лилового вереска или темную зелень сосен и пихт, обступали его и словно оттеняли коричневым тоном.

На противоположном берегу фьорда, у самой кромки воды, смутно виднелись низкие белые домики городка, частично скрытого за полосой деревьев. Можно было различить церковный шпиль, а на возвышающемся над городом холме — сторожевую башню, похожую на точку с такого расстояния. Алан мог поклясться, что видит в

неподвижной воде отражения белых домиков, — настолько прозрачным был воздух.

Шофер ткнул пальцем в ту сторону.

— Инверэри, — сказал он.

Машина мчалась дальше. Свон, очевидно, был так впечатлен видом, что даже забыл прорычать свою «речушку».

Дорога — очень хорошая, как и все дороги, которые встречались им до сих пор, — шла на север, прямо по берегу. Чтобы добраться до Инверэри, лежавшего на противоположном берегу, им предстояло доехать до верховья фьорда, обогнуть его и вернуться параллельным курсом в точку, расположенную ровно напротив той, где они находились сейчас.

По крайней мере, Алан так полагал. Казалось, что до Инверэри рукой подать — достаточно пересечь сверкающие воды в самом узком месте фьорда. Алан как раз порывисто откинулся на спинку сиденья, наслаждаясь видом на необъятные суровые холмы, когда машина, резко дернувшись, остановилась и шофер выбрался наружу.

— Вылазьте, — просиял он. — У Дональда Маклиша туточки лодка найдется, чую.

Они удивленно уставились на него.

— Лодка?! Вы говорите, лодка? — возмутился Свон.

— Так да.

— Зачем, во имя сатаны, вам нужна лодка?

— Дык, чтобы на тот берег отчалить.

— Но ведь туда ведет дорога, разве нет? Разве нельзя просто проехать по ней и заехать в Инверэри с другой стороны?

— Тратить горючку, когда можно и руками поработать? — вопросил шофер не без ужаса. — Дураков нет! Вылазьте! Тут по дороге пять-шесть миль!

— Что ж, — улыбнулась Кэтрин, которая, казалось, сохраняла серьезность не без усилий, — по крайней мере, я точно не против прогулки по воде.

— Ладно, — уступил Свон. — Но пусть гребет кто-нибудь другой, не я. Но, ей-богу, папаша! — Он всплеснул руками. — В чем смысл? Это же не ваш бензин, так? Платит компания, верно?

— Ну дык. Дело принципа. Вылазьте.

Весьма экстравагантное трио, с очень веселым шофером на веслах, переправлялось через фьорд в тиши раннего вечера.

Кэтрин и Алан с чемоданами в ногах сидели на корме лицом к Инверэри. Был тот час, когда вода

кажется светлее и ярче небес, а тени начинают сгущаться.

— Брр! — вскоре произнесла Кэтрин.

— Замерзли?

— Немного. Но не в этом дело. Ну и местечко, да? — Она взглянула на бывшего шофера, теперь паромщика. — Нам вон туда — где маленький причал?

— Так-то да, — согласился тот, глянув через плечо. Уключины скрипели безбожно. — Не бог весть что; а говорят, слышьте, старина Ангус Кэмпбелл деньжат оставил пруд пруди.

Молча они наблюдали, как замок Шира вырастал перед ними.

Он стоял на некотором расстоянии от городка. Построенный из старинного камня и серого кирпича, с крутой шиферной крышей, замок протянулся фасадом вдоль берега, и при взгляде на него Алану вспомнилось определение Кэтрин — «неряшливый».

Самой заметной была башня. Круглая, сложенная из поросшего мхом серого камня, с конической шиферной крышей, она возвышалась на юго-восточном углу дома. Со стороны, обращенной к фьорду, в башне было только одно решетчатое окно. Под самой крышей размести-

лись два фонаря. От окна до площадки перед домом, вымощенной щербатыми каменными плитами, было, наверное, около шестидесяти футов.

При мысли о падении из этого окна Алан испытал приступ тошноты и беспокойно поежился.

— Полагаю, — Кэтрин явно подбирала слова, — здесь все довольно… ну, примитивно?

— Пфф! — презрительно фыркнул шофер. — У них ажно электричество есть.

— Электричество?

— Так да. И ванна, хотя тут точно не скажу. — Он снова обернулся через плечо, и лицо его посмурнело. — Видите, человек у причальца пялится на нас? Это вот тот самый доктор Колин Кэмпбелл и есть, о котором я вам, значит, распинался. Держит медицинскую практику в Манчестере, а может, и в другом каком таком же безбожном месте.

Фигура у причала частично сливалась с серо-коричневым пейзажем. Этот коренастый мужчина был невысок, но весьма широк и крепок, а по его осанке было видно, что человек он упрямый, крутого нрава. Одет он был в старую охотничью куртку, вельветовые бриджи и гамаши, руки держал в карманах.

Впервые за много лет Алан увидел врача с бо-

родой и усами. Подстриженные хотя и коротко, но неаккуратно, они в сочетании с шевелюрой придавали ему лохматый вид. Волосы были неопределенного каштанового оттенка с примесью блондинистых прядей или, вернее сказать, седины. Колину Кэмпбеллу, старшему из двух младших братьев Ангуса, было лет шестьдесят пять или немного больше, но выглядел он моложе.

Он критически наблюдал за тем, как Алан помогал Кэтрин вылезти из лодки, а Свон выбирался вслед за ними. И хотя поведение доктора нельзя было назвать недружелюбным, казалось, что он в любой момент готов ощетиниться.

— А вы кто будете? — спросил он глубоким басом.

Алан представился. Колин вынул руку из кармана, но рукопожатия не предложил.

— Что ж, — сказал он, — ну заходите тогда. Почему бы и нет? Все уже здесь: и этот прокурор, и поверенный, и человек из страховой, и кого тут только нет. Вы тут из-за Алистера Дункана, полагаю?

— Солиситора?

— Поверенного, — поправил Колин со свирепой ухмылкой; он определенно все больше нравился

Алану. — В Шотландии — это поверенный. Да. Я именно это и имею в виду.

Он повернулся к Свону и нахмурил косматые брови. Было в его взгляде что-то львиное.

— Как, говорите, ваше имя? Свон? Не знаю никаких Свонов.

— Я здесь, — начал Свон так, словно собирая всю волю в кулак, — по просьбе мисс Элспет Кэмпбелл.

Колин вперил в него взгляд.

— Элспет послала за вами? — прорычал он. — Элспет?! Господь всемогущий! Ни за что не поверю!

— Отчего же?

— Да потому что, если не считать врача или священника, тетушка Элспет никогда в жизни не посылала ни за чем и ни за кем. Все, что она желала когда-либо видеть, — это были мой брат Ангус и лондонская «Дейли флудлайт». Господь всемогущий! Старуха совсем чокнулась! Читает «Дейли флудлайт» от корки до корки, знает имена всех писак, треплется о джиттербаге[15] и бог весть о чем еще.

— «Дейли флудлайт»? — переспросила Кэтрин

---

[15] Notes: 15

Джиттербаг — популярный в 1930–1950-е гг. танец с быстрыми, резкими движениями, по стилю похожий на буги-вуги и рок-н-ролл.

с презрительной гримасой. — Эта грязная бульварная газетенка?

— Эй! Полегче! — запротестовал Свон. — Вы про мою газету говорите, вообще-то!

Теперь на него вылупились все.

— Вы же не репортер, нет? — выдохнула Кэтрин.

Свон попытался ее успокоить.

— Послушайте, — сказал он очень серьезно, — не переживайте: я собираюсь опустить эпизод, в котором вы и док Кэмпбелл провели в поезде ночь в одном купе. Конечно, если мне не придется… Я только…

Внезапно Колин прервал его громким раскатистым хохотом. Он хлопнул себя по колену, выпрямился и провозгласил, обращаясь, казалось, ко всей вселенной:

— Репортер? Почему бы и нет? Добро пожаловать! Почему бы не разнести эту историю еще и по всему Манчестеру и Лондону? Сделайте одолжение! А что там насчет парочки ученых из одной семьи и их шурах-мурах в поезде?

— Говорю же…

— Ни слова больше. Одобряю! Господь всемогущий! Приятно видеть, что в молодом поколении есть хоть капля того задора, которым горели мы

в свое время! Господь всемогущий!

Он хлопнул Алана по спине, обхватил его своей тяжеленной рукой за плечи и встряхнул. Его дружелюбность была столь же обескураживающей, как и его свирепость. И вот, пророкотав все это в вечернем воздухе, он заговорщически понизил голос:

— Боюсь, мы не сможем поселить вас в одной комнате. Приходится соблюдать некоторые приличия. Хотя смежные комнаты организовать можно. Только не упоминайте об этом при тетушке Элспет.

— Да послушайте же! Ради всего святого!..

— Она большая сторонница соблюдения общепринятых норм, хотя сама сорок лет была любовницей Ангуса; и кстати, в Шотландии она теперь имеет статус гражданской жены. Входите! Что вы там гримасничаете! Входите! Бросай сюда чемоданы, Джок, да смотри поаккуратней!

— Не Джок я никакой, — ответил гребец, грузно прыгнув в лодку.

Колин выпятил бороду.

— Именно что Джок, — парировал он, — раз я так говорю. Напиши это себе на лбу, приятель. Деньги нужны?

— От вас уж нет. Меня звать…

— Ну и прекрасно, — ответствовал Колин, подхватив два чемодана так, словно это были всего лишь свертки, — потому что, черт меня побери, дать мне тебе нечего. — Он повернулся к остальным. — Ситуация такова: если Ангуса убили — Алек Форбс или кто-то другой — или если он случайно выпал из окна, тогда мы с Элспет сказочно богаты. Элспет и один трудолюбивый, но нищий врач общей практики — оба богаты. Но если Ангус совершил самоубийство, скажу вам прямо, мы не получим ни шиша.

Глава пятая

— Но насколько я слышал… — начал было Алан.

— Слышали, что старый скупердяй был богат? О да! Все так думали. Старая песня.

Воспоследовавшие слова Колина прозвучали совершенно непонятно и загадочно.

— Мороженое! — воскликнул он. — Тракторы! Золото Дрейка! Поверьте, ничего не стоит облапошить скупердяя в его жажде наживы. Не то чтобы Ангус был совсем уж скупердяем. Он, конечно, был сволочью, но сволочью приличной, если вы понимаете, о чем я. Мне он помогал, когда было надо. Он бы и другому нашему брату помог, когда тот попал в беду, — если бы только кто-нибудь знал, где найти этого пройдоху. Ну и чего мы все здесь стоим? Пойдемте в дом! А вы — где ваш чемодан?

Свон все это время тщетно пытался вставить хоть слово, однако бросил эту затею.

— Я не задержусь, большое спасибо, — ответил Свон. Он повернулся к водителю: — Вы же меня подождете?

— Так да. Обожду.

— Что ж, решено, — прорычал Колин. — Эй, ты, Джок! Пойди на кухню и передай, чтоб налили тебе полпинты. Я имею в виду, лучшего виски Ангуса. А вы — следуйте за мной.

Оставив позади себя человека, горячо и напрасно доказывающего в пустоту, что его зовут не Джок, они последовали за Колином к арочному дверному проему. Свон, чем-то обеспокоенный, тронул Колина за руку.

— Послушайте, — сказал он. — Это не мое дело, но вы уверены, что поступаете верно?

— Поступаю как? Вы о чем?

— Ну-у, — протянул Свон, сдвигая на затылок свою мягкую серую шляпу, — я слыхал, конечно, что шотландцы — любители заложить за воротник, но это превосходит все мои ожидания. Неужели полпинты виски залпом — это обычное дело в этих краях? Он же дороги не разглядит на обратном пути!

— Полпинты, клятый ты сакс, — это капля виски. Что касается вас! — Колин пристроился позади Кэтрин и Алана и принялся подгонять их. — Вы должны что-то поесть. Вам силенки-то надо подкрепить.

Холл, в который он их ввел, был просторным,

но довольно затхлым, пахло здесь старым камнем. В полумраке мало что было видно. Колин распахнул дверь по левую руку, ведущую в еще один зал.

— Подождите там, вы двое, — приказал он. — Свон, приятель, ты пойдешь со мной. Поищу Элспет. Элспет! Элспет! Где ты, черт возьми, Элспет? Ах да, если услышите, как кто-то спорит в соседней комнате, то это всего лишь поверенный Дункан и Уолтер Чепмен из страховой компании «Геркулес».

Алан и Кэтрин остались одни в длинном помещении с низким потолком и едва уловимым, но всепроникающим запахом сырости. Наступала вечерняя прохлада, так что в камине был разожжен огонь. Благодаря бликам огня и слабому свету, пробивавшемуся через два окна, выходившие на фьорд, можно было разглядеть, что мебель обтянута тканью из конского волоса, по стенам развешено много картин — все огромные, в широких золоченых рамах, — а ковер был когда-то ярко-красным, но порядком выцвел.

На приставном столике лежала огромная семейная Библия. На каминной полке на алой ткани с бахромой стояла фотография, задрапированная черным крепом. В отличие от Колина

мужчина на фотографии был гладко выбрит и совершенно сед, но тем не менее сходство с ним было столь явным, что никаких сомнений в том, чей именно это портрет, не возникало.

Не было слышно даже тиканья часов. Алан и Кэтрин невольно перешли на шепот.

— Алан Кэмпбелл, — зашептала Кэтрин, ее лицо приобрело конфетно-розовый оттенок, — вы чудовище!

— Почему?

— Да господи боже мой, неужели вы не понимаете, что они о нас думают? И эта кошмарная «Дейли флудлайт» напечатает все, что угодно. Неужели вас это совсем не беспокоит?

Алан задумался.

— Откровенно говоря, — произнес он, к собственному удивлению, — нет. Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что на самом деле все не так.

Кэтрин слегка отступила назад, оперлась на столик с семейной Библией, словно ища в ней поддержки. Однако Алан отметил, что порозовела она еще больше.

— Доктор Кэмпбелл! Что, черт возьми, на вас нашло?

— Не знаю, — честно признался он. — Может

быть, Шотландия так влияет на людей…

— Надеюсь, что нет!

— Но я ощущаю желание взять в руки клеймор[16] и пойти с ним куда-то наперевес. Кроме того, я чувствую себя сорвиголовой, и мне это нравится! Кстати, вам говорили, что вы чрезвычайно обворожительная прелестница?

— Прелестница? Вы назвали меня прелестницей?

— Классический термин семнадцатого века!

— Но конечно, не настолько обворожительная, как ваша драгоценная герцогиня Кливлендская, — парировала Кэтрин.

— Признаю, — сказал Алан, смерив ее оценивающим взглядом, — отсутствие пропорций, которые вызвали бы восторг у Рубенса. В то же время…

— Ш-ш!

В дальнем от окна конце гостиной виднелась приоткрытая дверь. Внезапно из-за нее раздались голоса — словно двое долго молчали, а потом одновременно заговорили. Один голос звучал сухо и явно принадлежал очень пожилому человеку, другой был помоложе, пободрее и пообходи-

---

[16] Notes: 16

Клеймор — меч шотландских горцев.

тельнее. Послышались извинения, после чего продолжил тот, что звучал более молодо.

— Дражайший мистер Дункан, — произнес он, — кажется, вы не до конца понимаете мою роль в этом деле. Я всего лишь представитель страховой компании «Геркулес». Это мой долг — расследовать эту претензию…

— И расследовать честно и справедливо.

— Конечно. Расследовать и порекомендовать моей фирме оплатить или оспорить страховой случай. Ничего личного! Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь. Я знавал покойного мистера Ангуса Кэмпбелла, и он мне нравился.

— Вы были лично знакомы?

— Да.

Послышался глубокий вдох через нос, и пожилой голос произнес как бы с нажимом:

— Тогда позвольте задать вам вопрос, мистер Чепмен.

— Слушаю вас.

— Вы бы назвали мистера Кэмпбелла здравомыслящим человеком?

— Да, определенно.

— Человеком, знающим, скажем так, — раздалось сопение, и голос зазвучал еще более сухо, — цену деньгам?

— О да, весьма.

— Ладно. Прекрасно. Очень хорошо. Итак, мистер Чепмен, помимо полиса страхования жизни, выданного вашей компанией, у моего клиента было еще два полиса других компаний.

— Мне ничего об этом не известно.

— Так вот я вам и рассказываю, сэр! — рявкнул пожилой голос, и раздался стук костяшек пальцев по дереву. — У него были полисы на огромную сумму в страховых компаниях «Гибралтар» и «Планета».

— И что?

— А вот что. Страховые полисы в настоящее время составляет весь его капитал, мистер Чепмен. Весь, сэр, — целиком и полностью. Все остальное имущество он умудрился спустить на свои безумные финансовые авантюры. В каждом из этих полисов есть пункт о самоубийстве…

— Естественно.

— Совершенно согласен. Естественно! Но обратите внимание: за три дня до смерти мистер Кэмпбелл оформил еще один полис, также в вашей компании, на три тысячи фунтов. Полагаю… хм… что страховые взносы в его возрасте должны были быть огромными?

— Ставка действительно довольно высока. Но

наш врач счел, что случай мистера Кэмпбелла относится к низкорисковым, он мог бы прожить еще лет пятнадцать.

— Прекрасно. Таким образом, — продолжил мистер Алистер Дункан, поверенный и присяжный стряпчий, — итоговая сумма по всем страховкам составляла около тридцати пяти тысяч фунтов.

— В самом деле?

— Каждый полис содержал оговорку о самоубийстве. А теперь, милостивый государь! Милостивейший государь! Можете ли вы, как человек, кое-что в жизни повидавший, хоть на минуту представить, что через три дня после оформления дополнительного полиса Ангус Кэмпбелл намеренно покончил с собой и тем самым все аннулировал?

Наступило молчание.

Алан и Кэтрин, подслушивавшие без всяких угрызений совести, уловили, как кто-то начал медленно расхаживать туда-сюда. Безрадостную улыбку поверенного воображение дорисовало.

— Видите, сэр! Видите! Вы англичанин. Но я-то шотландец, фискальный прокурор — тоже.

— Я готов признать, что…

— Вы*должны* признать это, мистер Чепмен.

— Но что вы предполагаете?

— Убийство, — выпалил поверенный. — Совершенное, вероятно, Алеком Форбсом. Вы же слыхали об их ссоре. Слыхали о том, что Форбс заявился сюда в ночь смерти мистера Кэмпбелла. Слыхали о таинственном чемодане (или собачьей переноске, если угодно) и пропавшем дневнике.

Снова наступило молчание. Звуки медленного расхаживания взад-вперед создавали нервическую атмосферу. Мистер Уолтер Чепмен, представитель страховой компании «Геркулес», заговорил совсем в другом тоне:

— Но черт побери, мистер Дункан! Сколько можно переливать из пустого в порожнее!

— Простите?

— Легко рассуждать, мог он или не мог. Но, судя по уликам, он таки это сделал. Не возражаете, если я займу минуту вашего внимания?

— Нисколько.

— Хорошо! Значит, так: обычно мистер Кэмпбелл спал в той комнате на самом верху башни. Верно?

— Да.

— В ту самую ночь его видели удаляющимся, как обычно, в десять часов, дверь он запер и закрыл на засов. Согласны?

— Согласен.

— Его тело было найдено рано утром следующего дня у подножия башни. Смерть наступила от перелома позвоночника и многочисленных травм, полученных при падении.

— Так.

— Как показала посмертная экспертиза, — продолжал Чепмен, — он не был ничем ни одурманен, ни опьянен. Так что случайное выпадение из окна можно исключить.

— Я ничего не исключаю, милостивый государь. Но продолжайте.

— Теперь что касается убийства. Утром дверь все еще была заперта и закрыта на засов. Окно (вы не можете этого отрицать, мистер Дункан) абсолютно недоступно снаружи. Мы пригласили профессионального верхолаза из Глазго, чтобы убедиться в этом. Окно находится на высоте пятьдесят восемь с четвертью футов от земли. Других окон на этой стороне башни нет. Ниже его — стена гладкого камня до самой мостовой. Выше — конусообразная крыша из скользкого шифера. Верхолаз готов поклясться, что никто, какие бы у него ни были веревки и снаряжение, не смог бы ни подняться к этому окну, ни спуститься из него. Я могу рассказать более подробно, если хотите…

— В этом нет необходимости, милостивый

государь.

— Не может быть и речи о том, что кто-то забрался в комнату через это окно, вытолкнул мистера Кэмпбелла и снова спустился или что кто-то заранее спрятался в комнате (чего тоже никто не делал), а потом уже спустился.

Он умолк.

Но мистер Алистер Дункан не был ни впечатлен, ни смущен.

— В таком случае, — произнес поверенный, — как эта собачья переноска попала в комнату?

— Прошу прощения?

Безрадостный голос продолжал:

— Мистер Чепмен, позвольте мне освежить вашу память. В половине десятого вечера у мистера Кэмпбелла произошла бурная ссора с Алеком Форбсом, который ворвался в дом и даже в самую спальню. Выгнать его удалось… хм… с трудом.

— Положим, так.

— После этого и мисс Элспет Кэмпбелл, и горничная Кирсти Мактавиш были обеспокоены насчет того, не мог ли Форбс вернуться и спрятаться где-то с намерением причинить мистеру Кэмпбеллу вред. Мисс Кэмпбелл и Кирсти обыскали спальню мистера Кэмпбелла. Осмотрели шкаф, и так далее, и тому подобное. Они даже

заглянули под кровать (говорят, есть у женщин такая привычка). Как вы и утверждаете, там никто не прятался. Но обратите внимание на сам факт, сэр. Обратите внимание. Когда на следующее утро дверь в комнату мистера Кэмпбелла была вскрыта, под кроватью был обнаружен предмет из кожи и металла, похожий на большой чемодан, с проволочной сеткой с одного торца. Такие чемоданы используют для переноски собак, когда их берут с собой в путешествие. Обе женщины клянутся, что этого чемодана не было под кроватью, когда они заглядывали туда накануне вечером, как раз перед тем, как мистер Кэмпбелл запер дверь и задвинул засов.

Последовала многозначительная пауза.

— Позвольте только спросить, мистер Чепмен: как этот чемодан попал сюда?

Человек из страховой компании застонал.

— Повторяю, сэр: я просто задаю вопрос. И если вы пройдете со мной и переговорите с мистером Макинтайром, фискальным…

Послышались приближающиеся шаги, и в тускло освещенную гостиную, пригнувшись, чтобы не задеть низкую притолоку, вошел человек и тут же коснулся выключателя рядом с дверью.

Кэтрин и Алан, застигнутые врасплох, вид име-

ли виноватый. Прямо у них над головой включилась большая люстра с медными рожками, куда можно было бы вкрутить шесть электрических лампочек, но вкрутили только одну.

Мысленное представление Алана об Алистере Дункане и Уолтере Чепмене было более или менее верным, если не считать того, что поверенный был выше и худощавее, а страховой агент — ниже и коренастее, чем он ожидал.

Поверенный был сутул и несколько близорук, имел выдающийся кадык и бледноватую лысину, которую окружали седые волосы. Воротничок был ему великоват, но черный сюртук и полосатые брюки все еще производили впечатление.

Чепмен выглядел свежо и моложаво, носил модно скроенный двубортный костюм и обладал обходительными, но нервическими манерами. Его светлые, гладко зачесанные волосы блестели на свету. Он был из тех, кто во времена молодости Ангуса Кэмпбелла отрастил бы бороду в двадцать один год и так бы и жил с ней до сих пор.

— О, ах… — произнес Дункан, неопределенно взглянув на Алана и Кэтрин. — Вы не видели… хм… мистера Макинтайра?

— Нет, не думаю, — ответил Алан и начал было представляться: — Мистер Дункан, мы…

Взгляд поверенного остановился на еще одной двери в этом помещении — напротив той, что вела в холл.

— Полагаю, милостивый государь, — продолжал он, обращаясь к Чепмену, — что он поднялся в башню. Не будете ли вы столь любезны последовать за мной?

Дункан бросил последний взгляд на двух новоприбывших.

— Здравствуйте, — вежливо добавил он. — Доброго дня.

И, не говоря больше ни слова, он распахнул дверь, пропуская Чепмена вперед. Они вышли, и дверь захлопнулась.

Кэтрин уставилась им вслед.

— Ну знаете ли! — начала она угрожающе. — Ну знаете ли!

— Что ж, — признал Алан, — возможно, он и выглядит немного рассеянным, но уж точно не в деловых вопросах. Должен подчеркнуть, что именно такого поверенного и хотелось бы иметь каждому. В любом случае я на стороне этого джентльмена.

— Но, доктор Кэмпбелл…

— Не могли бы вы перестать называть меня «доктор Кэмпбелл»?

— Хорошо, если вы настаиваете: Алан. — В глазах Кэтрин вспыхнули интерес и азарт. — Ситуация ужасная, и все же… Вы слышали, о чем они говорили?

— Естественно.

— С собой покончить он не мог, и убить его тоже не могли. Это…

Закончить ей не удалось, так как их разговор был прерван Чарльзом Своном, вошедшим со стороны холла. Такого Свона они еще не видели, в нем явно бурлила журналистская кровь. Обычно щепетильный в манерах, он все еще не снял шляпу, которая каким-то загадочным образом прилипла к его затылку. Двигался он словно по тонкому льду.

— Разве это материал? — вопрошал он (чисто риторически). — Разве это*материал*? Господи, выпрыгнул из окна… послушайте. Признаться, я и не думал, что тут есть что-то интересное. Но мой редактор — простите, вы называете их здесь издателями — счел, что тут, возможно, будет чем поживиться. И чем же?

— Где вы были?

— Разговаривал с горничной. Всегда сначала отыщите горничную, и если вам удастся расколоть ее… Теперь слушайте. — Сжав и разжав

ладони, Свон оглядел помещение, чтобы убедиться, что они одни, и, понизив голос, продолжил: — Доктор Кэмпбелл, то есть Колин, наконец-то отыскал старушенцию. Он ведет ее сюда, чтобы я мог с ней пообщаться.

— Вы еще не видели ее?

— Нет! Но я должен во что бы то ни стало произвести на нее хорошее впечатление. Надеюсь, это будет плевое дело, поскольку у старушки высокое мнение о «Дейли флудлайт», которое другие люди, — тут он пристально посмотрел на них, — похоже, не разделяют. Вполне может получиться неплохая заметка в раздел ежедневных новостей. Божечки, а вдруг старушка пригласит меня погостить в доме! Что скажете?

— Вполне вероятно, но…

— Так что, Чарли Свон, приготовься и делай свое дело! — пробормотал Свон что-то вроде короткого напутствия самому себе. — В любом случае мы должны быть с ней заодно, потому что, похоже, она здесь верховодит. Так что, народ, приготовься. Доктор Кэмпбелл сейчас приведет ее сюда.

Глава шестая

Предупреждать об этом никакой нужды не было, ибо за приоткрытой дверью уже слышался голос тетушки Элспет.

Раздавался низкий басовитый гул Колина Кэмпбелла, но слов было не разобрать, — видимо, он что-то бормотал себе под нос. У тетушки Элспет голос был исключительно пронзителен, и она явно не собиралась его понижать.

— Смежные комнаты! Вот еще, никаких смежных комнат, ишь что удумали! — шумела она.

Неясный басовитый гул усилился, выражая то ли протест, то ли предупреждение. Но тетушка Элспет не проникласъ ни тем ни другим.

— Тут приличный, богобоязненный дом, Колин Кэмпбелл, и твои безбожные манчестерские замашки этого не переменят! Смежные комнаты! Кто посмел включить электрический свет днем?!

Последняя фраза прозвучала в необычайно свирепом тоне ровно в тот момент, когда тетушка Элспет появилась в дверях.

Это сухопарая женщина в темном платье была среднего роста, но каким-то образом умудрялась

казаться больше, чем она есть на самом деле. Кэтрин утверждала, что ей «почти девяносто», но Алан знал, что это ошибка. Тетушке Элспет было семьдесят, и она чертовски хорошо сохранилась. Взгляд ее черных глаз был чрезвычайно острым, проницательным и быстрым. Под мышкой она несла экземпляр «Дейли флудлайт», и платье ее шуршало при ходьбе.

Свон поспешил погасить свет, чуть не опрокинув ее при этом. Взгляд, которым тетушка Элспет одарила его, благодарности не выражал.

— Обратно включи, — сказала она сварливо. — Темно тут хоть глаз выколи. Где Алан Кэмпбелл и Кэтрин Кэмпбелл?

Колин, теперь дружелюбный, как ньюфаундленд, указал на них. Тетушка Элспет подвергла их долгому, тщательному и бесцеремонному изучению, практически не моргая и не произнося ни звука. Затем она кивнула.

— Так, значит, — сказала она, — вы Кэмпбеллы.*Из наших* Кэмпбеллов.

Она проследовала к дивану с обивкой из конского волоса, стоявшему рядом со столиком, на котором покоилась семейная Библия, и села. Оказалось, что обута она во внушительного вида ботинки.

— Почивший, — продолжала она, метнув взгляд в сторону задрапированной в черное фотографии, — Кэмпбелла, из наших Кэмпбеллов, за милю чуял. Да если б даже чумазого и не по-нашенски болтающего — и того б раскусил.

И она снова замолчала на бесконечно долгое время, не сводя глаз с посетителей.

— Алан Кэмпбелл, — резко выпалила она, — какой веры будешь?

— Ну… англиканской, я думаю.

— Думаешь? Точно не знаешь, что ль?

— Ну ладно, хорошо. Принадлежу к англиканской церкви.

— Твоя вера такая ж? — Тетушка Элспет потребовала ответа теперь у Кэтрин.

— Да, такая же.

Тетушка Элспет кивнула так, словно подтвердились ее самые худшие подозрения.

— В церкву-то не ходоки. Уж это точно знаю, — проговорила она дрожащим голосом и внезапно ее прорвало: — Папское отребье! — завопила она. — Стыд и позор тебе, Алан Кэмпбелл, стыд, позор, и будь проклят ты и все твое потомство, зачатое в грехе и распутстве в доме великой блудницы!

Свон явно был шокирован такими выражениями и запротестовал, защищая Алана:

— Мэм, я уверен, что он никогда не посещал таких мест. Да и вообще вряд ли можно назвать эту молодую леди…

Тетушка Элспет повернулась к нему.

— Кто это здесь? — спросила она, указывая пальцем на Свона. — Кто посмел жечь мое электричество днем?

— Мэм, я не…

— Ты кто?

Глубоко вздохнув, Свон изобразил свою самую обворожительную улыбку и шагнул ей навстречу.

— Мисс Кэмпбелл, я представляю «Дейли флудлайт», газету, которая у вас в руках. Мой редактор был очень рад получить ваше письмо; рад, что у нас есть благодарные читатели по всей этой огромной стране. Итак, мисс Кэмпбелл, в своем письме вы сообщили, что у вас есть некоторые сенсационные сведения о преступлении, которое было совершено здесь…

— А-а? — прорычал Колин Кэмпбелл, повернувшись и уставившись на тетушку.

— И мой редактор прислал меня из Лондона, чтобы взять у вас интервью. Я буду очень рад выслушать все, что вы захотите мне рассказать, под запись или без нее.

Приставив руку к уху, тетушка Элспет слушала, вперив в него свой немигающий, пронизывающий взгляд. Наконец она заговорила.

— Так ты американец, да? — спросила она, и в ее глазах блеснула искра. — А слыхал о моем…

Это было уже слишком, но Свон взял себя в руки и улыбнулся.

— Да, мисс Кэмпбелл, — смиренно ответил он. — Не надо говорить этого. Я знаю. Я уже сто раз слышал о вашем братце Ангусе, который жмотился на таблетки. — Свон внезапно осекся. Казалось, он смутно осознавал, что где-то допустил оплошность в целом и что его версия анекдота не совсем верна в частности. — Я имею в виду… — начал он.

И Алан, и Кэтрин взглянули на него не без любопытства. Но самое яркое впечатление он произвел на тетушку Элспет. Она просто сидела и смотрела на Свона. Тот, должно быть, счел, что она таращится на его шляпу, все еще красовавшуюся у него на голове. Свон поспешно сорвал головной убор.

Наконец Элспет заговорила. Ее слова падали медленно и весомо, как приговор судьи:

— С чего ты взял, что Ангус Кэмпбелл жмотился на таблетки?

— Я хотел сказать, просил побольше!

— Чего побольше?

— Таблеток!

— Каких еще таблеток?

— Ну от жадности!

— Сдается мне, юноша, — сказала тетушка Элспет после долгой паузы, — ты совсем с катушек слетел. Покупать таблетки от жадности!

— Простите, мисс Кэмпбелл! Забудьте! Это была шутка!

Из всех неподходящих слов, которые он мог бы произнести в присутствии тетушки Элспет, это было самое неудачное. Даже Колин теперь смотрел на него неодобрительно.

— Шутка, говоришь? — произнесла Элспет, начиная закипать. — Ангус Кэмпбелл еще в гробу не остыл, а ты уж явился в этот дом, погруженный в траур, и оскверняешь его своими безбожными шутками? Не бывать такому! Сдается мне, ты, сосунок, вообще не из «Дейли флудлайт». Кто такая Пип Эмма? — накинулась она на него.

— Прошу прощения?

— Кто такая Пип Эмма? А! Что? Знать не знаешь, да? — вскричала тетушка Элспет, размахивая газетой. — Ты не знаешь барышню, которая ведет колонку в твоей собственной газете! И не пытай-

ся оправдываться! Как тебя звать?

— Макхольстер.

— Как?

— Макхольстер, — повторил отпрыск этого вряд ли когда-либо существовавшего клана, настолько сбитый с толку тетушкой Элспет, что присущая ему смекалка внезапно покинула его. — То есть Макквин. То есть я хотел сказать — на самом деле Свон, Чарльз Эванс Свон, но я потомок Макхольстеров… или Макквинов… и…

Тетушка Элспет даже не стала это как-то комментировать. Она просто указала на дверь.

— Да говорю же вам, мисс Кэмпбелл…

— Убирайся, — ответила тетушка Элспет. — Дважды повторять не стану.

— Вы слышали, что она сказала, молодой человек, — вмешался Колин, засунув большие пальцы в проймы жилета и устремив на Свона свирепый взгляд. — Видит Бог, я пытался быть гостеприимным, но есть вещи, с которыми в этом доме не шутят.

— Но клянусь вам…

— Вы намерены уйти отсюда через дверь или через окно? — угрожающе спросил Колин, опуская руки.

На секунду Алану показалось, что Колин и

вправду собирается, как вышибала в пабе, схватить Свона за воротник и пояс и протащить его через весь дом на выход.

Свон, бормоча проклятия, добрался до двери на две секунды раньше Колина. Было слышно, как он поспешно удалялся. Все произошло так быстро, что Алан едва успел осознать случившееся. Но Кэтрин была впечатлена практически до слез.

— Ну и семейка! — воскликнула она, сжав кулаки и топнув ногой. — Боже правый, ну и семейка!

— А с тобой что, Кэтрин Кэмпбелл?

Кэтрин была настроена решительно:

— Вы хотите узнать, что я на самом деле думаю, тетушка Элспет?

— И что же?

— Я думаю, что вы вздорная, выжившая из ума старуха, вот что я думаю! Можете теперь вышвырнуть и меня.

К удивлению Алана, тетушка Элспет разулыбалась.

— Может, не такая уж и скудоумная, моя дорогая, — сказала она самодовольно и разгладила юбку. — Может, не такая уж и скудоумная! А ты, Алан, что скажешь?

— Я убежден, что не надо было его так выпрова-

живать. По крайней мере, даже не попросив его пресс-карту. Парень совершенно искренен. Но он как герой из «Врача на распутье» Бернарда Шоу: органически неспособен передавать в точности все то, что видит или слышит. Он может причинить немало неприятностей.

— Неприятностей? — взревел Колин. — Каким образом?

— Не знаю, но подозрения на этот счет у меня есть.

Колин, очевидно, был из тех, кто больше лает, чем кусает. Он запустил пятерню в свою лохматую гриву, потом свирепо огляделся и наконец почесал нос.

— Значит, — пророкотал он, — думаете, стоит догнать и вернуть этого парнишку? У меня тут есть виски восьмидесятилетней выдержки, от которого и осел запоет. Тяпнем сегодня вечером, Алан, приятель. Если мы вольем в него это…

Невозмутимая и непоколебимая, как гранитная скала, тетушка Элспет спесиво заявила:

— Этого подлеца в своем доме не потерплю.

— Понимаю, старушка, но…

— Еще раз: этого подлеца в своем доме не потерплю. Все. Напишу-ка тому редактору еще разок…

Колин сердито посмотрел на нее:

— Вот как раз об этом я и хотел тебя расспросить. Что это еще за чепуха насчет таинственных секретов, которыми ты намерена поделиться с газетами, но не с нами?

Элспет упрямо поджала губы.

— Ну же! — сказал Колин. — Признавайся!

— Колин Кэмпбелл, — произнесла Элспет мстительно, медленно и размеренно, — делай, что тебе говорят. Проводи Алана Кэмпбелла в башню, покажи ему, что за страшный конец встретил Ангус Кэмпбелл. Пусть поразмышляет о Священном Писании. А ты, Кэтрин Кэмпбелл, садись сюда, рядом со мной. — Она похлопала по дивану. — В Лондоне-то, поди, шатаешься по безбожным танцевальным площадкам, а?

— Конечно нет! — воскликнула Кэтрин.

— Что, и джиттербага никогда не видала?

Чем закончилась эта увлекательная беседа, Алан так и не узнал. Колин подтолкнул его к той двери в другом конце гостиной, за которой некоторое время назад исчезли Дункан и Чепмен.

Дверь вела, как заметил Алан, прямо на первый этаж башни — в большое, круглое, мрачное помещение с побеленными каменными стенами и земляным полом. Возможно, когда-то здесь была

конюшня. Деревянные двойные двери с цепью и висячим замком открывались во двор с южной стороны замка.

Сейчас они были распахнуты, и сквозь них лился скудный свет. Еще одна дверь с низким сводом вела к винтовой каменной лестнице внутри башни.

— Кто-то все время оставляет эти двери нараспашку, — прорычал Колин. — Да еще и замок снаружи, подумать только! Всякий, у кого есть дубликат ключа, может… Слушай, приятель, старуха что-то знает. Господь всемогущий! Она не глупа, ты сам видел. Она точно что-то знает. И при этом держит рот на замке, хотя на кону стоит страховка в тридцать пять тысяч фунтов.

— Почему она не сообщит об этом полиции?

— Полиции? — фыркнул Колин. — Да она даже с фискальным прокурором не может вести себя вежливо, что уж говорить о полиции! Она давным-давно с ними рассорилась — то ли из-за какой-то коровы, то ли уж не знаю из-за чего — и убеждена, что все они воры и негодяи. Полагаю, в этом причина ее затеи с газетой.

Колин выудил из кармана вересковую трубку и брезентовый кисет и набил ее табаком. Чиркнув спичкой, он принялся раскуривать трубку, сла-

бый огонек осветил его лохматую бороду и усы, блеснул в глазах, чуть скошенных к чубуку.

— Что же до меня… Ну, это все не так важно. Я-то тертый калач. Я в долгах, и Ангус знал об этом, но я как-нибудь выкручусь. По крайней мере, я надеюсь, что смогу. Но Элспет! У нее ни фартинга! Господь всемогущий!

— Как будут поделены деньги?

— При условии, что мы их получим, вы хотите сказать?

— Да.

— Очень просто. Половина мне, а половина Элспет.

— Из-за того что она его гражданская жена?

— Ш-ш-ш! — прогремел Колин, быстро огляделся и ткнул в сторону своего спутника обгоревшей спичкой. — Ошибочка. Старушка никогда не станет претендовать на наследство как его гражданская жена: уж будьте уверены. У нее тяга к показной благопристойности граничит с помешательством. Я же говорил вам.

— Я мог бы и догадаться, да.

— Она никогда не признает, что была ему не просто родственницей, — пусть и через тридцать лет. Даже Ангус никогда не упоминал об этом публично, а он был тот еще чертов правдоруб. Нет,

нет, нет. Деньги переходят просто по праву наследования. И мы вряд ли их когда-нибудь получим. — Он отбросил погасшую спичку. Расправил плечи и кивнул в сторону лестницы. — Что ж, идемте! Если, конечно, у вас есть желание. Здесь пять этажей, сто четыре ступеньки до самого верха. Идемте. Смотрите не стукнитесь головой.

Алан был слишком увлечен происходящим, чтобы беспокоиться о количестве ступенек.

Но они, казалось, никогда не кончатся, как это всегда бывает с винтовыми лестницами.

Единственным источником света были некогда расширенные окошки, располагавшиеся через равные промежутки на западной стене башни — то есть со стороны, противоположной фьорду. Тут стоял затхлый запах конюшни, перебить который не мог даже ароматный дым из трубки Колина.

Дневной свет почти угас, что весьма затрудняло ходьбу по неровным каменным выступам, приходилось пробираться, держась наружного края лестницы, поближе к окнам.

— Ваш брат всегда спал на самой верхотуре? — поинтересовался Алан.

— Да, именно так. Каждую ночь на протяжении многих лет. Ему нравился вид на фьорд.

Говорил, что и воздух там чище, а как по мне — полная ерунда. Господь всемогущий! Что-то я не в форме!

— А в других комнатах кто-нибудь живет?

— Нет. Там полно всякого хлама. Реликты сомнительных планов Ангуса по быстрому обогащению.

Колин остановился, пыхтя, у окна на предпоследней площадке.

Алан выглянул наружу. Следы красного заката еще призрачно виднелись среди деревьев. Высота казалась огромной, хотя в действительности они находились не так уж и высоко.

Там внизу, к западу, пролегала главная дорога на Инверэри. Вверх по долине Ширы и дальше к развилке, где долина Эрей поднималась к холмам по направлению к Дэлмэлли, темнели проплешины с поваленными деревьями, уже сгнившими и посеревшими. По словам Колина, это был след великой бури, которая пронеслась по Аргайлширу несколько лет назад, оставив после себя лес мертвых деревьев.

К югу, поверх колючих сосен, виднелся вдали величественный замок Аргайл с четырьмя огромными башнями, чьи крыши меняли цвет во время дождя. За ним должно было быть здание,

где некогда размещался суд, в котором Джеймса Стюарта, опекуна Алана Брека Стюарта, приговорили к смерти за убийство в Эпине. Все здесь дышало памятью о легендарных именах, каждый дюйм этой земли был пропитан песнями, традициями и суевериями.

— Доктор Кэмпбелл, — очень тихо спросил Алан, — как именно умер Ангус?

Из трубки Колина полетели искры.

— Вы меня спрашиваете? Я понятия не имею. За исключением того, что он точно не совершал самоубийства. Старик покончил с собой? Пфф! — Снова взметнулись искры. — Я вовсе не желаю, чтобы Алека Форбса повесили, — добавил он ворчливо, — но, черт побери, уж его-то стоило бы. Алек вырвал бы у Ангуса сердце и глазом не моргнул.

— Кто такой этот Алек Форбс?

— О, один тип, который приехал и поселился здесь, пьет слишком много, полагает себя изобретателем, ну, в некотором роде. Они с Ангусом объединились ради одной там идеи. С обычным для сотрудничества результатом: полным разрывом. Алек заявил, что Ангус его обманул. Возможно, так оно и было.

— И Форбс пришел сюда и учинил скандал в

ночь… убийства?

— Да. Протопал прямо сюда — в спальню Ангуса, хотел поговорить начистоту. Пьяный, скорее всего.

— Но ведь его выпроводили, не так ли?

— Да. Сам Ангус и выпроводил. Он не был слабаком, даже несмотря на годы и вес. Потом уже подключились женщины, обыскали спальню и даже другие комнаты, чтобы убедиться в том, что Алек не прокрался обратно.

— Чего, очевидно, не случилось.

— Верно. Потом Ангус запер свою дверь — и задвинул засов. А ночью что-то произошло. — Будь у Колина ногти подлиннее, он бы принялся их грызть. — Судмедэксперт определил, что смерть наступила не ранее десяти часов и не позднее часа ночи. И какой, черт возьми, в этом толк? А? Мы и так знаем, что он не мог умереть раньше десяти часов, потому что именно тогда его в последний раз видели живым. Но судмедэксперт не смог сказать более конкретно. Он определил, что травмы Ангуса не убили его мгновенно, он мог быть без сознания еще какое-то время до наступления смерти. Во всяком случае мы точно знаем, что Ангус уже был в постели, когда произошло это «что-то».

— А откуда мы это знаем?

Колин раздраженно повел плечами:

— Потому что он был в ночной рубашке, когда его нашли. И постель была смята. И он погасил свет и раздернул шторы.

Алан замер.

— А знаете, — пробормотал он, — я почти забыл, что идет война и стоит вопрос о светомаскировке. Но посмотрите! — Он махнул рукой в сторону окна. — Ведь эти окна не затемнены?

— Нет. Ангус мог подниматься и спускаться в темноте. Он говорил, что шторы тут — пустая трата денег. Но свет, горящий в той спальне, можно было заметить за много миль, даже Ангус признавал это. Господь всемогущий, не задавайте мне столько вопросов! Идемте, и вы сами все увидите.

Он выбил трубку и, как неуклюжий павиан, побежал вверх по ступенькам.

Глава седьмая

Алистер Дункан и Уолтер Чепмен все еще спорили.

— Милостивый государь, — говорил высокий сутулый поверенный, размахивая своим пенсне так, словно дирижировал оркестром, — теперь-то вам, конечно, очевидно, сэр, что это убийство?

— Нет.

— Но чемодан, сэр! Чемодан, он же собачья переноска, который обнаружили под кроватью после убийства?

— После смерти.

— Давайте все-таки для ясности будем говорить «убийство»?

— Хорошо; допустим в теории, что это было убийство. Но вот о чем хочу спросить, мистер Дункан, а собственно, что такое с этой собачьей переноской? Она была пуста. Собаки в ней не было. Исследование микроскопических следов, проведенное полицией, показало, что в ней вообще ничего не было. Что она вообще должна доказывать?

Они оба резко замолчали при появлении Алана

и Колина.

Комната на верху башни была круглой и просторной, хотя и с несколько низковатым потолком по отношению к ее диаметру. У единственной двери, открывавшейся внутрь с небольшой лестничной площадки, замок был выбит, ржавая скоба, все еще охватывающая сам засов, тоже была вывернута.

Единственное окно прямо напротив двери производило на Алана отталкивающее впечатление, но и притягивало взгляд.

Оно было больше, чем казалось с земли, две его створки, остекленные ромбовидными фрагментами в свинцовой оправе, распахивались наружу, как маленькие двери, подобно окнам во Франции. Оно было явно модернизировано, в частности расширен проем, при этом нижний его край, на взгляд Алана, был устроен слишком близко к полу.

Подсвеченный силуэт окна в сгущающихся сумерках на фоне захламленной комнаты оказывал прямо-таки гипнотическое действие. Это окно было единственной современной вещью здесь помимо электрической лампы на столе и электрического обогревателя возле него же.

У одной из закругленных стен стояла неверо-

ятных размеров дубовая кровать с двуспальной периной под лоскутным покрывалом. Еще был шкаф, тоже дубовый, высотой почти до потолка. Стены были оклеены обоями с изображением синих листьев с желтыми загогулинами, — очевидно, это должно было придать некоторой жизнерадостности интерьеру.

На стенах висели в основном семейные фотографии пятидесятых-шестидесятых годов. Каменный пол был застелен соломенными циновками. Туалетный столик с мраморной столешницей и тусклым зеркалом притулился рядом с большим письменным столом-бюро, заваленным бумагами. Еще больше корреспонденции, целые тюки, было навалено вдоль стен, из-за чего кресла-качалки расположились под странными углами. Здесь было много отраслевых журналов, а вот книг, помимо Библии и альбома с открытками, не наблюдалось.

Это была явно комната старика. Пара старомодных ботинок Ангуса — с пуговицами по бокам, деформированных из-за выпиравших на стопе косточек — все еще стояла под кроватью.

Колину это как будто напомнило о чем-то.

— Добрый вечер, — буркнул он, снова слегка ощетинившись. — Это Алан Кэмпбелл из Лондо-

на. А где прокурор?

Алистер Дункан надел пенсне.

— Боюсь, он уехал домой, — ответил он. — Сдается мне, что он избегает тетушки Элспет. Вот наш юный друг, — криво усмехнувшись, Дункан потрепал Чепмена по плечу, — тоже бежит от нее как от чумы, даже рядом находиться не желает.

— Ну, никогда не знаешь, чего от нее ожидать. Я ей глубоко сочувствую, и так далее, и тому подобное; но к черту это все, — проговорил Чепмен.

Поверенный ссутулился еще больше и хмуро посмотрел на Алана:

— Мы с вами раньше уже встречались, сэр?

— Да. Совсем недавно.

— А! Да. И мы… хм… обменялись какими-то словами?

— Да. Вы сказали: «Здравствуйте» и «Доброго дня».

— Вот бы, — произнес поверенный, качая головой, — все наши социальные отношения были такими простыми! Здравствуйте еще раз!

Он вяло пожал руку Алана своей костлявой ладонью.

— Ну конечно, — продолжал он. — Я все вспомнил. Я же писал вам. Как хорошо, что вы приехали.

— Могу ли я поинтересоваться, мистер Дункан: а зачем вы мне писали?

— Прошу прощения?

— Я очень рад быть здесь и осознаю, что следовало бы давным-давно познакомиться с этой ветвью семейного древа. Но похоже, что ни в присутствии Кэтрин Кэмпбелл, ни моем лично нет никакой практической ценности. Что конкретно вы имели в виду под «семейным советом»?

— Я объясню, — незамедлительно и чуть ли не жизнерадостно (на свой лад) отозвался Дункан. — Позвольте сначала представить вам мистера Чепмена из страховой компании «Геркулес». Принципиальный молодой человек!

— Мистер Дункан и сам довольно-таки принципиален, — улыбнулся Чепмен.

— У нас тут явный пример несчастного случая или убийства, — продолжал поверенный. — Вы уже наслышаны об обстоятельствах смерти вашего несчастного родственника?

— О некоторых из них, — ответил Алан. — Но…

Он направился к окну. Обе створки были приоткрыты. Между ними не было никакой вертикальной перемычки или опоры: при распахнутых створках получался свободный проем шириной примерно в три фута и высотой в четыре. Из окна

открывался великолепный вид на темнеющую воду и фиолетово-коричневые холмы, но Алан не обратил на него внимания.

— Могу я задать вопрос? — сказал Алан.

Колин закатил глаза, словно восклицая: «Что, еще один?!» Но Чепмен учтиво кивнул:

— Конечно, вне всякого сомнения.

На полу рядом с окном стоял щит светомаскировки, сделанный точно в размер оконного проема: легкая деревянная рама, обтянутая клеенкой.

— Что ж, — продолжил Алан, указывая на этот щит, — а не мог ли Ангус выпасть случайно, когда снимал затемнение? Вы же знаете, как все мы поступаем. Прежде чем забраться в постель, гасим свет, а затем наощупь пробираемся к окну, чтобы, сняв светомаскировку, распахнуть его. Если не рассчитать и надавить слишком сильно на окно, открывая щеколду, то можно выпасть наружу. Здесь нет никакой вертикальной перемычки.

К его удивлению, на лице Дункана проступила досада, а на лице Чепмена — улыбка.

— Обратите внимание на толщину стены, — указал страховщик. — Она составляет три фута — старые добрые феодальные стены. Нет. Он не мог выпасть, если только не был пьян, или под

наркотиками, или одурманен каким-то иным способом; а вскрытие показало, что, как признает даже мистер Дункан… — Чепмен пытливо взглянул на что-то буркнувшего поверенного, — что он не был ни в одном из этих состояний. Старик твердо стоял на ногах, прекрасно видел — словом, был в здравом уме.

Чепмен помолчал.

— А теперь, джентльмены, раз уж мы все здесь собрались, я могу разъяснить, почему считаю, что это не может быть ничем иным, кроме как самоубийством. Мне бы хотелось задать один вопрос брату мистера Кэмпбелла.

— Ну? — резко произнес Колин.

— Верно ли, что мистер Ангус Кэмпбелл был, что называется, джентльменом старой формации? И таким образом, всегда спал с закрытыми окнами?

— Да, это правда, — признал Колин и сунул руки в карманы своего пальто.

— Сам я этого понять не могу, — произнес страховщик, надув губы. — Если бы я так спал, то у меня голова бы лопалась. А вот мой дед поступал так всегда — никакого доступа ночному воздуху. И мистер Кэмпбелл делал так же. Единственное, зачем он снимал светомаскировку на ночь, —

это чтобы не пропустить, когда наступит утро. И вот, джентльмены, прошу вас! Когда мистер Кэмпбелл отправился спать той ночью, окно было закрыто и заперто на щеколду, как обычно. Мисс Кэмпбелл и Кирсти Мактавиш подтверждают это. Впоследствии полиция обнаружила отпечатки пальцев мистера Кэмпбелла,*и только мистера Кэмпбелла,* на щеколде этого окна. Его действия совершенно очевидны. Где-то после десяти он переоделся в ночную рубашку, снял затемнение и лег в постель. — Чепмен указал на кровать. — Сейчас кровать застелена, но тогда она была смята.

Алистер Дункан фыркнул.

— Дело рук тетушки Элспет, — пояснил он. — Она заявила, что посчитала необходимым ради приличия привести комнату в божеский вид.

Чепмен жестом призвал к тишине.

— В какой-то момент после этих обычных своих действий, до часу ночи, он встал, подошел к окну, распахнул его и намеренно бросился вниз. Черт подери, я обращаюсь к брату мистера Кэмпбелла! Моя фирма хочет решить это дело справедливо. Я хочу решить справедливо. Как я уже говорил мистеру Дункану, я лично знал покойного мистера Кэмпбелла. Он приходил ко мне в наш офис в

Глазго и оформил свой последний полис. В конце концов, знаете ли, это не мои личные деньги. Не я их выплачиваю. Если бы я мог с чистой совестью рекомендовать своей фирме удовлетворить это требование, я бы непременно так и сделал. Но можете ли вы, положа руку на сердце, утверждать, что все факты дают для этого основание?

Наступило молчание.

Чепмен на этой красноречивой ноте закончил. Затем он взял со стола свой портфель и котелок.

— Но переноска для собак… — начал было Дункан.

Чепмен вспыхнул.

— Да к черту эту переноску для собак! — воскликнул он, непрофессионально раздражаясь. — Можете ли вы, сэр, — или кто-то из вас — предложить хотя бы одну-единственную причину, по которой переноска для собак вообще имеет значение для этого дела?

Колин Кэмпбелл сердито протопал к кровати. Занырнул под нее, выудил предмет, о котором шла речь, и посмотрел на него так, словно был не прочь пнуть его ногой.

Переноска из темно-коричневой кожи была размером с большой чемодан, но пошире — вроде сундука. Сверху, как и у чемодана, была ручка и

два металлических замочка. Сбоку была вставлена овальная проволочная сетка для того, чтобы обеспечить доступ воздуха перевозимому питомцу, кем бы он ни был.

Перевозимому питомцу, кем бы он ни был…

Тут Алану Кэмпбеллу в голову взбрела фантазия настолько абсурдная и ужасная, что от одной этой мысли в комнате старой башни повеяло адской серой.

— Не думаете ли вы, — проговорил Алан, — что Ангуса могло что-то напугать до такой степени, что он сделал то, что сделал?

Трое его собеседников резко обернулись к нему.

— Напугать? — повторил поверенный.

Алан уставился на кожаный сундук.

— Ничего не знаю об этом человеке, Алеке Форбсе, — продолжил он, — но, судя по всему, он довольно опасный тип.

— И что же, милостивый государь?

— Предположим, что Алек Форбс, когда пришел сюда, принес с собой эту переноску — на первый взгляд ничем не примечательный сундучок. Предположим, что он все продумал — он притворится, что хочет «разобраться» с Ангусом, а на самом деле оставит здесь переноску. Он отвле-

кает внимание Ангуса и засовывает сундук под кровать. В пылу ссоры Ангус не обращает на это внимания. Но потом посреди ночи оттуда что-то вылезает…

Алистеру Дункану стало немного не по себе.

Чепмен, в свою очередь, глазел на Алана с интересом, который он не смог скрыть за всем своим скепсисом и насмешливой недоверчивостью.

— Но послушайте! — запротестовал он. — И у вас есть предположения, что именно это могло быть?

Алан стоял на своем:

— Только не смейтесь, но я подумал, что это мог быть, ну, большой паук или какая-то ядовитая змея. В ту ночь, помните, луна светила ярко.

Повисла мертвая тишина. Стемнело настолько, что они едва различали лица друг друга.

— Поразительно, — пробормотал поверенный безжизненным, сухим голосом. — Минуточку.

Он пошарил во внутреннем кармане своего пальто и извлек потрепанную кожаную записную книжку. Поднеся ее к окну и поправив пенсне, он склонился над ней, чтобы получше рассмотреть одну из страниц.

— Выдержки из показаний Кирсти Мактавиш, служанки, — прочитал он и прочистил горло.

— Переведено с дорийского[17] на английский, вот, послушайте: «Мистер Кэмпбелл сказал мне и мисс Кэмпбелл: „Идите спать, и чтоб без глупостей! От этого пустомели я избавился. Вы, кстати, видали тот чемодан, что у него с собой был?“ Мы сказали, что не видали, потому как мы прибыли уже после того, как мистер Кэмпбелл выставил мистера Форбса из дома. Мистер Кэмпбелл сказал: „Держу пари, он сбежит из страны, чтобы скрыться от кредиторов. Но куда он дел этот чемодан? Он обоими кулаками махал перед моими носом, когда уходил“».

Дункан посмотрел на них поверх пенсне.

— Прокомментируете, милостивый государь? — поинтересовался он у Чепмена.

Страхового агента было не смутить.

— Вы позабыли, о чем сами мне рассказывали? Когда мисс Кэмпбелл и эта горничная обыскивали комнату прямо перед отходом мистера Кэмпбелла ко сну, они не видели никакого чемодана под кроватью.

Дункан потер подбородок. В тусклом свете он выглядел худым и бледным, как мертвец, а его всклокоченные волосы напоминали проволоку.

---

[17] Notes: 17

Дорийский — диалект шотландского языка, распространенный на северо-востоке Шотландии.

— Верно, — признал он. — Верно. Но все же… — Он покачал головой.

— Змеи! — фыркнул страховой агент. — Пауки! Доктор Фу Манчу![18] Поглядите-ка! Вы когда-нибудь слыхали о таких змеях или пауках, которые способны выбраться из своей переноски, а потом аккуратно защелкнуть за собой замочки? На следующее утро обнаружилось, что оба замочка на этой штуковине застегнуты.

— Это, безусловно, могло бы стать камнем преткновения, — признал Дункан. — Но все же…

— И куда потом делась эта тварь?

— Не хотелось бы, — усмехнулся Колин Кэмпбелл, — чтобы эта тварь все еще была где-то в этой комнате.

Мистер Уолтер Чепмен поспешно надел котелок.

— Мне пора, — заявил он. — Извините, джентльмены, но я уже очень припозднился и должен вернуться в Данун. Мистер Дункан, вас подвезти?

— Вздор! — прорычал Колин. — Вы остаетесь на чай. Вы оба.

---

[18] Notes: 18

Доктор Фу Манчу — популярный литературный персонаж, созданный английским писателем Саксом Ромером, злодей, криминальный гений.

Чепмен моргнул:

— На чай? Святые угодники, во сколько же вы тогда ужинаете?

— Ужина не будет, приятель. Но наш чай — на порядок лучше любого ужина в твоей жизни. И кстати, у меня есть очень крепкий виски, и я жажду опробовать его на ком-нибудь, начнем с румяного англичанина. Что скажете?

— Прошу прощения, это очень любезно с вашей стороны, но мне пора. — Чепмен одернул рукава пальто. Он прямо-таки источал раздражение. — Змеи, пауки, да еще и сверхъестественное…

Если отпрыск славного рода Макхольстеров, обращаясь к Элспет Кэмпбелл, не мог выбрать более неудачного слова, чем «шутка», то Чепмен, обращаясь к Колину, не мог выбрать более неудачного слова, чем «сверхъестественное».

Колин как-то весь сгорбился, втянув свою большую голову в широченные плечи.

— И кто же говорит о сверхъестественном? — осведомился он вкрадчивым тоном.

Чепмен рассмеялся:

— Ну точно не я. Такие вещи немного выходят за рамки компетенций моей фирмы. Но люди в округе, похоже, крепко вбили себе в голову, что тут водятся привидения, ну, или по меньшей

мере, что здесь что-то не так.

— И что же?

— Не в обиду будет сказано, — глаза страхового агента сверкнули, — но они, похоже, не очень-то высокого мнения о вас, здешних жителях. Бурчат, что вы непутевые или что-то в этом роде.

— Мы непутевые! Господь всемогущий! — не без гордости вскричал доктор-атеист. — Да кто бы хоть когда-нибудь с этим спорил? Точно не я. Но привидения! Из всех возможных… послушайте, вы же не считаете, что Алек Форбс таскался тут с боглом[19] в собачьей переноске?

— Честно говоря, — парировал Чепмен, — я считаю, что вообще никто ничего ни в какой переноске не таскал. — Он снова тревожно огляделся. — В любом случае было бы большим облегчением, если бы нам удалось перекинуться словом с этим мистером Форбсом.

— А кстати, где он? — спросил Алан.

Поверенный, который, захлопнув записную книжку, все это время слушал их с натянутой улыбкой, снова вступил в разговор.

---

[19] Notes: 19

Богл — то же, что боггарт, дух или домовой в английской мифологии; обычно он дружелюбен к своим хозяевам, но иногда может пакостить, чаще всего появляется ночью, когда его легче перепутать с настоящим чудовищем.

— И снова поразительно. Думаю, даже мистер Чепмен согласится, что в поведении Алека Форбса есть что-то подозрительное — буквально на самую малость. Потому что, видите ли, Алек Форбс пропал.

Глава восьмая

— Вы хотите сказать, — уточнил Алан, — что он сбежал от своих кредиторов?

Дункан помахал в воздухе пенсне:

— Поклеп. Нет, я всего лишь констатирую факт. Вполне возможно, что он просто загулял. В любом случае это прелюбопытно. А, дражайший Чепмен? Это прелюбопытно.

Страховой агент глубоко вздохнул.

— Джентльмены, — произнес он, — боюсь, я больше не в силах обсуждать это дело и я намерен убраться отсюда до того, пока в темноте не поломал себе шею на этой лестнице. Большего я вам сегодня сказать не смогу. Завтра я переговорю с прокурором. Должно быть, он уже определился, самоубийство это, несчастный случай или убийство. Наши дальнейшие действия зависят от его решения. Вы можете предложить что-то получше?

— Благодарю вас. Нет, нам это подходит. Все, о чем мы просим, — это немножко времени.

— Но если вы уверены, что это убийство, — вмешался Алан, — почему ваш прокурор не

предпринимает каких-то реальных шагов в связи с этим? Например, почему бы не вызвать Скотленд-Ярд?

Дункан посмотрел на него с неподдельным ужасом.

— Призвать Скотленд-Ярд в Шотландию[20]? — возмутился он. — Милостивый государь!

— Мне подумалось, что это самое подходящее место для них, — ответил Алан. — Почему нет?

— Милостивый государь, так не делают! Шотландское законодательство предусматривает свою собственную процедуру.

— Ей-богу, так и есть! — провозгласил Чепмен, похлопывая портфелем по ноге. — Я здесь всего пару месяцев, но уже хорошо это понял.

— Тогда что вы собираетесь предпринять?

— Пока вы все только и делали, что мололи языком понапрасну, — заметил Колин, выпячивая бочкообразную грудь, — другие не сидели сложа руки. Что я собираюсь предпринять, я вам не скажу. Я скажу, что я уже предпринял. — Он оглядел всех с вызывающим видом. — Я послал за Гидеоном Феллом.

Дункан задумчиво поцокал языком.

---

[20] Notes: 20
Игра слов: Скотленд-Ярд — дословно «шотландский двор».

— Это тот, который…

— Он самый. И мой хороший друг к тому же.

— А что насчет… кхм… расходов?

— Господь всемогущий, вы не можете хоть на пять секунд перестать думать о деньгах? Всего лишь на пять секунд? В любом случае вам это не будет стоить ни пенни. Он приедет как мой гость, только и всего. Даже не думайте предлагать ему деньги, неприятностей не оберетесь!

— Мы все знаем, дражайший Колин, — сухо заметил поверенный, — что ваше пренебрежение к денежной стороне вопроса не раз ставило вас в затруднительное положение. — Он многозначительно взглянул на него. — Так что позвольте хотя бы мне думать о фунтах, шиллингах и пенсах. Этот джентльмен, — он кивнул в сторону Алана, — недавно спрашивал, зачем был созван нынешний «семейный совет». Я вам отвечу. Если страховые компании откажутся платить, придется возбудить судебное разбирательство. И это разбирательство может оказаться дорогостоящим.

— Хотите сказать, — Колин вытаращил глаза, — что вы притащили этих двух ребятишек прямо из Лондона только в надежде на то, что они раскошелятся? Господь всемогущий, да я вам

шею сверну!

Дункан побелел.

— Колин Кэмпбелл, я не привык, чтобы со мной так разговаривали!

— Ну вот, с вами так разговаривают, Алистер Дункан. И что вы сделаете?

Впервые в голосе поверенного обозначился задушевный тон.

— Колин Кэмпбелл, вот уже сорок два года я нахожусь всецело в распоряжении вашей семьи…

— Ха-ха-ха!

— Колин Кэмпбелл!

— Эй! Послушайте! — запротестовал Чепмен, от неловкости переминаясь с ноги на ногу.

Алан тоже вмешался, положив руку на подрагивающее плечо Колина. Уже второй раз за день он опасался, что Колин может кого-то схватить за воротник и пояс и вышвырнуть из дома.

— Прошу прощения, — вмешался Алан, — мой отец оставил мне довольно приличное наследство, и если я могу хоть чем-то помочь…

— Вот как? Ваш отец оставил вам приличное наследство? — сказал Колин. — И вы это прекрасно знали, не так ли, Алистер Дункан?

Поверенный аж поперхнулся слюной. Насколько Алан смог понять, он пытался сказать: «Вы

уповаете на то, что я умываю руки?» — но получилось что-то вроде: «Вы умываете на то, что я уповаю руки?» Впрочем, оба они были настолько взвинчены, что ничего не заметили.

— Именно так, — сказал Колин. — На это и рассчитываю, черт возьми! Пойдемте же теперь вниз.

Не проронив ни звука, все четверо с чувством оскорбленного достоинства, спотыкаясь и оступаясь, преодолели коварные ступеньки. Чепмен попытался разрядить обстановку, предложив Дункану подвезти его на своей машине, приглашение было принято, а кроме того, было высказано несколько замечаний о погоде. Разговор не задался.

Все так же сохраняя молчание, они прошли через теперь уже безлюдную гостиную на первом этаже к парадной двери. Колин и поверенный пожелали друг другу доброй ночи столь церемонно, словно утром их ждала дуэль. Дверь закрылась.

— Элспет и малышка Кейт сейчас будут пить чай, — угрюмо проговорил Колин. — Пойдемте.

Алану понравилась столовая, и она понравилась бы ему еще больше, если бы он не чувствовал себя таким взъерепененным.

Тетушка Элспет и Кэтрин сидели за столом,

накрытым белоснежной скатертью, под ярким светом низкой люстры; в печной трубе ревело пламя. Трапезу составляли сосиски, ольстерская поджарка, яйца, картофель, чай и огромное количество тостов с маслом.

— Элспет, — произнес Колин, сердито отодвигая стул, — Алистер Дункан опять сложил полномочия.

Тетушка Элспет намазывала маслом тост.

— Ну что ж, — философски заметила она, — не первый и не последний раз. Он уже их складывал неделю тому назад.

Алан почувствовал, что его напряжение немного ослабло.

— Хотите сказать, — воскликнул он, — что весь это сыр-бор был… был не всерьез?!

— О нет. Утром он будет в полном порядке, — ответил Колин. Смущенно поежившись, он окинул взглядом накрытый стол. — Ты же знаешь, Элспет, мой чертов характер. Хотел бы я уметь сдерживаться.

И тут тетушка Элспет обрушила на него свой гнев.

Она заявила, что не потерпит, чтобы в ее доме звучали такие нечестивые выражения, тем более в присутствии ребенка, под которым она,

надо полагать, подразумевала Кэтрин. Далее она обругала их за опоздание к чаю в выражениях, которые были бы чрезмерными, даже если бы они пропустили два приема пищи подряд, а во время третьего выплеснули суп прямо на нее.

Алан слушал вполуха. Он уже как будто узнал тетушку Элспет получше и начал осознавать, что ее вспышки были почти чистой формальностью. Когда-то давно тетушка Элспет была вынуждена вести яростную борьбу за то, чтобы добиваться своего, и она продолжала сражаться по привычке еще долго после того, как необходимость в борьбе отпала. Это происходило уже даже не по причине плохого настроения, а чисто автоматически.

Стены столовой были украшены иссохшими оленьими головами, над каминной полкой висели два скрещенных клеймора. Они привлекали внимание Алана. Чувство благополучия начало заполнять его одновременно с пищей, которую он поглощал, запивая крепким черным чаем.

— А! — удовлетворенно выдохнув, произнес Колин. Он отодвинул стул, потянулся и похлопал себя по животу. Его лицо сияло, насколько было видно из-за бороды и лохматых волос. — Так-то лучше. Намного лучше. Черт меня дери, еще немного — и я буду готов позвонить этому старо-

му проныре и извиниться перед ним!

— А вы, — нерешительно произнесла Кэтрин, — вы что-нибудь обнаружили? Там, в башне? Выяснили что-нибудь?

Колин вставил зубочистку куда-то в бороду.

— Нет, котеночек, не выяснили.

— И пожалуйста, не называйте меня котеночком! Вы все разговариваете со мной так, будто я дите малое!

— Пфф! — фыркнула тетушка Элспет, бросив на нее испепеляющий взгляд. — Ты и есть дите малое.

— Мы ничего не выяснили, — продолжил Колин, так и похлопывая себя по животу. — Но нам и не нужно. Завтра здесь будет Гидеон Фелл. Собственно, увидев сегодня вашу лодку, я подумал, что это Фелл приехал. А уж когда он приедет…

— Фелл — вы говорите? — воскликнула Кэтрин. — Случайно, не доктор Фелл?

— Именно он.

— Это не тот ужасный человек, который пишет письма в газеты? Алан, уж вы понимаете, о ком я!

— Он весьма выдающийся ученый, котеночек, — ответил Колин, — тебе следовало бы снять перед ним свою хорошенькую шляпку. Однако

он более известен в области раскрытия преступлений.

Тетушка Элспет поинтересовалась, каково его вероисповедание.

Колин ответил, что понятия не имеет и что чертово вероисповедание вообще не имеет никакого значения.

Тетушка Элспет, в свою очередь, указала, что очень даже имеет, прибавив несколько замечаний, которые не оставили у слушателей никаких сомнений относительно ее взглядов на судьбу Колина в загробной жизни. Именно с этой частью картины мира тетушки Элспет Алану было мириться сложнее всего. Ее представления о богословии были детскими, а познания в истории церкви счел бы неточными даже незабвенный епископ Бернет. Но хорошие манеры вынуждали Алана молчать до тех пор, пока ему не удалось вставить относящийся к делу вопрос.

— Есть кое-что, что осталось для меня не вполне ясным, — заметил он, — а именно: дневник.

Тетушка Элспет перестала извергать проклятия направо и налево и принялась за свой чай.

— Дневник? — переспросил Колин.

— Да. Я, впрочем, не уверен, правильно ли я расслышал; возможно, речь шла о чем-то дру-

гом. Но когда мистер Дункан и этот парень из страховой разговаривали в соседней комнате, мы слышали, как мистер Дункан сказал что-то о пропавшем дневнике. По крайней мере, я понял это именно так.

— И я тоже, — подтвердила Кэтрин.

Колин нахмурился.

— Насколько я могу судить, — Колин щелчком придал вращение кольцу для салфетки так, что оно прокатилось по столу и вернулось к нему обратно, — кто-то стянул его, вот и все.

— Что за дневник?

— Дневник Ангуса, черт возьми! Он скрупулезно вел его — каждый год новый, в конце года сжигал, чтобы никто никогда не обнаружил его и не узнал, о чем он на самом деле думал.

— Благоразумно.

— Да. Он делал записи каждый вечер перед сном. Ни разу не пропустил и дня. Дневник должен был утром лежать на столе. Но — по крайней мере, так мне сказали — его не было. А, Элспет?

— Пей свой чай и не мели чепухи.

Колин выпрямился:

— Черт возьми, да почему чепуха? Ведь дневника там не было, так?

С аккуратностью и изысканной женственно-

стью, свидетельствующими о ее воспитании, Элспет налила чай в блюдце, подула на него и выпила.

— Проблема в том, — продолжал Колин, — что отсутствие дневника заметили только много часов спустя. Так что стянуть его за это время мог любой. Я имею в виду, нет никаких доказательств, что это был призрачный убийца. Это мог быть кто угодно. А, Элспет?

Тетушка Элспет отвела взгляд от пустого блюдца и, вздохнув, смиренно произнесла:

— Кажись, вы не прочь тяпнуть виски, а?

Колин просиял.

— Наконец-то, — пылко пробасил он, — среди всего этого хаоса прозвучала мысль, которую ждал весь мир! — Он повернулся к Алану. — Приятель, не хочешь ли отведать мозговзрывательного самогона? Будешь?

В столовой было уютно и тепло, хотя снаружи завывал ветер. Как всегда в присутствии Кэтрин, Алан чувствовал, что ему море по колено.

— Было бы весьма любопытно, — ответил он, откинувшись на спинку стула, — найти такой виски, что сможет взорвать мне мозг.

— О? Вот вы как, значит?

— Не забывайте, — у Алана были свои аргу-

менты, — что я провел три года в Соединенных Штатах во времена сухого закона. Никакое пойло из тех, что когда-либо выходило или не выходило из перегонного куба, не страшно человеку, пережившему этот опыт.

— Вот вы как, значит? — Колин взглянул на него задумчиво. — Уверены? Так-так-так! Элспет, придется идти на крайние меры! Тащи «Погибель Кэмпбеллов».

Элспет безропотно поднялась.

— Чудненько, — сказала она, — бывало такое и на моем веку. Будет и снова, когда меня не станет. Я и сама бы горло промочила, ночка будет холодная.

Она прошуршала на выход из комнаты и вернулась с графином, почти полным темно-коричневой жидкости, отливавшей золотом при попадании света. Колин осторожно поставил его на стол. Для Элспет и Кэтрин он нацедил ничтожно малое количество напитка. Себе и Алану налил примерно по четверти бокала.

— Как будешь пить, приятель?

— По-американски. Неразбавленный, стакан воды отдельно.

— Хорошо! Чертовски хорошо! — пророкотал Колин. — Ты не хочешь его испортить! Теперь

пей. Давай. Пей!

Они — по крайней мере Колин и Элспет — смотрели на него с напряженным интересом. Кэтрин подозрительно принюхивалась к жидкости в своем бокале, но, очевидно, решила, что ей нравится. Лицо Колина раскраснелось от неистового рвения, глаза были широко раскрыты, его переполняло веселье.

— За счастливые дни! — сказал Алан.

Он поднял бокал, осушил его и почти буквально пошатнулся.

Мозг не взорвался, хотя на секунду Алану показалось, что это вот-вот произойдет. Пойло было достаточно крепким для того, чтобы сбить линкор с курса. Вены на его висках запульсировали; зрение помутилось, и он решил, что, должно быть, сейчас задохнется. А потом, спустя бесчисленное количество секунд, он открыл слезящиеся глаза и увидел, что Колин смотрит на него с гордым ликованием.

Затем произошло кое-что еще.

Как только Алан смог восстановить дыхание и зрение после взрыва этой алкогольной бомбы, он почувствовал, как в его крови разлилось волшебное чувство восторга и благополучия. На смену обычному гулу в голове пришло ощуще-

ние кристальной ясности, какое, должно быть, испытывали Ньютон или Эйнштейн при приближении к решению сложной математической задачи.

Он едва сдержался, чтобы не закашляться, и чудесный момент прошел.

— Ну как? — возопил Колин.

— А-а-а! — только и ответил его гость.

— За еще более счастливые дни! — прогремел Колин и осушил свой бокал. Эффект был заметен и у него, хотя он пришел в себя несколько быстрее.

Потом Колин, сияя, спросил:

— Нравится?

— Очень!

— Не слишком крепко для тебя?

— Нет.

— Еще по одной?

— Спасибо. Не возражаю!

— Чудненько! — покладисто проговорила Элспет. — Чудненько!

Глава девятая

Алан Кэмпбелл приоткрыл один глаз.

Откуда-то очень издалека, куда не достигает ни зрение, ни слух, его душа мучительно ползла по подземным коридорам — назад, обратно в тело. Под конец она двигалась под какофонию молотков и проблески света.

Тогда он очнулся.

Разлеплять первый глаз было достаточно неприятно. Но когда он открыл второй глаз, его мозг затопила такая волна боли, что он поспешно закрыл оба.

Алан обнаружил — и поначалу не испытал никакого удивления, — что он лежит в постели в комнате, которую никогда раньше не видел; что на нем пижама и что комната залита солнцем.

Но главным образом его беспокоили чисто физические ощущения. Казалось, что голова взмывает под потолок, несясь по длинной спирали, в желудке разверзся ад, голос застрял хрипом в пересохшем горле, все его существо словно состояло из перекрученных проводов. Одним словом, Алан Кэмпбелл, проснувшись в двенадцать

пополудни в состоянии тяжелейшего похмелья, прямо сейчас просто лежал и страдал.

Вскоре он попытался вылезти из кровати. Но головокружение было столь сильным, что Алан снова лег. Тем не менее примерно в этот момент его разум начал работать. Алан лихорадочно попытался вспомнить, что произошло прошлой ночью.

И не смог вспомнить ничего.

Алана прошиб холодный пот.

За его спиной маячили все возможные гнусности, все виды гнусностей, которые он мог сказать или сделать, но не мог сейчас вспомнить. Пожалуй, в мире не найдется ни одной муки, сравнимой с этим. Он знал, ну или предполагал, что все еще находится в замке Шира и что его втянули в распитие «Погибели Кэмпбеллов» с Колином; а больше он ничего не знал.

Дверь в комнату открылась, и вошла Кэтрин.

В ее руках был поднос, на котором стояли чашка черного кофе и отвратная на вид микстура в стеклянной пашотнице. Кэтрин была полностью одета. Однако ее бледность и тусклый взгляд странным образом успокоили Алана.

Кэтрин подошла и поставила поднос на прикроватную тумбочку.

— Ну, доктор Кэмпбелл, вам не стыдно? — Ее первые слова прозвучали не слишком ободряюще.

Все эмоции Алана нашли выход в одном протяжном страстном стоне.

— Видит Бог,*не мне* винить вас, — произнесла Кэтрин, держась за голову. — Я была ничуть не лучше. О боже, я чувствую себя прескверно! — выдохнула она и пошатнулась. — Но по крайней мере, я не творила…

— Не творила чего?.. — прохрипел Алан.

— Вы не помните?

Он ждал, что гнусности затопят его, как море.

— В данный момент — нет. Ничегошеньки.

Она указала на поднос:

— Выпейте. Это «Устрица прерий»[21]. Знаю, что выглядит отвратительно, но точно пойдет вам на пользу.

— Нет, расскажите мне. Что я натворил? Я был плох?

Кэтрин устало взглянула на него:

— Не так плох, как Колин, конечно. В тот момент, когда я пыталась уйти, вы с Колином фехтовали на клейморах.

---

[21] Notes: 21

«Устрица прерий» — антипохмельный коктейль с сырым яйцом (или только желтком), вустерским соусом, солью, перцем и т. д.

— Мы — что?

— Фехтовали на настоящих мечах. По всей столовой, и в холле, и на лестнице. На вас были скатерти вместо пледов! Колин перешел на гэльский, а вы цитировали «Мармиона» и «Деву озера». Только, кажется, вы никак не могли определиться: то ли вы Родрик Ду[22], то ли Дуглас Фэрбенкс[23].

Алан зажмурился.

И мысленно вознес молитву. Проблески света, словно пронизывая занавесь, касались сцен старого мира, которые то наплывали на него, то исчезали в безнадежном хаосе. Все огни дробились, все голоса приглушались.

— Постойте! — взмолился он, держась за лоб. — А что с Элспет? Я ведь не оскорбил Элспет, скажите? Кажется, я припоминаю…

Он снова закрыл глаза:

— Мой дорогой Алан, это гвоздь всего вечера. Вы теперь любимчик тетушки Элспет. Она считает, что вы, наряду с покойным Ангусом, самый лучший член семьи.

---

[22] Notes: 22

Родрик Ду — персонаж поэмы «Дева озера» Вальтера Скотта.

[23] Notes: 23

Дуглас Фэрбенкс (1883–1939) — американский актер, звезда эпохи немого кино, в 1920-е считался королем жанра фильмов плаща и шпаги.

— Что?

— Вы не помните, как по меньшей мере полчаса читали ей лекцию о «Торжественной лиге и Ковенанте»[24] и истории церкви Шотландии?

— Подождите! Мне действительно смутно припоминается, что…

— Она ничего не поняла, но вы ее заворожили. Она заявила, что тот, кто знает такое количество имен священнослужителей, не может быть настолько безбожным, как ей думалось. Потом вы настояли на том, чтобы она выпила полстакана этого отвратительного пойла, и она отправилась в постель, словно леди Макбет. Это было, конечно, до эпизода с фехтованием. А потом — вы не помните, что Колин сотворил с беднягой Своном?

— Своном? Своном из Макхольстеров?

— Да.

— А*он* что здесь делал?

— Ну, это было примерно так… Впрочем, я тоже помню довольно смутно. После того как вы тут вволю нафехтовались, Колин пожелал отправиться на улицу. Он провозгласил: «Алан Младой,

---

[24] Notes: 24

Торжественная лига и Ковенант — религиозно-политический договор, заключенный в 1643 г., в период английской революции, между Шотландией и английским парламентом.

сегодня ночью нам предстоит грязная работенка. Давай покинем этот дом и отправимся на поиски Стюартов». Вы сочли, что это просто великолепная идея. Мы вышли через черный ход — на дорогу. И первое, что мы увидели в ярком лунном свете, был мистер Свон, он стоял там и смотрел на дом. Не спрашивайте меня, что он там делал! Колин возопил: «Чертов Стюарт!» — и бросился на него с клеймором. Мистеру Свону хватило одного взгляда на него, чтобы припустить вниз по дороге с такой скоростью, какой я еще не видывала ни у одного человека. Колин рванул за ним, а вы за Колином. Я не стала вмешиваться. Я уже дошла до той стадии, когда могла только стоять и хихикать. Колину не удалось догнать мистера Свона, но он успел несколько раз ткнуть его клеймором в… в…

— Понятно.

— …потом Колин упал, а мистер Свон скрылся с глаз. В итоге вы вернулись, распевая песни.

Кэтрин явно что-то не давало покоя. Она не поднимала глаз от пола.

— Полагаю, вы также не помните, — добавила она, — что я провела здесь ночь?

— Вы провели здесь ночь?!

— Да. Колин ни о чем не желал слышать. Он

запер нас здесь.

— Но мы не… Я имею в виду…

— Не — что?

— Вы понимаете, о чем я говорю.

Судя по румянцу, Кэтрин действительно понимала.

— Ну… нет. В любом случае мы оба были мертвецки пьяны. У меня так кружилась голова и я была так слаба, что даже не протестовала. Вы продекламировали: «Пускай со мной умрет / Моя святая тайна — / Мой вересковый мёд!»[25] Потом галантно извинились, легли на пол и заснули.

Алан обратил внимание на свою пижаму.

— Но как я оказался в этом?

— Не знаю. Должно быть, проснулись ночью и надели ее. Я очнулась около шести часов, чувствуя себя просто чудовищно. Мне удалось вытолкнуть ключ из двери так, что он упал снаружи. Я протащила его под дверью на листе бумаги. Потом ушла в свою комнату. Не думаю, что Элспет заметила хоть что-то. Но когда я проснулась здесь, а тут вы…

Она почти сорвалась на крик:

— Алан Кэмпбелл, что, ради всего святого, на

---

[25] Notes: 25

Цитата из баллады Роберта Льюиса Стивенсона «Вересковый мед» (перевод С. Маршака).

нас нашло? На нас обоих? Не думаете ли вы, что нам лучше убраться из Шотландии, пока она не развратила нас окончательно?

Алан потянулся к «Устрице прерий». Как ему удалось проглотить коктейль, он позднее не мог вспомнить; но он справился и почувствовал себя лучше. Горячий черный кофе тоже помог.

— Богом клянусь, — провозгласил он, — в жизни больше капли в рот не возьму! Насчет Колина. Надеюсь, он терпит адские муки. Надеюсь, у него такое похмелье, что…

— А вот и нет.

— Нет?

— Он свеж как огурец. Говорит, что от хорошего виски голова ни у кого не болит. Этот ужасный доктор Фелл уже приехал, кстати. Вы можете спуститься вниз и позавтракать?

Алан стиснул зубы.

— Я попробую, — ответил он, — если вы вспомните о приличиях и выйдете отсюда, пока я одеваюсь.

Через полчаса, побрившись и помывшись в очень примитивной ванной комнате, он спускался по лестнице, чувствуя себя гораздо лучше. Из-за приоткрытой двери гостиной были слышны два громких голоса — Колина и доктора Фелла, — и

от этих голосов его череп пронзала острая боль. Один тост — вот и все, чем он смог позавтракать. После этого они с Кэтрин виновато прокрались в гостиную.

Доктор Фелл сидел на диване, сложив руки на набалдашнике трости. Широкая черная лента его пенсне колыхалась, когда он фыркал. Густая копна седых волос закрывала ему один глаз, а подбородков становилось все больше по мере того, как росло его веселье. Он словно заполнял собой всю комнату. В первый момент Алан даже не был уверен, не мерещится ли ему все это.

— Доброе утро! — прогремел доктор Фелл.

— Доброе утро! — прогремел и Колин.

— Доброе утро, — промямлил Алан. — Обязательно так орать?

— Вздор. Мы не орем, — ответил Колин. — Как себя чувствуешь с утра?

— Ужасно.

Колин уставился на него:

— Голова не болит?

— Еще как болит!

— Вздор! — фыркнул Колин, яростно и безапелляционно. — От хорошего виски голова не болит.

В это заблуждение, между прочим, на Севере верят почти как в Евангелие. Алан и не пытался

его оспорить. Доктор Фелл тяжело поднялся на ноги и отвесил нечто похожее на поклон.

— К вашим услугам, сэр, — произнес он. — И к вашим, мадам. — Он поклонился Кэтрин, веселый огонек промелькнул в его глазах. — Надеюсь, вам удалось наконец уладить наболевший вопрос о волосах герцогини Кливлендской? Или, может, в данный момент вас больше интересует волосок той самой собаки?[26]

— Неплохая идея, знаете ли, — поддержал Колин.

— Нет! — зарычал Алан так, что голова загудела от боли. — Больше никогда не прикоснусь к этому чертову пойлу! Ни при каких обстоятельствах! Решено.

— Это ты сейчас так думаешь, — успокаивающе осклабился Колин. — А я вечером намерен налить Феллу рюмашку. Вот, говорю: не хочешь ли отведать мозговзрывательного самогона?

Доктор Фелл хмыкнул.

— Было бы весьма любопытно, — ответил он, — найти то виски, что сможет взорвать мне мозг.

---

[26] Notes: 26

«Волосок собаки, которая тебя укусила» — устойчивое выражение в английском, когда речь идет о похмелье, аналог «клин клином вышибают», произошло от средневекового поверья, что, используя шерсть укусившей собаки, можно предотвратить бешенство.

— Не говорите так, — предупредил Алан. — Позвольте мне настоятельно предостеречь вас: не говорите так. Я вот сказал. Это смертельно опасно.

— Так ли необходимо вообще об этом говорить? — поинтересовалась Кэтрин. На доктора Фелла она смотрела с глубоким подозрением, он же в ответ сиял, как Дух Нынешних Святок[27].

К их удивлению, доктор Фелл помрачнел.

— Как ни странно, но думаю, что поговорить об этом было бы целесообразно. Архонты Афин! Вполне возможно, что этот вопрос может иметь какое-то отношение к…

Он помедлил.

— К чему?

— К убийству Ангуса Кэмпбелла, — ответил доктор Фелл.

Колин присвистнул, и наступила тишина. Бормоча что-то себе под нос, доктор Фелл, казалось, пытался зажевать кончик своих бандитских усов.

— Возможно, — продолжил он, — мне стоит объясниться. Я был счастлив получить приглашение моего друга Колина Кэмпбелла. Все

---

[27] Notes: 27

Дух Нынешних Святок — персонаж повести-сказки Чарльза Диккенса «Рождественская песнь в прозе».

подробности дела, им изложенные, весьма меня заинтриговали. Сунув в карман томик Босуэлла и зубную щетку, я сел в поезд, идущий на Север. Я коротал время, перечитывая соображения великого доктора Джонсона по поводу этой страны. Вы, несомненно, знакомы с его отповедью в ответ на сообщение, что ему не следует быть столь суровым по отношению к Шотландии, раз уж, в конце концов, Бог Шотландию создал? «Сэр, сравнения неправомерны, но Бог создал и ад».

Колин нетерпеливо махнул рукой:

— Это не важно. Рассказывайте дальше!

— Я прибыл в Данун, — продолжал доктор Фелл, — вчера ранним вечером. Попытался нанять машину в турагентстве…

— Мы его знаем, — вставила Кэтрин.

— Но мне сообщили, что единственная свободная машина уже повезла группу людей в Ширу. Я поинтересовался, когда машина приедет назад. Служащий ответил, что она не вернется. Он сказал, что буквально только что ему позвонил из Инверэри водитель, некто по фамилии Флеминг…

— Джок, — пояснил Колин остальным.

— Водитель сообщил, что один из его пассажиров, джентльмен по фамилии Свон, решил

переночевать в Инверэри и хотел бы оставить машину и водителя, чтобы тот утром отвез его обратно в Данун. За соответствующую цену это было согласовано.

— Чертов засланец! — взревел Колин.

— Минутку. Тем не менее служащий сказал, что если я приду в агентство в половине десятого утра — сегодняшнего утра, — то машина уже вернется и сможет отвезти меня в Ширу. Я переночевал в гостинице и пришел в агентство точно ко времени. Далее передо мной предстало несколько необычное зрелище: по главной улице двигался автомобиль с единственным пассажиром — неким мужчиной в серой шляпе и кричащем тартановом галстуке, который ехал, стоя на заднем сиденье.

Колин Кэмпбелл потупил взор.

Лицо доктора Фелла расплылось в выражении мечтательного удовольствия. Он устремил взгляд в потолок и прокашлялся:

— Заинтригованный тем, почему этот человек вынужден стоять, я осведомился у него об этом. Он ответил (несколько резковато), что сидячее положение причиняет ему боль. Не требовалось особой хитрости, чтобы выудить из него эту историю. На самом деле он весь кипел. Уфф!

Алан застонал.

Доктор Фелл посмотрел поверх очков сначала на Алана, потом на Кэтрин. Он немного посопел. Лицо его выражало чрезвычайную степень деликатности.

— Могу ли я поинтересоваться, — произнес он. — Вы помолвлены?

— Конечно нет! — воскликнула Кэтрин.

— В таком случае, — горячо начал доктор Фелл, — во имя всего святого, сразу женитесь. И поспешите. Вы оба занимаете ответственные должности. Но то, что вы прочтете о себе в сегодняшнем выпуске «Дейли флудлайт», клевета это или нет, вряд ли понравится Университету Хайгейта или женскому колледжу Харпендена. Захватывающая история о погоне при лунном свете с клейморами наперевес, о леди, криками подбадривающей двух головорезов, преследующих автора, — это полный крах.

— Я не подбадривала криками! — воскликнула Кэтрин.

Доктор Фелл сморгнул:

— Вы уверены в этом, мэм?

— Ну…

— Боюсь, что так и было, котеночек, — заметил Колин, глядя в пол. — Но это моя вина. Я…

Доктор Фелл отмахнулся.

— Не важно, — сказал он. — Я хотел рассказать вам не об этом. Заинтригованный и вдохновленный этим возрождением старых горских обычаев, я поговорил с водителем, мистером Флемингом.

— И?

— И теперь я хочу вас со всей серьезностью спросить вот о чем. Кто-нибудь из вас прошлой ночью поднимался в башню? Любой из вас, в любое время?

Наступила тишина. Окна, выходящие на фьорд, были открыты настежь ясному, прохладному и приятному дню. Присутствующие переглянулись.

— Нет, — ответила Кэтрин.

— Нет, — решительно заявил Колин.

— Вы в этом уверены?

— Определенно.

— Мистер Свон, — продолжил доктор Фелл со странной настойчивостью, которая показалась Алану тревожной, — утверждает, что эти двое мужчин «обрядились» кое-каким образом.

— О, это так глупо и ужасно! — воскликнула Кэтрин. — Это Алан виноват. Они не то что «обрядились». Просто у них на плечи были накинуты клетчатые скатерти — вместо пледов, вот и все.

— Больше ничего?

— Нет.

Доктор Фелл вздохнул. Выражение его лица оставалось таким серьезным, а румянец таким насыщенным, что никто не посмел заговорить.

— Напоминаю, — продолжал доктор Фелл, — что я допросил водителя. Сведения из него пришлось клещами тащить. Но все же кое-что он сообщил. Он сказал, что это местечко «нечистое».

Колин начал было недовольно и даже яростно ворчать, но доктор Фелл не дал ему разойтись:

— И теперь он утверждает, что у него есть все основания в этом поклясться.

— Какие же?

— Вчера вечером, после того как они устроились в Инверэри, Свон попросил его вернуться сюда. Свон намеревался еще раз попытаться попасть к мисс Элспет Кэмпбелл. Теперь давайте убедимся, что я верно разобрался в географии. Дорога в Инверэри проходит позади дома, так?

— Да.

— А парадная дверь, как мы видим, выходит на фьорд. Свон попросил водителя обойти вокруг и постучать в парадную дверь, изобразив посыльного, а сам остался за домом. Водитель так

и сделал. Помните, луна светила ярко.

— И что?

— Он как раз собирался постучать в дверь, когда случайно взглянул на окно башни. И он кого-то или что-то увидел у этого окна.

— Но это невозможно! — вскрикнула Кэтрин. — Мы были…

Доктор Фелл внимательно изучал свои руки, сложенные на набалдашнике трости.

Затем он поднял взгляд.

— Флеминг, — продолжил он, — клянется, что видел, как некто в костюме горца, с лицом, изуродованным выстрелом в упор, глядел на него сверху вниз.

Глава десятая

Трезво мыслить — это, конечно, здорово. Большинство из нас так и делают, даже с головной болью и расшатанными нервами. Но, услышав такое, совсем не сложно ощутить дыхание суеверного ужаса.

— Помните, — спросила Кэтрин, — ту историю, что случилась после резни в Гленко? Когда призрак одной из жертв преследовал человека по имени Ян Кэмпбелл, который…

Не подобрав подходящих слов, она жестом изобразила, как человек совершает прыжок.

Лицо Колина пылало.

— Призраки! — воскликнул он. — Призраки! Послушайте. Во-первых, такого предания не было вовсе. Его вписали в лживый путеводитель просто потому, что это привлекает внимание. Профессиональные солдаты в те времена не были столь щепетильны в выполнении приказов. Во-вторых, в этой комнате нет привидений. Ангус спал там каждую ночь в течение многих лет, и он ни разу не видел богла. Вы же не верите в эту чепуху, Фелл?

Доктор Фелл сохранял невозмутимость.

— Я всего лишь, — мягко ответил он, — изложил то, что рассказал мне водитель.

— Вздор. Джок наставил вам нос.

— И все же, знаете ли, — доктор Фелл скривился, — он едва ли показался мне человеком, имеющим пристрастие к подобным небылицам. Я замечал, что гэлам свойственно шутить о чем угодно, только не о привидениях. Кроме того, мне кажется, вы упускаете суть истории.

Он замолчал на секунду.

— А когда это произошло? — спросил Алан.

— Ах да. Это было как раз перед тем, как два головореза со своей дамой вышли с черного хода и набросились на Свона. Флеминг не стал стучать в парадную дверь. Услышав крики, он отправился на задний двор, завел машину и в итоге подобрал Свона на дороге. Но по его словам, чувствовал он себя не очень. Говорит, что стоял в лунном свете несколько минут после того, как увидел это нечто у окна, и почувствовал себя не очень. Сложно его в этом упрекнуть.

Поколебавшись, Кэтрин спросила:

— Как оно выглядело?

— Шляпа, плед и изуродованное лицо. Это все, что он мог описать хоть с какой-то определен-

ностью.

— А килта не было?

— Он не смог бы разглядеть килт. Ему была видна только верхняя часть фигуры. Он говорит, что оно выглядело истлевшим, словно молью побитым, и глаз был только один. — Доктор снова оглушительно прокашлялся. — Вопрос тем не менее вот в чем. Кто, кроме вас троих, был в доме прошлой ночью?

— Никого, кроме тетушки Элспет и Кирсти, служанки, — ответила Кэтрин. — Они уже спали.

— Говорю вам, это брехня! — прорычал Колин.

— Ну, если хотите, можете и сами поговорить с Джоком. Он сейчас на кухне.

Колин поднялся, чтобы найти Джока и покончить с этим вздором, но не успел. Алистер Дункан, за которым следовал терпеливый, но изможденный Уолтер Чепмен, вошли в сопровождении служанки Кирсти — пугливой девушки с тихим голосом, чьи скромные повадки делали ее почти невидимой.

Поверенный и виду не подал касательно вчерашней стычки с Колином. Он держался очень чопорно.

— Колин Кэмпбелл… — начал он.

— Послушайте, — проворчал Колин, засунув

руки в карманы, втянув голову в плечи и став похожим на ньюфаундленда, который побывал в кладовой. — Я должен перед вами извиниться, черт возьми. Я прошу прощения. Я был неправ. Вот.

Дункан выдохнул:

— Я рад, сэр, что у вас достает порядочности признать это. Только моя долгая дружба с вашей семьей позволяет мне не обращать внимания на столь неуместные и вопиющие проявления дурных манер.

— Эй! Погодите-ка! Погодите! Я не говорил…

— Так что давайте больше не будем об этом вспоминать, — заключил поверенный, когда глаза Колина снова начали разгораться. Дункан кашлянул, давая понять, что закончил с личными вопросами и теперь переходит к деловым.

— Я счел, что должен сообщить вам, — продолжил он, — что, возможно, Алек Форбс нашелся.

— Ого! Где?

— Сообщают, что его видели у коттеджа крофтера[28] недалеко от Гленко.

Вмешался Чепмен.

— Может, уладим это сразу? — предложил он.

---

[28] Notes: 28

Крофтер — мелкий фермер в Шотландии.

— Насколько я понимаю, Гленко находится не так уж далеко отсюда. Туда и обратно можно обернуться за полдня. Почему бы не прыгнуть в мою машину и не сгонять повидаться с ним?

— Терпение, милостивый государь, — ответил поверенный вроде бы и доброжелательно, но как-то холодно. — Терпение, терпение, терпение! Пускай сначала полиция выяснит, Алек ли это. Помнится, ранее уже сообщалось, что его видели. Один раз в Эдинбурге и один раз в Эйре.

— Алек Форбс, — вклинился доктор Фелл, — это тот самый зловещий персонаж, который повздорил с мистером Кэмпбеллом в ночь его смерти?

Все посмотрели на него. Колин поспешно представил их друг другу.

— Я наслышан о вас, доктор, — произнес Дункан, внимательно изучая доктора Фелла сквозь пенсне. — На самом деле я… э-э… признаться, пришел сюда отчасти в надежде увидеть вас. У нас тут, вне всяких сомнений, — улыбнулся он, — явное убийство. Но мы все еще в замешательстве. Не могли бы вы разгадать его для нас?

Какое-то время доктор Фелл не отвечал.

Он хмуро уставился в пол, рисуя на ковре узор концом трости.

— Уф! — выдохнул он и стукнул тростью в пол.

— Я искренне убежден, что это убийство. Если же нет, то мне это совершенно неинтересно. Но — Алек Форбс! Алек Форбс! Алек Форбс!

— А что насчет него?

— Ну кто такой Алек Форбс? Что он из себя представляет? Я бы хотел узнать о нем побольше. Например, что послужило причиной его ссоры с мистером Кэмпбеллом?

— Мороженое, — ответил Колин.

— Что?

— Мороженое. Они собирались производить его по новой технологии — в огромных количествах. И окрашивать под разные виды шотландки. Нет, я совершенно серьезно! Такого рода идеи постоянно обуревали Ангуса. Они построили лабораторию, запаслись искусственным льдом — этой химической дорогущей бурдой, — влезли в долги, но все пошло прахом. Еще одной затеей Ангуса был новый вид трактора, который мог бы и сеять, и жать. А еще он финансировал тех ребят, которые собирались найти золото Дрейка и превратить всех своих подписчиков в миллионеров.

— Что за человек этот Форбс? Пролетарий? Что-то в этом роде?

— О нет. У парнишки есть какое-то образование. Но скупой на деньги, как Ангус. Худой, темно-

лицый малый. Угрюмый. Выпивоха. Отличный велосипедист.

— Хм. Ясно. — Доктор Фелл указал тростью. — Это фотография Ангуса Кэмпбелла там, на каминной полке, я так понимаю?

— Да.

Доктор Фелл поднялся с дивана и пересек гостиную. Он поднес обтянутую крепом фотографию к свету, поправил пенсне и внимательно ее рассмотрел, слегка отдуваясь.

— Не похож, знаете ли, — заметил он, — на человека, который способен на самоубийство.

— Определенно нет, — улыбнулся поверенный.

— Но мы не можем… — начал Чепмен.

— А вы который из Кэмпбеллов, сэр? — вежливо поинтересовался доктор Фелл.

Чепмен в отчаянии вскинул руки:

— Я вообще не Кэмпбелл. Я представляю страховую компанию «Геркулес», и мне нужно вернуться в мой офис в Глазго, иначе дела моей конторы пойдут кувырком. Видите ли, доктор Фелл, я тоже о вас наслышан. Говорят, вы беспристрастны. И вот что я вам скажу: какой смысл рассуждать, что человек сделал бы или нет, когда есть неоспоримые свидетельства именно тому, что он действительно это сделал?

— У всех свидетельств, — ответствовал доктор Фелл, — есть две стороны. Как концы у палки. В этом и проблема.

Доктор Фелл рассеянно отступил от каминной полки, поставив на место фотографию. Выглядел он довольно встревоженным. Пенсне скособочилось у него на носу, пока он с величайшим для себя усилием и тщательностью ощупывал все карманы, наконец он извлек лист бумаги, испещренный пометками.

— На основании восхитительно внятного письма Колина Кэмпбелла, — продолжал он, — и фактов, которые он сообщил мне сегодня утром, я попытался составить конспект того, что мы знаем — или думаем, что знаем.

— И что же? — живо спросил поверенный.

— С вашего позволения, — доктор Фелл грозно нахмурился, — я хотел бы зачитать эти пункты. Какие-то факты, схематично обозначенные, могут предстать более ясно, а какие-то — навести на дальнейшие размышления. Поправьте меня, если я в чем-то ошибусь.

1. Ангус Кэмпбелл всегда ложился спать в десять часов вечера.

2. Ему было свойственно запирать дверь и задвигать засов изнутри.

3. Ему было свойственно спать с закрытым окном.

4. Ему было свойственно делать записи в своем дневнике каждый вечер перед сном.

Доктор Фелл моргнул:

— Пока все верно, полагаю?

— Да, — признал Колин.

— Теперь мы переходим к простым обстоятельствам, связанным с преступлением.

5. Алек Форбс позвонил А. Кэмпбеллу в девять тридцать в ночь преступления.

6. Он ворвался в дом и поднялся в спальню Ангуса.

7. Ни одна из двух женщин не видела его в это время.

Доктор Фелл потер переносицу.

— Вопрос, — добавил он, — а как тогда Форбс попал в дом? Предполагаю, что парадную дверь он не выламывал?

— Если вы заглянете за ту дверь, — ответил Колин, указывая пальцем, — то поймете. Она ведет на первый этаж башни. Там есть деревянные двустворчатые ворота с висячим замком, открывающиеся во двор. Бóльшую часть времени они не заперты, хотя должны бы. Вот так Форбс и вошел — никого не потревожив.

Доктор Фелл что-то пометил на листе бумаги.

— Кажется, все достаточно ясно. Очень хорошо. Теперь, ополчась на море смут, сразим их[29].

8. В это время Форбс нес предмет, похожий на чемодан.

9. Он поссорился с Ангусом, и тот его прогнал.

10. Уходил Форбс с пустыми руками.

11. Элспет Кэмпбелл и Кирсти Мактавиш прибыли как раз ко времени изгнания.

12. Женщины боялись, что Форбс мог вернуться. Это становится более понятным в свете того, что башня стоит изолированно, имеет отдельный вход и пять пустых этажей.

13. Они обыскали пустые комнаты, а также комнату Ангуса.

14. На тот момент под кроватью в спальне Ангуса ничего не было.

Все еще верно? — спросил доктор Фелл, поднимая голову.

— А вот и нетушки, — объявил высокий, резкий, уверенный голос, от которого они все подпрыгнули.

Никто не заметил, как появилась тетушка Элспет. Она стояла с видом превосходства, сложив

---

[29] Notes: 29

Цитата из монолога Гамлета «Быть или не быть...» (перевод М. Лозинского).

руки на груди.

Доктор Фелл моргнул, глядя на нее:

— Что из сказанного неверно, мэм?

— Брехня, что собачей переноски не было под кроватью, когда мы с Кирсти там шарили. Была она.

Все шесть слушателей воззрились на нее в замешательстве. Затем заговорили разом, исступленно клокоча, и только Дункан, заявив о своей законной власти, сумел сурово призвать их к порядку.

— Элспет Кэмпбелл, послушайте меня. Вы говорили, что там ничего не было.

— Я говорила, что*чемодана* было не видать. А про другое я не говорила.

— Вы утверждаете, что собачья переноска была под кроватью до того, как Ангус закрыл и запер дверь на засов?

— Ага.

— Элспет! — Голос Колина звучал безапелляционно. — Ты *лжешь*. Господь всемогущий, ты *лжешь*! Ты говорила, что под кроватью*ничего* не было. Я слышал собственными ушами.

— Истинно, как Евангелие, вам говорю, и Кирсти подтвердит. — Она окинула их всех злющим взглядом. — Обед на подходе, а надо еще вашей

шайке накрыть.

Высказавшись предельно ясно и непреклонно, она вышла из комнаты и захлопнула дверь.

«Вопрос в том, — думал Алан, — меняет это что-нибудь или нет?» Он разделял непоколебимую убежденность Колина Кэмпбелла в том, что Элспет *лжет*. Она была из тех людей, что настолько привыкли к бытовому вранью, настолько опытны в обмане ради благой, как им кажется, цели, что по ее лицу было трудно понять, говорит она правду или неправду касательно чего бы то ни было.

На этот раз доктор Фелл прекратил их перепалку.

— Этот пункт мы уточним, — сказал он, — и продолжим. Следующие пункты четко и просто определяют нашу проблему.

15. Ангус запер дверь и изнутри задвинул засов.

16. Его тело обнаружил молочник в шесть часов утра следующего дня у подножия башни.

17. Он умер от многочисленных травм, полученных при падении.

18. Смерть наступила между десятью часами вечера и часом ночи.

19. Он не был одурманен наркотиками или

какими-либо другими веществами.

20. Дверь все еще была заперта, и засов был задвинут изнутри. Поскольку засов был ржавым, тяжело ходил и прочно сидел в гнезде, это отметает возможность манипуляций с ним.

В голове Алана возник образ разбитой вдребезги двери, какой он видел ее прошлой ночью.

Он вспомнил ржавчину засова и упрямый замок, вырванный из рамы. Очевидно, что махинации со струной или любым другим аналогичным приспособлением в расчет брать нужды не было. Изображение померкло, когда доктор Фелл продолжил:

— 21. Окно недосягаемо. Мы узнали об этом от профессионального верхолаза.

22. В комнате никто не прятался.

23. Постель была смята.

Доктор Фелл надул щеки, насупился и постучал карандашом по записям.

— Это, — сказал он, — подводит нас к пункту, по поводу которого я должен кое-что уточнить. В вашем письме об этом ничего не сказано. Когда его нашли утром, на нем были тапочки или домашний халат?

— Нет, — ответил Колин. — Только шерстяная ночная рубашка.

Доктор Фелл сделал еще одну пометку в своих записях.

— 24. Его дневник пропал. Однако его могли забрать и в более позднее время.

25. На защелке окна были обнаружены отпечатки пальцев Ангуса — и только его.

26. Под кроватью лежал сундучок вроде тех, что используют для переноски собак. Он не хозяйский, предположительно был принесен Форбсом, но в любом случае накануне вечером его там не было.

27. Этот сундук был пуст.

Таким образом, мы вынуждены сделать вывод…

Доктор Фелл замолчал.

— Ну же! — резким возгласом подзадорил его Алистер Дункан. — Какой вывод?

Доктор Фелл фыркнул:

— Джентльмены, мы не можем отрицать этого. Это неизбежно. Мы вынуждены прийти к выводу, что либо (а) Ангус Кэмпбелл осознанно совершил самоубийство, либо (б) в сундуке было что-то, что вынудило его бежать, спасая свою жизнь, и при этом он выпал из окна и разбился насмерть.

Кэтрин поежилась. Но Чепмен не был впечатлен.

— Понятно, — сказал он. — Змеи, пауки. Доктор Фу Манчу. Мы все это обсуждали прошлой ночью. И это нас ни к чему не привело.

— Вы можете оспорить изложенные мною факты? — поинтересовался доктор Фелл, постукивая по своим записям.

— Нет. Но можете ли вы оспорить изложенные *мной*? Змеи! Пауки…

— А теперь еще, — усмехнулся Колин, — и призраки.

— А?

— Один пустомеля по имени Джок Флеминг, — объяснил Колин, — утверждает, что видел, как кто-то — в одеянии горца, но без лица — ошивался у этого окна прошлой ночью.

Чепмен внезапно побледнел.

— Ничего об этом не слышал, — сказал он. — Но могу поверить в привидение с таким же успехом, как и в настолько ловких пауков или змей, что они способны защелкнуть замочки чемодана за собой. Я англичанин. Я практичный человек. Но это потешная страна и потешный дом; и скажу вам, что лично я не хотел бы провести ночь в той комнате.

Колин вскочил с кресла и протанцевал по гостиной.

— Вот и решено! — взревел он, когда смог отдышаться. — С меня хватит!

Доктор Фелл посмотрел на него с легким упреком. Лицо Колина налилось кровью, а на толстой шее выступили вены.

— Послушайте, — продолжал он, сглатывая с видимым усилием. — С тех пор как я приехал сюда, все вешают мне лапшу про привидения. И мне это надоело. С этой глупостью пора покончить, и я тот самый герой, который сможет это сделать. Я расскажу вам, как собираюсь поступить. Сегодня же днем я перенесу свои вещи в эту башню и буду спать там отныне и вовеки. Если хоть один призрак сунет туда свой уродливый нос, если хоть кто-нибудь попытается заставить меня выпрыгнуть из окна… — Его взгляд упал на семейную Библию. Атеист Колин подбежал к ней и возложил на нее руку. — Тогда я торжественно клянусь, что буду ходить в церковь каждое воскресенье в течение следующих двенадцати месяцев. Да и на молитвенные собрания тоже!

Он бросился к двери в зал и распахнул ее настежь.

— Слышишь, Элспет? — взревел он, а затем вернулся и снова возложил руку на Библию. — Каждое воскресенье, и молитвенные собрания

по средам. Призраки! Боглы! Колдуны! Неужели в этом мире не осталось ни одного здравомыслящего человека?

Его голос гулко разносился по дому. Можно было подумать, что он вызывает ответное эхо. Все попытки Кэтрин утихомирить его были напрасны. Колин чувствовал себя великолепно. Только Кирсти Мактавиш удалось отвлечь его внимание, она просунула голову в дверной проем и произнесла тоном, близким к подлинному благоговению:

— Там репортер вернулся.

Глава одиннадцатая

Колин вылупился на нее.

— Тот малый из «Дейли флудлайт»?

— Он.

— Передайте ему, что я с ним встречусь, — сказал Колин, поправляя воротник и делая глубокий вдох.

— Нет! — ответил Алан. — В вашем нынешнем состоянии вы, вероятно, вырвете у него сердце и съедите на месте. Давайте с ним встречусь я.

— Да, пожалуйста! — воскликнула Кэтрин. Она повернула к Колину пылающее лицо. — Если он осмелился вернуться сюда, значит он не смог написать о нас в газете что-то совершенно ужасное. Неужели вы не понимаете, это наш шанс извиниться и все исправить? Пожалуйста, пусть Алан встретится с ним!

— Хорошо, — согласился Колин. — В конце концов, это не вы пырнули его клеймором пониже спины. Может быть, вам и удастся его утихомирить.

Алан поспешил в холл. У парадной двери, явно пребывая в великих сомнениях насчет того, как

взяться за это интервью, стоял Свон. Алан вышел на улицу и осторожно прикрыл за собой дверь.

— Послушайте, — начал он, — я искренне чудовищно сожалею о вчерашнем вечере. Ума не приложу, что на нас нашло. Мы явно вчера перебрали…

— Вы будете *мне* рассказывать? — осведомился Свон. Он взглянул на Алана, и его гнев, казалось, начал отступать, сменяясь живейшим любопытством. — Что вы пили, ради всего святого? «Тротил»[30] и «Гланды обезьянки»?[31] Я и сам когда-то занимался бегом, но, с тех пор как Нурми[32] уехал в Финляндию, ни разу не видел, чтобы кто-то мчался с такой же скоростью, как этот коренастый громила.

— Что-то в этом роде, да.

Выражение лица Свона становилось все более суровым, по мере того как он осознавал, что имеет дело с человеком пристыженным.

---

[30] Notes: 30

«Тротил» — коктейль с текилой (или коньяком), тоником и лаймовым соком.

[31] Notes: 31

«Гланды обезьянки» — алкогольный коктейль, состоящий из джина, апельсинового сока, абсента и гренадина.

[32] Notes: 32

Пааво Йоханнес Нурми (1897–1973) — знаменитый финский бегун на средние и длинные дистанции.

— А теперь послушайте, — сказал он внушительно. — Вы ведь понимаете — понимаете же? — что я могу засудить вас за тяжкие телесные повреждения?

— Да, но…

— И что я мог бы смешать ваше имя с грязью в прессе, если бы был позлопамятней?

— Да, но…

— Благодарите судьбу, доктор Кэмпбелл, что я не злопамятный, вот что я скажу. — Свон многозначительно кивнул. На нем был новый светло-серый костюм и тартановый галстук. И снова его мрачную суровость потеснило любопытство. — Что же вы за профессор такой? Носитесь с профессоршами из других колледжей, постоянно посещаете дома блудниц…

— Эй! Во имя всего святого…

— Не отрицайте, — заявил Свон, тыча ему в лицо тощим пальцем. — Я слышал, как сама мисс Кэмпбелл при свидетелях говорила, что именно этим вы всегда и занимались.

— Она говорила о Римско-католической церкви! Очень пожилые люди так ее называют.

— Там, откуда я родом, пожилые люди так ее не называют. Вдобавок ко всему вы напиваетесь до чертиков и гоняетесь с тесаками за респектабель-

ными гражданами по дороге общего пользования. Вы так же ведете себя в Хайгейте, док? Или только на каникулах? Мне очень интересно.

— Клянусь вам, это все какая-то ошибка! И кстати, вот какое дело. Мне все равно, что вы напишете обо мне. Но пообещайте ничего не писать о мисс Кэмпбелл!

Свон обдумал это.

— Ну, я не знаю, — ответил он, еще раз многозначительно покачав головой и всем своим видом давая понять, что если он и согласится, то только по доброте душевной. — У меня есть долг перед обществом, знаете ли.

— Ерунда.

— Но я расскажу вам, что я намерен сделать, — продолжил Свон, как будто внезапно придя к какому-то решению. — Чтобы продемонстрировать вам, что я человек дружелюбный, я заключу с вами сделку.

— Сделку?

— Вон тот парень, могучий толстяк, — Свон понизил голос, — это доктор Гидеон Фелл, не так ли?

— Да.

— Я понял это, только когда он ускользнул от меня. И тогда я позвонил в свою газету, и там все

загорелись. Говорят, что, где бы он ни оказался, история заканчивается мощным финальным аккордом. Говорят, надо держаться его. Послушайте, док. Я должен написать статью! Я уже понес большие расходы из-за этого дела; у меня есть еще одна машина, которая дорого мне обходится. Если я провалюсь с этой статьей, мне не возместят расходы, а может быть, и вообще попросят на выход.

— И что?

— Вот чего я от вас хочу: просто держите меня в курсе, вот и все. Сообщайте мне обо всем, что происходит. В обмен на это я…

Он замолчал и слегка попятился, когда на пороге появился Колин Кэмпбелл с виноватой ухмылкой. Он изо всех сил пытался быть любезным, слишком любезным, грандиозно любезным.

— В обмен на то, что вы будете держать меня в курсе, — продолжил Свон, — я соглашусь забыть все, что знаю о вас и мисс Кэмпбелл, а также, — он глянул на Колина, — о ваших выкрутасах, которые могли нанести мне серьезную травму. Я согласен на это просто потому, что я человек дружелюбный и не держу зла. Что скажете?

Лицо Колина просветлело от облегчения.

— Скажу, что это справедливо, — взревел Ко-

лин, сияя. — Чертовски благородно с вашей стороны, молодой человек! Чертовски благородно! Был пьян и прошу прощения. Что скажешь, Алан Младой?

— Я тоже скажу, что это справедливо, — пылко ответил Алан. — Соблюдайте условия сделки, мистер Свон, и вы не пожалеете. Если здесь будет что-то происходить, вы узнаете об этом первым.

Он почти забыл, что у него похмелье. Прекрасное чувство благополучия, ощущение, что в мире снова все в порядке, охватило Алана Кэмпбелла и заструилось по его венам.

Свон поднял брови:

— Значит, решено?

— Решено, — подтвердил Колин.

— Решено, — согласился и второй хулиган.

— Ну, тогда отлично! — сказал Свон, испустил глубокий вздох и продолжил мрачным тоном: — Только не забывайте, что ради одолжения вам я нарушаю свой долг перед обществом. Так что не забывайте, о чем мы договорились, и не пытайтесь…

У них над головой со скрипом открылось окно. Вода из большого ведра прицельно и невообразимо точно обрушилась на Свона сплошным сверкающим потоком. На самом деле можно

сказать, что Свон на мгновение исчез.

В окне появилось злобное лицо тетушки Элспет.

— Намеков не понимаешь? — спросила она. — Я велела тебе убираться, повторять не буду. Вот тебе для пущей убедительности.

С той же решимостью, но почти неторопливо, она подняла второе ведро и опрокинула его на голову Свона. Затем окно с грохотом захлопнулось.

Свон ничего не сказал. Он застыл на месте ни жив ни мертв. Его новый костюм медленно темнел. Шляпа напоминала кусок использованной промокашки, из-под поникших полей виднелись глаза человека, которого постепенно покидает рассудок.

— Дорогой мой! — вскричал Колин в неподдельном смятении. — Вот же старая ведьма! Я сверну ей шею, видит Бог! Дорогой мой, вам не больно, нет?

Колин бросился вниз по ступенькам. Свон медленно, но затем все более поспешно начал отступать от него.

— Мой дорогой, подождите! Стойте! Вам надо переодеться в сухое!

Свон продолжал отступать.

— Пойдемте в дом, мой дорогой друг. Пойдем-

те…

И тут Свон обрел голос.

— Зайти в дом, — пронзительно кричал он, отступая еще дальше, — чтобы вы украли мою одежду и снова выставили меня на улицу? Вот уж нет! Держитесь от меня подальше!

— Осторожно! — заорал Колин. — Еще один шаг — и вы упадете в воду! Осторо…

Алан оглядывался с диковатым видом. У окон гостиной собралась заинтересованная группа наблюдателей, состоящая из Дункана, Чепмена и доктора Фелла. Но особенно выделялось искаженное ужасом лицо Кэтрин.

Свон каким-то чудом удержался на краю пирса.

— Думаете, я зайду в эту психушку, да? — Он был в бешенстве. — Вы — банда невменяемых уголовников, вот вы кто, и я собираюсь разоблачить вас. Я собираюсь…

— Приятель, вы не можете так расхаживать! Вы умрете от переохлаждения! Заходите. Кроме того, — подчеркнул Колин, — вы попадете в самую гущу событий, верно? Окажетесь в самом их эпицентре вместе с доктором Феллом!

Это, похоже, заставило Свона призадуматься. Он колебался. Все еще струясь, как фонтан, он

трясущейся рукой вытер глаза и взглянул на Колина с неподдельной мольбой:

— Могу ли я рассчитывать на ваше слово?

— Клянусь, можете! У этой старой карги на вас зуб, но ее я беру на себя. Пойдемте.

Свон, казалось, взвешивал все «за» и «против». В конце концов он позволил взять себя за руку и повести к двери. Проходя мимо окна, он быстро пригнулся, словно ожидая еще и расплавленного свинца на свою голову.

Внутри разыгралась неловкая сцена. Поверенный и страховой агент поспешно удалились. Колин, кудахча над своим подопечным, проводил его наверх переодеться. В гостиной удрученный Алан обнаружил Кэтрин и доктора Фелла.

— Полагаю, сэр, — заметил доктор Фелл с предельной вежливостью, — вы в своих делах разбираетесь лучше всех. Но, честно признаться, вы действительно считаете разумным провоцировать прессу таким образом? Что вы сотворили с этим парнем на этот раз? Макнули его в бочку с водой?

— Мы ничего не сделали. Это все Элспет. Она вылила на него два ведра воды из окна.

— Но собирается ли он… — вскричала Кэтрин.

— Он обещает, что, если мы будем держать его

в курсе того, что здесь происходит, он не скажет ни слова. Ну, по крайней мере, он так обещал, до того как… Что он по этому поводу думает теперь, сказать не берусь.

— Держать его в курсе? — резко спросил доктор Фелл.

— Очевидно, о том, что здесь произошло — самоубийство это или убийство, и о том, что вы об этом думаете. — Алан помолчал секунду-другую. — А кстати, что вы об этом думаете?

Взгляд доктора Фелла переместился к двери в холл. Он убедился, что она плотно закрыта, надул щеки, покачал головой и наконец снова сел на диван.

— Если бы только, — проворчал он, — факты не были так дьявольски просты! Я не доверяю их простоте. У меня такое чувство, что здесь какая-то ловушка. Мне также хотелось бы знать, почему мисс Элспет Кэмпбелл теперь хочет изменить свои показания и клянется, что собачья переноска таки была под кроватью до того, как комнату заперли.

— Вы считаете, что ее вторая версия правдива?

— Разрази меня гром, нет, я так не считаю! — произнес доктор Фелл, стукнув тростью в пол. — Я думаю, что правдива первая версия. Но это

только усугубляет нашу проблему с запертой комнатой. Если только…

— Если только что?

Доктор Фелл оставил этот вопрос без внимания.

— Судя по всему, нет смысла перечислять эти двадцать семь пунктов снова и снова. Повторю только, что все это слишком просто. Человек запирает свою дверь на два замка. Ложится спать. Встает посреди ночи без тапочек (отметим это) и прыгает из окна навстречу мгновенной смерти. Он…

— Кстати говоря, это не вполне верно.

— А? Что не так? — Доктор Фелл выпятил нижнюю губу.

— Ну, если быть совсем точным — на чем вы настаиваете, — то Ангус не умер мгновенно. По крайней мере, так мне рассказывал Колин. Судмедэксперт не смог точно определить время смерти. Он сказал, что Ангус умер не мгновенно, а, скорее всего, некоторое время был жив, хотя и без сознания.

Маленькие глазки доктора Фелла сузились. Тяжелое хриплое дыхание, от которого вздымались складки его жилета, почти затихло. Казалось, он собирался что-то сказать, но сдержался.

— Теперь, — произнес он наконец, — мне еще меньше нравится, что Колин настаивает на том, чтобы провести ночь в той комнате в башне.

— Вы хотите сказать, что это может быть опасно? — спросила Кэтрин.

— Мое дорогое дитя! Ну конечно, это опасно! — ответил доктор Фелл. — Всегда есть опасность, когда какая-то сила, которую мы не понимаем, убивает человека. Разгадайте эту тайну, и все будет в порядке. Но до тех пор, пока вы не разгадали…

Он задумался.

— Вы, наверное, замечали, что именно те события, которых мы изо всех сил стараемся избежать, как раз и происходят. *Vide*[33] эпопею Свона. В ней, в более уродливой форме, вращается то же самое колесо и возвращается та же самая опасность. Архонты Афин! Что могло быть в этой собачьей переноске? Что не оставляет *никаких* следов, вообще ничего? И почему с одного конца открыто? Очевидно, чтобы что-то могло дышать через сетку для доступа воздуха. Но что именно?

Перед мысленном взором Алана поплыли искаженные картинки, лишенные формы.

---

[33] Notes: 33
Смотри*(лат.)*.

— Не кажется ли вам, что сундук может быть отвлекающим маневром?

— Возможно. Но если он ничего не значит, то все дело рушится и мы можем расходиться по домам. Он должен что-то значить.

— Может быть, это какое-то животное? — предположила Кэтрин.

— Которое защелкнуло замочки после того, как выбралось наружу? — поинтересовался доктор Фелл.

— Если бы оно было достаточно тощим, чтобы выбраться через проволочную сетку, — вставил Алан, — то это было бы не так уж сложно. Хотя нет, постойте, не пойдет! — Он вспомнил сундук и сетку. — Сетка настолько мелкоячеистая, что даже самая маленькая змея на свете вряд ли смогла бы пролезть.

— И потом, — продолжал доктор Фелл, — есть еще эпизод с горцем, у которого изуродовано лицо.

— Вы же не верите в эту историю?

— Я верю, что Джок Флеминг видел то, что, по его словам, он видел. Не то чтобы я верил именно в привидение. В конце концов, провернуть такой фокус в башне при лунном свете да с расстояния в шестьдесят футов было бы не очень сложно. Ка-

кая-нибудь старая шляпа, плед, немного грима…

— Но зачем?

Глаза доктора Фелла расширились. От дьявольского нетерпения у него перехватило дыхание, когда он, казалось, ухватил суть.

— Вот именно. Вот оно — зачем? Нельзя упускать важность этого сюжета: дело не в том, было это нечто сверхъестественное или нет, а в том, зачем это вообще было сделано. То есть был ли какой-то мотив в интересующем нас смысле. — Он очень глубоко задумался. — Найдем содержимое этого сундука — и дело в шляпе. Вот наш главный вопрос. Некоторые элементы этого дела, конечно, просты. Вы, наверное, уже догадались, кто украл пропавший дневник?

— Естественно, — мгновенно ответила Кэтрин. — Его украла Элспет, конечно же.

Алан воззрился на нее.

Доктор Фелл, широко и удовлетворенно улыбаясь, посмотрел на нее так, словно она оказалась более смышленой, чем он ожидал, и кивнул.

— Восхитительно! — усмехнулся он. — Навыки дедукции, развитые в результате скрупулезных исторических исследований, можно с таким же успехом применить и в детективной работе. Никогда не забывайте об этом, моя дорогая. Я усвоил

этот урок в довольно раннем возрасте. В яблочко. Это была Элспет, держу пари.

— Но почему? — спросил Алан.

Лицо Кэтрин приняло суровое выражение, как будто они снова вернулись к спору двухдневной давности. Тон ее стал язвительным.

— Многоуважаемый доктор Кэмпбелл! — произнесла она. — Подумайте о том, что нам известно. В течение многих, многих лет она была для Ангуса Кэмпбелла гораздо больше чем просто экономкой.

— И?

— Но она ужасно, болезненно благопристойна и не может даже представить, что кто-то догадывается о ее истинных мыслях.

(У Алана возникло искушение сказать: «Совсем как вы», но он сдержался.)

— Так.

— Ангус Кэмпбелл не был человеком, открыто говорящим то, что он думает, но он вел дневник, куда записывал свои интимные… ну, вы понимаете!

— Да?

— Так вот. Чтобы позаботиться о давней возлюбленной на случай своей кончины, он за три дня до смерти оформляет еще один страховой

полис. Почти наверняка, не так ли, при описании нового полиса в дневнике проскочили бы какие-то намеки на то, почему он на это решился? — Кэтрин приподняла брови. — Так что, конечно же, это Элспет украла дневник, поскольку ужасно боялась, что люди узнают о том, что она натворила много лет назад. Разве вы не помните, что случилось прошлой ночью, Алан? Как она себя вела, когда вы с Колином заговорили о дневнике? Когда вы начали это обсуждать, она сначала заявила, что вы несете чепуху, а в конце концов сбила вас с панталыку, предложив тот злосчастный виски. И конечно, это сработало. Вот и все.

Алан присвистнул:

— Ей-богу, а вы правы!

— Большое спасибо, дорогой. Если бы вы хоть немного напрягли извилины, — заметила Кэтрин, наморщив свой хорошенький носик, — понаблюдали и сделали умозаключения, как вы всегда советуете всем остальным…

Алан отнесся к этому с холодным презрением. Он уже подумывал сослаться на герцогиню Кливлендскую и на скудость умозаключений, которые К. И. Кэмпбелл сумела сделать на ее счет, но решил дать этой несчастной придворной даме немного отдохнуть.

— Значит, дневник действительно не имеет никакого отношения к делу?

— Хотел бы я знать, — ответил доктор Фелл.

— Очевидно, — заметила Кэтрин, — тетушке Элспет что-то известно. И вероятно, из дневника. Иначе зачем вся эта затея с письмами в «Дейли флудлайт»?

— Да.

— И раз уж она им написала, то, похоже, совершенно ясно, что в дневнике не было ничего, что могло бы скомпрометировать ее. Но почему тогда, ради всего святого, она молчит? Что с ней такое? Если дневник указывает каким-то образом на то, что Ангус был убит, почему она об этом не говорит?

— Если, конечно, — сказал Алан, — в дневнике не сказано, что он собирался покончить с собой.

— Алан, Алан, Алан! Не говоря уже обо всех остальных полисах, Ангус оформляет последний полис, выплачивает премию, а потом пишет, что собирается покончить с собой? Это просто противоестественно, вот и все!

Алан мрачно согласился.

— На кону тридцать пять тысяч фунтов, — выдохнула Кэтрин, — и она не заявляет на них права. Почему бы кому-нибудь не потолковать

с ней об этом? А почему бы вам не потолковать, доктор Фелл? Похоже, все остальные ее боятся.

— Буду счастлив, — обрадовался доктор Фелл.

Грузно, как военный корабль, заходящий в док, он повернулся на диване. Поправил пенсне и подмигнул Элспет Кэмпбелл, которая стояла в дверях и на лице ее читались гнев, боль, неуверенность и страх вечного проклятия. Они уловили лишь тень этого выражения, которое в мгновение ока исчезло, сменившись сжатыми челюстями и гранитной непреклонностью.

На доктора Фелла это не произвело особого впечатления.

— Ну что, мэм? — спросил он бесцеремонно. — Это же вы стянули этот дневник, не так ли?

Глава двенадцатая

Сумерки сгущались над фьордом Лох-Фин, когда Алан и Кэтрин спустились через серый призрачный лес с поваленными деревьями и повернули на север по главной дороге в Ширу.

Алан чувствовал себя здорово и приятно уставшим после полудня на природе. У Кэтрин, одетой в твидовый костюм и туфли на низком каблуке, щеки раскраснелись, а голубые глаза сияли. Не раз и не два надевала она свои очки в пылу спора, особенно когда он подловил ее на том, что она не знает об убийстве Красного Лиса, Колина Кэмпбелла, в 1752 году, который был застрелен неизвестно кем, но за которое Джеймса Стюарта приговорили в суде Инверэри.

— Проблема в том, — рассуждал Алан, пока они спускались с холма, — что Стивенсон настолько очаровал нас, что мы склонны забывать, каким на самом деле был этот «герой», этот знаменитый Алан Брек — с одной «л», пожалуйста. Частенько думаю, что хорошо бы, чтобы кто-нибудь для разнообразия встал на сторону Кэмпбеллов.

— Опять интеллектуальная честность?

— Нет. Просто для развлечения. Но самая странная версия этого инцидента была в киноверсии «Похищенный». Алан Брек, Дэвид Бальфур и совершенно лишняя женщина спасаются от красных мундиров. Замаскировавшись по самые уши, они едут в повозке по дороге, запруженной войсками, напевая «Лох-Ломонд»; и Алан Брек шипит: «Уж теперь они нас не заподозрят». Мне захотелось встать и, обращаясь к экрану, сказать: «Черт возьми, еще как заподозрят, если вы будете продолжать петь якобитскую песню». Это все равно что, если бы группа агентов британских спецслужб, переодевшись в гестаповцев, пронеслась по Унтер-ден-Линден, распевая «Англия будет всегда».

Кэтрин уцепилась за самое главное.

— Значит, женщина была совершенно лишней, да?

— Вы о чем?

— Женщина, заявляет он во всем своем величии, была совершенно лишней. Ну конечно!

— Я только хотел сказать, что ее не было в изначальной версии и она испортила то немногое, что осталось от истории. Вы можете хоть на пять минут забыть об этой войне полов?

— Это вы все время начинаете!

— Я?

— Да, вы. Я не знаю, как вас понимать. Вы… вы можете быть довольно милым, знаете, когда стараетесь. — Она пнула опавшие листья и вдруг начала хихикать. — Я вспомнила о прошлой ночи.

— Не напоминайте мне!

— Но на самом деле именно тогда вы были наиболее милым! Разве вы не помните, что вы мне сказали?

Он надеялся, что этот инцидент похоронен в милосердном забвении. Но нет.

— Что я сказал?

— Не важно. Мы опять ужасно опаздываем к чаю, и тетушка Элспет напустится на нас снова, как вчера вечером.

— Тетушка Элспет! — сурово сказал он. — Тетушка Элспет, как вы прекрасно знаете, к чаю не придет. Она закрылась у себя в комнате в жестокой истерике и припадке хандры.

Кэтрин остановилась и безнадежно махнула рукой:

— Знаете, я не могу понять, нравится ли мне эта старушенция, или я хочу ее убить. Доктор Фелл потолковал с ней насчет дневника, а она только и делает, что сотрясает воздух и кричит, что это ее

дом и она не позволит здесь над ней издеваться, а собачья переноскабы*ла* под кроватью…

— Да, но…

— Я думаю, она просто хочет, чтобы все было, как она пожелает. Я думаю, она никому ничего не скажет лишь только потому, что от нее этого хотят, а она твердо решила быть хозяйкой положения. Вот она и пришла в неистовство, когда Колин настоял на том, чтобы пустить в дом этого бедного безобидного Свона.

— Юная леди, не уходите от вопроса. Что я сказал вам вчера ночью?

«Вот хитрая лиса, — подумал он, — специально же так делает!» Он не хотел доставлять ей удовольствие, проявляя любопытство. Но ничего не мог с собой поделать. Они вышли на главную дорогу всего в полудюжине ярдов от замка Шира. В сумерках личико Кэтрин выглядело одновременно застенчивым и озорным.

— Если вы не можете вспомнить, — невинно произнесла она, — то я не могу повторить. Но могу сказать, каким был бы мой ответ, если бы я его дала.

— И каким же?

— О, вероятно, я сказала бы что-то вроде: «В таком случае почему вы этого не делаете?»

И она помчалась от него.

Алан догнал ее только в холле и больше ничего не успел сказать. Даже если бы они не увидели Колина через приоткрытую дверь, уже только по одному шуму голосов из столовой стало понятно, что там происходит.

Яркий свет озарял уютный стол. Колин, доктор Фелл и Чарльз Свон закончили очень обильную трапезу. Их тарелки были отодвинуты в сторону, а в центре стола стоял графин с напитком насыщенного коричневого цвета. На лицах доктора Фелла и Свона, перед которыми стояли пустые бокалы, было выражение, присущее людям, которые только что пережили великий мистический опыт. Колин подмигнул им.

— Заходите! — крикнул он Кэтрин и Алану. — Садитесь. Ешьте, пока не остыло. Я только что дал нашим друзьям впервые попробовать «Погибель Кэмпбеллов».

Необычайная торжественность на лице Свона была несколько подпорчена легкой икотой. Но он оставался торжественным и, казалось, медитировал над каким-то глубоким опытом.

Его костюм тоже был примечателен. Ему досталась одна из рубашек Колина, которая явно была велика ему в плечах и груди, но слишком коротка

в рукавах. Кроме того, поскольку ни одна пара брюк в доме ему не подошла, он надел килт. Килт был в темно-зеленую и синюю клетку — цвета тартана Кэмпбеллов, но с тонкими пересекающимися полосками желтого и белого цвета.

— Божечки! — пробормотал Свон, созерцая пустой бокал. — Божечки!

— Замечание, — произнес доктор Фелл, потирая рукой порозовевший лоб, — не лишено оснований.

— Нравится? — спросил Колин.

— Ну… — сказал Свон.

— Еще по одной? А ты, Алан? А ты, котеночек?

— Нет. — Алан был непоколебим. — Я бы хотел поесть. Может быть, попозже употреблю каплю этого алкогольного табаско, но буквально каплю и точно не сейчас.

— О, ты выпьешь с нами! — Колин потер руки. — Все выпьют. Что скажешь о наряде нашего друга Свона? Симпатичный, да? Я выудил его из сундука в самой лучшей спальне. Оригинальный тартан клана Макхольстер.

Лицо Свона потемнело.

— Вы серьезно?

— Клянусь Небесами, — провозгласил Колин, поднимая руку, — это тартан Макхольстеров, и

это так же истинно, как моя вера в Небеса.

Свона это успокоило. На самом деле казалось, что он получает удовольствие от происходящего.

— Забавное ощущение, — сказал он, разглядывая килт. — Как будто ходишь на людях без штанов. Божечки! Подумать только, я, Чарли Свон из Торонто, одет в настоящий килт в настоящем шотландском замке и пью старинный самогон, как какой-нибудь член клана! Я должен написать об этом отцу. Очень благородно с вашей стороны, что вы предложили мне переночевать.

— Вздор! Ваша одежда все равно не будет готова до утра. Еще по одной?

— Спасибо, не возражаю.

— А вы, Фелл?

— Уфф! — ответил доктор Фелл. — От такого предложения (или, в данном случае, вызова) я очень редко отказываюсь. Благодарю. Но…

— Но что?

— Мне просто интересно, — произнес доктор Фелл, с видимым усилием положив ногу на ногу, — последует ли за*nunc est bibendum*[34] разумное

[34] Notes: 34

«Нам пить пора»*(лат.)* — начало 37-й оды Горация (перевод Г. Ф. Церетели).

sat prata biberunt[35]. Выражаясь более изящным языком, не планируете ли вы еще одну попойку? Вы не надумали отказаться от идеи переночевать сегодня в башне?

Колин напрягся.

Смутная тревога проникла в атмосферу старинного зала.

— С чего бы мне отказываться от идеи переночевать в башне?

— Именно потому, что я не знаю с чего бы, — откровенно ответил доктор Фелл, — я и хочу, чтобы вы этого не делали.

— Чепуха! Я полдня чинил замок и засов на этой двери. Я уже отнес туда свое барахло. Уж не думаете ли вы, что я собираюсь совершить самоубийство?

— Ну, — сказал доктор Фелл, — что, если это произойдет?

Смутная тревога стала чуть более осязаемой. Даже Свон, казалось, ощутил ее. Колин уже собирался разразиться возгласами несогласия, но доктор Фелл остановил его:

— Минуточку. Просто предположим это. То

---

[35] Notes: 35

«...Луга довольно напились»*(лат.)* — последняя строка 3-й эклоги «Буколик» Вергилия (перевод С. Шервинского), часто цитируется в значении: «довольно», «хватит».

есть, если быть точным, предположим, что завтра утром мы найдем вас мертвым у подножия башни при тех же обстоятельствах, что и Ангуса. Мм… вы не возражаете, если я закурю, пока вы едите, мисс Кэмпбелл?

— Нет, конечно нет, — ответила Кэтрин.

Доктор Фелл достал большую пенковую трубку с изогнутым мундштуком, набил ее табаком из тучного кисета и раскурил. Затем откинулся в кресле и приготовился аргументировать. Чуть скосив глаза, он наблюдал сквозь пенсне, как дым вьется в ярком плафоне люстры.

— Верите ли вы, — продолжал он, — верите ли вы, что смерть вашего брата наступила в результате убийства?

— Да! Очень надеюсь, что да! И если это так и мы сможем это доказать, то я унаследую семнадцать тысяч пятьсот фунтов.

— Да. Но если смерть Ангуса наступила в результате убийства, то та же сила, что убила Ангуса, может убить и вас. Вы не думали об этом?

— Хотел бы я встретиться с силой, которая намерена это сделать. Господь всемогущий, о, я бы хотел! — огрызнулся Колин.

Но спокойный голос доктора Фелла возымел эффект: Колин заметно присмирел.

— Итак, если с вами по какой-то причине что-нибудь случится, — продолжил доктор Фелл, а Колин поежился, — что станет с вашей долей в тридцать пять тысяч фунтов? Перейдет ли она, например, к Элспет Кэмпбелл?

— Нет, конечно нет. Она останется в семье. Перейдет к Роберту. Или наследникам Роберта, если его нет в живых.

— Роберту?

— Наш третий брат. Он попал в неприятности и сбежал из страны много лет назад. Мы даже не знаем, где он сейчас, хотя Ангус постоянно пытался его найти. Мы знаем, что он женился и завел детей, единственный из нас троих, кто женился. Сейчас Роберту должно быть… около шестидесяти четырех лет. Он на год младше меня.

Доктор Фелл продолжал задумчиво курить, не сводя глаз с люстры.

— Видите ли, — засипел он, — если предположить, что это убийство, то нужно искать мотив. А мотив, по крайней мере с финансовой стороны, найти очень трудно. Предположим, Ангуса убили из-за выплат по страховке. Вы. (Тише-тише! Не надо на меня набрасываться!) Или Элспет. Или Роберт, или его наследники. Но ни один убийца в здравом уме при таких обстоятельствах не станет

планировать преступление, которое примут за самоубийство, тем самым лишая себя денег, которые были главным мотивом этого преступления. Так что мы переходим к личным причинам. Вот, скажем, этот человек, Алек Форбс. Полагаю, он был способен убить Ангуса?

— О господи, да!

— Хм. Расскажите мне. У него на вас зуб?

Колин исполнился каким-то непонятным удовлетворением.

— Алек Форбс, — ответил он, — ненавидит меня до мозга костей, почти так же сильно, как и Ангуса. Я высмеял его планы. Единственное, чего такие угрюмые парни не могут переносить, так это насмешек. Хотя сам я никогда не испытывал к нему неприязни.

— Вы допускаете, что «нечто», которое убило Ангуса, могло бы убить и вас?

Колин вжал голову в плечи. Протянул руку к графину с виски и щедро налил доктору Феллу, Свону, Алану и себе.

— Если вы пытаетесь убедить меня не ночевать в башне…

— Да, пытаюсь.

— Идите-ка вы к черту! Потому что я намерен это сделать. — Колин свирепо оглядел всех при-

сутствующих. — Да что с вами со всеми такое? — взревел он. — Что вы как дохлые мухи? Прошлым вечером было гораздо лучше! Выпейте! Я не собираюсь совершать самоубийство, это я вам обещаю. Так что пейте, и давайте больше не будем устраивать этот балаган.

Когда они расходились спать в десятом часу вечера, ни один из них не был трезв.

Степень опьянения варьировалась: к примеру, Свон, который опрометчиво пил это пойло, едва мог стоять на ногах, а доктора Фелла, напротив, казалось, ничто не могло поколебать. Колин Кэмпбелл был определенно навеселе, хотя его походка оставалась твердой и только покрасневшие глаза выдавали его состояние. Не было в нем и пьяной веселости и несдержанной лихости, как накануне вечером.

Да и ни в ком не было. Это был один из тех вечеров, когда даже табачный дым становится несвежим и кислым, а мужчины упрямо продолжают пить до последнего, без всякой необходимости. Когда Кэтрин выскользнула из-за стола еще до десяти, никто не попытался ее остановить.

На Алана спиртное подействовало не лучшим образом: превратило его расслабленную физическую утомленность в такую усталость, при

которой лихорадочное беспокойство не ослабевает и не дает заснуть. Мысли скреблись в его голове, как мелки по грифельной доске; они не уходили и не успокаивались.

Его спальня с видом на фьорд находилась на втором этаже. Ощущая легкость в ногах, он взлетел по ступенькам и пожелал спокойной ночи доктору Феллу, который — удивительное дело — направлялся в свою комнату с журналами под мышкой.

Легкость в ногах, гудящая голова, сильный дискомфорт — так себе снотворное. Алан на ощупь пробрался в комнату. То ли из экономии, то ли из-за необходимости светомаскировки в люстре не было электрических лампочек, и для освещения можно было использовать только свечу.

Алан зажег свечу на бюро. От скудного пламени окружающая темнота сгустилась вокруг него, а лицо в зеркале выглядело белым. Ему казалось, что он пошатывается; он подумал, что было очень глупо снова пить эту дрянь, поскольку на этот раз она не принесла ему ни веселья, ни успокоения.

Мысли кружились в его голове, перескакивая с одного на другое, словно неуклюжие горные козы. Раньше люди читали и писали при свечах. Удивительно, как они не слепли. Хотя, возможно,

большинство и слепло. Он подумал о мистере Пиквике в «Большом белом коне» в Ипсвиче. Подумал о Скотте, который испортил себе зрение, работая под «широкой газовой звездой». Он подумал о…

Ничего хорошего из этого не вышло. Он *не мог* заснуть.

Алан неловко разделся в темноте. Надел тапочки и халат.

Тикали часы. Десять тридцать. Без четверти одиннадцать. Ровно одиннадцать. Одиннадцать пятнадцать…

Алан опустился в кресло, подпер голову руками и почувствовал страстное желание что-нибудь почитать. Он заметил, что в Шире очень мало книг. У доктора Фелла был томик Босуэлла, он сам упомянул об этом днем.

Какое утешение, успокоение и удовольствие принес бы ему сейчас Босуэлл! Перелистывать эти страницы, беседовать с доктором Джонсоном до тех пор, пока не погрузишься в дремоту, — вот что должно быть вершиной наслаждения в эту ночь. Чем больше он думал об этом, тем больше жалел, что у него нет этой книги. Может, доктор Фелл одолжит ее?

Он встал, открыл дверь и прокрался по про-

хладному холлу к комнате доктора. И чуть не вскрикнул от радости, когда увидел тонкую полоску света из-под двери. Алан постучал, и голос, в котором он с трудом узнал голос доктора Фелла, предложил ему войти.

Алан, взвинченный до чудесного состояния осознанности, почувствовал, как его волосы встали дыбом от ужаса при виде выражения лица доктора Фелла.

Доктор Фелл сидел у комода со множеством ящичков, на котором в подсвечнике горела свеча. На докторе был старый пурпурный халат размером с палатку. С угла его рта свисала пенковая трубка. Вокруг него повсюду валялись журналы, письма и, похоже, счета. Сквозь туман табачного дыма в безвоздушном пространстве комнаты Алан разглядел изумленное, отрешенное выражение глаз доктора Фелла и его открытый рот, в котором едва удерживалась трубка.

— Слава богу, вы здесь! — прогремел доктор Фелл, внезапно придя в себя. — Я как раз собирался за вами.

— Зачем?

— Я знаю, что было в том сундуке, — сказал доктор Фелл. — Я знаю, как был устроен этот трюк. Я знаю, что произошло с Ангусом Кэмпбеллом.

Пламя свечи слегка колебалось среди теней. Доктор Фелл потянулся за своей тростью и не сразу нашел ее на ощупь.

— Мы должны извлечь Колина из той комнаты, — добавил он. — Может, там и нет никакой опасности — скорее всего, нет, — но, разрази меня гром, мы не можем допустить этот риск! Я разъясню ему, что произошло, и он прислушается к голосу разума. Вот увидите.

Пыхтя и сопя, он с трудом поднялся на ноги.

— Однажды я уже чуть не принял мученическую смерть, взойдя по ступеням этой башни, повторить я не смогу. Может быть, вы поднимете туда и вытащите Колина из постели?

— Конечно.

— Больше никого будить не надо. Просто стучите в дверь, пока он не впустит вас; не принимайте отказа. Вот. У меня есть маленький фонарь. Держите его прикрытым, когда будете подниматься по лестнице, иначе за нами погонятся дозорные. Поспешите!

— Но что…

— Нет времени объяснять. Быстрее!

Алан взял фонарь. Тонкий бледный луч освещал ему путь. Алан вышел в холл, в котором пахло старыми зонтами, и спустился по лестни-

це. Холодный сквозняк коснулся его лодыжек. Он пересек нижний холл и вошел в гостиную.

Луч фонаря выхватил фотографию на каминной полке — лицо Ангуса Кэмпбелла глядело на него с другого конца комнаты. В наружности Ангуса, в его седине и тяжелой челюсти, казалось, таился какой-то секрет.

Дверь, ведущая на первый этаж башни, была заперта изнутри. Когда Алан поворачивал скрипучий ключ и открывал дверь, его пальцы дрожали.

Земляной пол у него под ногами ощущался ледяным. Слабый туман надвигался со стороны фьорда. Арка, ведущая к лестнице в башню, — мрачное отверстие — отталкивала и несколько нервировала его. Он начал было бежать по лестнице, но опасные ступени и напряжение, вызванное подъемом, заставили его сбавить темп.

Первый этаж. Второй этаж, надо спешить. Третий этаж, он стал задыхаться. Четвертый этаж, оставшееся расстояние казалось бесконечным. Слабый луч света усиливал холод и клаустрофобию в этом замкнутом пространстве. Было бы неприятно неожиданно встретить на лестнице человека с обезображенным лицом, наряженного в костюм горца.

Или, например, какую-нибудь тварь, которая выскочила бы из одной из комнат башни и тронула его сзади за плечо.

Здесь невозможно было укрыться ни от чего такого, что вознамерилось бы пуститься за тобой в погоню.

Алан добрался до площадки без окон, здесь не хватало воздуха; дверь отсюда вела в самую верхнюю комнату. Дубовая дверь, изрядно подгнившая от сырости, была закрыта. Алан подергал ручку и обнаружил, что дверь заперта изнутри на засов.

Он поднял кулак и заколотил в нее.

— Колин! — крикнул он. — Колин!

Ответа не было.

Удары в дверь и звук его голоса раздавались в замкнутом пространстве дьявольским грохотом. Ему казалось, что это должно разбудить всех в доме, да и во всем Инверэри, если уж на то пошло. Он продолжал стучать и кричать, но по-прежнему без ответа.

Алан уперся плечом в дверь и толкнул ее. Опустившись на колени, он попытался заглянуть в щель, но не увидел ничего, кроме полоски лунного света.

Когда он снова поднялся на ноги, чувствуя

легкое головокружение после таких усилий, подозрения, которые уже обуяли его, начали расти и становились все ужаснее. Конечно, Колин мог просто крепко спать после всего этого виски. С другой стороны…

Алан развернулся и бросился вниз по предательским ступеням. Дыхание в легких ощущалось как скрежет пилы, и несколько раз ему приходилось останавливаться. Он даже забыл про горца. Прошло, казалось, полчаса, а на самом деле две-три минуты, прежде чем он снова оказался у подножия лестницы.

Двойные двери, ведущие во двор, были закрыты, но засов не был задвинут. Алан с силой толкнул их — скрипучие, дрожащие деревянные рамы гнулись, как древко лука, скребя по камням.

Он выбежал во двор и обогнул башню со стороны, обращенной к фьорду. Там он остановился как вкопанный. Он уже знал, что́ увидит, — и он увидел.

Падение, сама мысль о котором вызывала тошноту, произошло снова.

Колин Кэмпбелл — или куль в пижаме в красно-белую полоску, который когда-то был Колином, — лежал на камнях лицом вниз. В шестидесяти

футах над его головой створки окна были распахнуты и поблескивали в свете убывающей луны. Прозрачный белый туман, который, казалось, скорее висит над водой, чем поднимается из нее, оседал бисеринками росы на лохматой шевелюре Колина.

Глава тринадцатая

Когда Алан вновь одолел ступени башни, дымчато-лиловые предрассветные тени уже стали теплым бело-золотым светом, который затопил долину, и небо будто окрасилось переливами мыльного пузыря. Воздух ранней осени, казалось, можно было попробовать на вкус.

Но у Алана было не то настроение, чтобы наслаждаться всем этим.

Он нес долото, бурав и пилу. Позади него шагал Свон, жилистый, нервный, в своем обсохшем сером костюме — когда-то щегольском, а теперь напоминавшем мешковину.

— Вы действительно хотите туда войти? — напирал Свон. — Я не в восторге от этой идеи.

— Почему бы и нет? — ответил Алан. — Сейчас день. Насельник не сможет нам навредить.

— Какой еще насельник?

Алан не ответил. Он подумал, не поделиться ли тем, что доктор Фелл обо всем догадался, хотя и не рассказал, в чем суть, а только уверил, что опасности нет. Но он решил эти материи пока держать от газетчика подальше.

— Подержите фонарь, — попросил он. — Не понимаю, почему не устроили окно на этой лестничной площадке. Помните, Колин починил эту дверь вчера днем. Наша задача — сделать так, чтобы ее нельзя было опять починить так быстро.

Алан приступил к работе при свете фонаря, который держал Свон. Дело шло медленно — надо было просверлить ряд отверстий вплотную друг к другу, очерчивая замок квадратом, да к тому же Алан управлялся с буравом довольно неуклюже.

Закончив со сверлением, он расширил отверстия долотом, взял пилу и медленно пропилил по линии дырок.

— Колин Кэмпбелл, — внезапно и драматично провозгласил Свон, — был хорошим парнем. По-настоящему хорошим парнем.

— Что значит «был»?

— Теперь, когда он мертв…

— Но он не умер.

Воцарилась напряженная тишина.

— *Не умер?*

Пила скрежетала и постукивала. Вся мощь облегчения Алана, вся его душевная боль после увиденного вылилась в атаку на эту дверь. Он жаждал, чтобы Свон заткнулся. Ему чрезвычайно

нравился Колин Кэмпбелл, настолько сильно, что он совершенно не желал слушать чьи-то пустые тошнотворные сентиментальности.

— У Колина, — продолжал он, не оборачиваясь, чтобы не видеть выражения лица Свона, — сломаны обе ноги и таз. Для человека его возраста это не пустяки. Кроме того, есть еще кое-что, что весьма беспокоит доктора Гранта. Но он не умер и вряд ли умрет.

— После такого падения?..

— Иногда так бывает. Вы, наверное, слыхали о людях, которые падали с еще большей высоты, иногда и вовсе без всякого вреда для здоровья. Особенно если они такие же крепкие, как Колин.

— А все-таки — он намеренно выпрыгнул из окна?

— Да.

Последняя деревянная перемычка осыпалась мелкими опилками. Алан толкнул квадратную плашку внутрь, и она упала на пол. Он просунул руку и обнаружил, что в замке все еще был ключ, а ржавый засов неподвижно сидит в гнезде. Он повернул ключ, отодвинул засов и, не без опасений, толкнул дверь.

В ясном, свежем рассветном освещении комната выглядела неаккуратно и несколько зловеще.

Одежда Колина, поскольку раздевался он небрежно, была разбросана по стульям и полу. Его часы тикали на комоде. На кровати явно спали; белье было скомкано, а подушки сбиты в кучу и сохраняли примятость от головы.

Широко распахнутые створки окна тихонько поскрипывали на сквозняке.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Свон. Он выглядывал из-за края двери, но в конце концов решился войти.

— То, о чем меня попросил доктор Фелл.

Хотя он говорил достаточно непринужденно, ему пришлось собрать всю свою решимость, прежде чем опуститься на колени и пошарить под кроватью. Он извлек кожаную собачью переноску, в которой содержался насельник.

— Вы же не будете возиться с этой штукой? — встревожился Свон.

— Доктор Фелл велел ее открыть. Он сказал, что на ней нет никаких отпечатков пальцев, так что не стоит беспокоиться по этому поводу.

— Вы многое принимаете на веру, полагаясь на слова этого старикана. Но если вы знаете, что делаете, — открывайте.

Эта часть была самой трудной. Алан откинул защелки большими пальцами и поднял крышку.

Как он и ожидал, сундук был пуст. Однако его воображение уже без труда нарисовало всевозможные неприятные вещи, которые он мог бы увидеть.

— Что именно старикан велел вам сделать? — поинтересовался Свон.

— Просто открыть и убедиться, что здесь пусто.

— Но что тут могло быть? — взревел Свон. — Говорю вам, я с ума сойду, пытаясь разобраться во всем этом! Я… — Свон умолк. Его глаза расширились, а затем сузились. Он вытянул палец и указал на бюро с откидной крышкой.

На краю столешницы, наполовину скрытая бумагами, в месте, где ее точно не было накануне, лежала небольшая книжка карманного формата в кожаном переплете, на обложке которой золочеными буквами было выведено: «Ежедневник, 1940».

— Не это ли вы искали?

Оба бросились к дневнику, но Алан успел первым.

Имя Ангуса Кэмпбелла было написано на форзаце мелким, неровным, немного школьным почерком — Алан предположил, что пальцы писавшего были сведены артритом. Ангус аккуратно заполнил таблицу, в которой указал

разнообразные сведения — например, размер воротничка и размер обуви (почему составители ежедневников считают, что мы можем забыть размер воротничка, остается загадкой); а в графе «номер водительского удостоверения» написал «нет».

Эти сведения Алана не заинтересовали, чего нельзя сказать о строчках, которые теснились на каждой странице ежедневника. Последняя запись была сделана в ночь смерти Ангуса, в субботу 24 августа. Алан Кэмпбелл почувствовал, как у него сдавило горло, а в груди тяжело застучало, когда его взгляд упал на ту самую заметку.

«*Суббота.* Банк одобрил чек. ОК. Элспет неважно себя чувствует. Не забыть: сироп из инжира. Написал Колину. А. Форбс приходил сегодня вечером. Утверждает, что я его обманул. Ха-ха-ха. Я сказал, чтобы не возвращался. Он сказал, что не вернется, нет необходимости. В комнате сегодня стоит странный кисловатый запах. Не забыть: написать в Военное министерство о тракторе. Использовать для армии. Напишу завтра».

Далее шел чистый лист, обозначивший конец жизненного пути автора.

Алан снова пролистал страницы. Он не стал больше ничего читать, хотя заметил, что в одном

месте был вырван целый лист. Он думал об этом коренастом грузном старике, у которого был нос картошкой и седая шевелюра и который писал эти слова, а в это время уже что-то подстерегало его.

— Хм, — сказал Свон. — Не слишком-то помогло, не так ли?

— Я не знаю.

— Ну что ж, — произнес Свон, — если вы увидели то, что хотели найти или, вернее, опасались найти, то давайте снова спустимся вниз, хорошо? Может, с этим местом и все в порядке, но у меня от него мурашки по коже.

Сунув дневник в карман, Алан собрал инструменты и пошел следом за Своном. В гостиной внизу они обнаружили доктора Фелла при полном параде — на нем был старый черный костюм из шерсти альпаки и галстук-шнурок. Алан с удивлением заметил, что его плащ-накидка с крупными складками и шляпа с широкими полями лежат на диване, тогда как вчера вечером они висели в холле.

Доктор Фелл, похоже, был не на шутку увлечен изучением очень плохого пейзажа, висевшего над пианино. При их появлении он обернулся и с бесхитростным выражением лица обратился

к Свону:

— Скажу так. Не могли бы вы заглянуть в… уфф, назовем это больничной палатой, и узнать, как там пациент? Не позволяйте доктору Гранту запугивать вас. Я хочу выяснить, пришел ли Колин в сознание и говорил ли он что-нибудь.

— Я тоже, — с горячностью согласился Свон и умчался так стремительно, что картины задрожали.

Доктор Фелл поспешно подхватил свой плащ-накидку, с видимым усилием водрузил его на плечи и застегнул маленькую цепочку на шее.

— Берите свою шляпу, приятель, — сказал он. — Мы отправляемся в небольшую экспедицию. Присутствие прессы, несомненно, стимулирует, но бывают моменты, когда она определенно становится обузой. Возможно, мы сумеем перекинуться парой слов так, чтобы наш друг Свон нас не заметил.

— Куда мы едем?

— В Гленко.

Алан уставился на него:

— Гленко! В семь часов утра?

— К сожалению, — вздохнул доктор Фелл, принюхиваясь к запаху жарящегося бекона и яиц, который уже разносился по всему дому, — у нас

нет возможности дождаться завтрака. Но лучше остаться без завтрака сейчас, чем потом расхлебывать кашу.

— Да, но как, черт возьми, мы доберемся до Гленко в такой час?

— Я позвонил в Инверэри и вызвал машину. В этой части страны лежебок нет, приятель. Помните, Дункан рассказывал нам вчера, что Алека Форбса видели — или полагают, что видели, — у коттеджа возле Гленко?

— И?

Доктор Фелл скорчил гримасу и взмахнул тростью:

— Это может оказаться неправдой. И возможно, нам даже не удастся найти этот коттедж, хотя я получил от Дункана описание его местоположения, а жилищ там вообще не много и расположены они далеко друг от друга. Но, разрази меня гром, мы должны рискнуть! Если я хочу принести пользу Колину Кэмпбеллу, то должен добраться до Алека Форбса раньше, чем кто-либо другой — даже полиция. Берите шляпу.

Кэтрин Кэмпбелл, натягивая твидовый пиджак, влетела в комнату.

— О нет, вы не посмеете! — воскликнула она.

— Не посмеем что?

— Не поедете без меня, — заявила Кэтрин. — Я слышала, как вы вызывали машину. Тетушка Элспет и так достаточно деспотична, но тетушка Элспет в больничной палате — деспотична просто нестерпимо. Ну же! — Она стиснула руки. — Здесь я все равно больше ничего не могу сделать. Пожалуйста, позвольте мне поехать с вами!

Доктор Фелл галантно повел рукой в знак согласия. На цыпочках, как заговорщики, они выскользнули на задний двор. За живой изгородью, отделяющей Ширу от главной дороги, их ожидал блестящий четырехместный автомобиль.

В то утро Алану не хотелось, чтобы им достался словоохотливый шофер, — его и не было. Водитель — угрюмый коренастый малый, одетый как механик гаража, — нехотя открыл перед ними дверцу автомобиля. Они успели уже проехать Дэлмэлли, когда обнаружили, что на самом деле он — английский кокни.

Но Алан был слишком увлечен своим последним открытием, чтобы обращать внимание на присутствие свидетеля. Он достал дневник Ангуса и протянул его доктору Феллу.

Доктор Фелл не успел с утра перекусить, но он все же набил и раскурил свою трубку. Их откры-

тый автомобиль поднимался на высокий холм, небо было каким-то сырым и набрякшим. Доктор Фелл внимательно просматривал дневник, страницу за страницей, хотя ему и приходилось непросто: ветер бросал ему в лицо клубы табачного дыма и так и норовил сорвать с него шляпу.

— Хм, да, — проговорил он и нахмурился. — Сходится. Все сходится! Ваши выводы, мисс Кэмпбелл, были совершенно верны. Это Элспет украла его.

— Но…

— Глядите. — Он указал на то место, где была вырвана страница. — Запись перед этим, в конце предыдущей страницы, гласит: «Элспет говорит, что Джанет Джи» — кем бы она ни была — «безбожница и распутница. В молодые годы Элспет…» На этом запись обрывается. Далее, вероятно, следовал веселый пересказ анекдота о юных и менее нравственных днях Элспет. Так что улика была удалена из протокола. Элспет больше не нашла в дневнике ничего, что могло бы отразиться на ее репутации. Внимательно прочитав его — возможно, несколько раз для верности, — она вернула дневник на место — так, чтобы его можно было легко найти.

Алан не был впечатлен.

— И все же как насчет сенсационных откровений? Зачем связываться с прессой, как это сделала Элспет? Последняя запись в дневнике может навести на какие-то размышления, но она определенно не рассказывает нам слишком много.

— Нет?

— А разве да?

Доктор Фелл с любопытством посмотрел на него:

— Я бы сказал, что она, напротив, рассказывает нам очень много. Но вы же не ожидали, что сенсационное откровение (если таковое вообще возможно) будет в последней записи? В конце концов, Ангус благополучно и без задней мысли отправился спать. Что бы на него ни напало, оно напало на него после того, как он закончил писать и погасил свет. Так почему же мы должны ожидать чего-то особенно любопытного в последней записи?

Алан проявил неожиданное упорство.

— Это, — признал он, — чистая правда. Но все же…

— Нет, мой мальчик. Самая суть — здесь, — доктор Фелл прошелестел страницами, как колодой карт, — в основной части дневника. В отчете о его

делах за последний год.

Он хмуро поглядел на книжицу и сунул ее в карман. Доктор Фелл глубоко задумался, на его лице читались одновременно и грандиозное огорчение, и все укрепляющаяся уверенность.

— Пропади все пропадом! — воскликнул он и ударил рукой по колену. — Иначе и быть не может! Элспет крадет дневник. Она читает его. Не будучи дурой, она догадывается…

— Догадывается о чем?

— Как на самом деле погиб Ангус Кэмпбелл. Она до глубины души ненавидит полицию и не доверяет ей. Поэтому она пишет в свою любимую газету, рассчитывая, что это будет бомба. И вдруг, когда уже становится слишком поздно, она с ужасом осознает…

Доктор Фелл снова умолк. Выражение его лица смягчилось. Он с глубоким вздохом откинулся на спинку сиденья и покачал головой.

— Знаете, а ведь это все переворачивает, — сказал он решительно. — По-настоящему переворачивает!

— Еще немного, — процедила Кэтрин сквозь зубы, — и я буду в состоянии сама, лично что-нибудь перевернуть, если эта мистификация продолжится!

Доктор Фелл, казалось, огорчился еще больше.

— Позвольте мне, — предложил он, — ответить на ваше естественное любопытство еще одним вопросом. — Он взглянул на Алана. — Минуту назад вы сказали, что последняя запись в дневнике Ангуса показалась вам «наводящей на размышления». Что вы имели в виду?

— Я имел в виду, что это точно не тот пассаж, который мог написать человек, намеревавшийся покончить с собой.

Доктор Фелл кивнул.

— Да, — согласился он. — Тогда как бы вы отреагировали, если бы я сообщил вам, что Ангус Кэмпбелл действительно покончил с собой?

Глава четырнадцатая

— Я бы сказала, — ответила Кэтрин, — что почувствовала бы себя абсолютно обманутой! О, я знаю, что не должна так говорить, но это правда. Вы заставили нас так усердно искать убийцу, что мы не можем сосредоточиться ни на чем другом.

Доктор Фелл кивнул, словно оценил эстетическую ценность этой точки зрения.

— И все же, — продолжил он, — интереса ради я прошу вас вдуматься в эту версию. Я прошу вас обратить внимание на то, как она подтверждается каждым из наших фактов. — Он помолчал секунду-другую, попыхивая трубкой. — Давайте сначала поговорим об Ангусе Кэмпбелле. Это проницательный, ожесточенный, изможденный старик с изворотливым умом и большой любовью к семье. Он на мели, полный банкрот. Его великие мечты никогда не сбудутся. Он осознает это. Его брат Колин, которого он очень любит, погряз в долгах. Его бывшая любовница Элспет, которую он тоже все еще любит, без гроша в кармане — и останется без гроша. Ангус вполне мог считать себя, со всей своей шотландской упертостью, про-

сто обузой. Никакой от него пользы — по крайней мере, пока жив. Он стар, но достаточно крепок для того, чтобы врач страховой компании дал ему еще лет пятнадцать жизни. И как до тех пор (во имя всего святого, как?) им жить? Конечно, если бы он умер сейчас…

Доктор Фелл сделал неопределенный жест.

— Но если он умрет прямо сейчас, необходимо установить точно, абсолютно точно, что его смерть не была самоубийством. А это потребует определенных усилий. Речь идет об огромной сумме: тридцати пяти тысячах фунтов, распределенных между ушлыми страховыми компаниями, чертовски въедливыми компаниями. Простой несчастный случай не подойдет. Ангус не может пойти и броситься со скалы, надеясь, что это сочтут несчастным случаем. Они могут так подумать, но это слишком рискованно, а ничего нельзя оставлять на волю случая. Его смерть должна быть убийством, хладнокровным убийством, доказанным так, чтобы не осталось ни тени сомнения.

Доктор Фелл снова умолк. Алан улучил момент и издал издевательский смешок, который прозвучал не слишком убедительно.

— В этом случае, сэр, — сказал Алан, — я обра-

щаю против вас ваше собственное оружие.

— Да? И каким же образом?

— Вчера вечером вы задавались вопросом, зачем человеку, намеревающемуся убить ради выплат по страховке, совершать убийство, которое выглядит как самоубийство. Так вот — ровно по тем же самым причинам зачем Ангусу (уж кому-кому) планировать самоубийство, которое именно как самоубийство и выглядит?

— А он так и не планировал, — ответил доктор Фелл.

— Простите?

Доктор Фелл наклонился вперед и решительно потрепал Алана, сидевшего на переднем сиденье, по плечу. Манера доктора сочетала в себе рвение и рассеянность.

— В этом-то все и дело. Он не планировал так. Видите ли, вы все еще не поняли, что было в той собачьей переноске. Вы не поняли, что́ Ангус намеренно поместил туда. И говорю вам, — доктор Фелл торжественно поднял руку, — истинно говорю вам, что, если бы не одна маленькая непредвиденная случайность, происшествие настолько маловероятное, что математические шансы в его пользу были один на миллион, никогда бы не возникло ни малейшего сомнения

в том, что Ангус был убит! И Алек Форбс сейчас сидел бы в тюрьме, а страховые компании были бы вынуждены платить по счетам.

Они приближались к озеру Лох-О, прекрасной жемчужине в глубокой горной долине. Но никто из них и не взглянул на него.

— Вы хотите сказать, — выдохнула Кэтрин, — что Ангус собирался покончить с собой и намеренно подставить Алека Форбса?

— Да. Вы считаете это маловероятным?

После минутного молчания доктор Фелл продолжил:

— Рассмотрим наши факты в свете этой теории. Вот Форбс, человек, затаивший на Ангуса горькую обиду. Он идеально подходит для роли козла отпущения. Форбс наведывается к Ангусу в тот вечер — мы вполне можем предположить, что его как-то побудили прийти. Он поднимается наверх, в комнату в башне. Там происходит ссора, которую Ангус устраивает так, что ее слышно по всему дому. Теперь вопрос, был ли у Форбса с собой чемодан? Женщины, как мы выяснили, не знают. Они не видели Форбса до момента его изгнания. Кто единственный свидетель наличия этого чемодана? Сам Ангус. Он тщательно направляет их внимание на тот факт, что у Форбса

был чемодан, и указывает на то, что он, должно быть, оставил его, уходя. Понимаете? Ангус хотел представить все так, будто Форбс отвлек его внимание и засунул чемодан под кровать (а сам Ангус якобы ничего не заметил), с тем чтобы нечто содержащееся в чемодане могло впоследствии исполнить свою смертоносную задачу.

Алан задумался.

— Любопытно, — сказал он, — что позавчера я сам предложил именно такое объяснение, с Форбсом в роли убийцы. Но никто не стал даже слушать.

— И все же я повторяю, — настаивал доктор Фелл, — что, если бы не совершенно непредсказуемая случайность, Форбса сразу же заклеймили бы как убийцу.

Кэтрин прижала руки к вискам.

— Вы имеете в виду, — вскричала она, — что Элспет не заметила под кроватью никакого сундука, когда обыскивала комнату как раз перед тем, как дверь заперли?

Но к их удивлению, доктор Фелл покачал головой:

— Нет, нет, нет, нет! Это тоже, конечно, пошло не по плану. Но серьезного значения не имело. Ангус, вероятно, вообще не брал в расчет, что,

заглянув под кровать, она так или иначе что-то заметит. Нет, нет, нет! Я имею в виду само содержимое сундука.

Алан прикрыл глаза.

— Полагаю, — сказал он, с трудом сдерживаясь, — это будет слишком, если мы попросим вас просто рассказать нам уже, что было в том сундуке?

Доктор Фелл принял еще более торжественный, даже суровый вид:

— Очень скоро мы (я надеюсь) увидим Алека Форбса. Я собираюсь задать ему один вопрос. А пока прошу вас поразмышлять самостоятельно; подумайте о фактах, которые нам известны; подумайте об отраслевых журналах в комнате Ангуса; подумайте о его деятельности за последний год; и посмотрим, не сможете ли вы сами прийти к решению. На данный момент давайте вернемся к великому плану. Алек Форбс, разумеется, не имел при себе ни чемодана, ни чего-либо подобного. Сундук (уже приготовленный самим Ангусом) находился внизу, в одной из комнат на нижних этажах. Ангус выпроводил женщин в десять часов, проскользнул вниз по лестнице, достал сундук и поставил его под свою кровать, после чего снова запер дверь и задвинул засов. Полагаю, это единственное возможное объяснение

того, как сундук попал в герметично закрытую комнату.

Наконец Ангус приступил к своему дневнику. Он вписал в него примечательные слова о том, что велел Форбсу не возвращаться, а Форбс ответил, что в этом и не будет необходимости. А также и другие примечательные слова: он, так сказать, заколотил побольше гвоздей в гроб Форбса. Потом Ангус разделся, погасил свет, забрался в постель и с поистине суровой стойкостью приготовился к тому, что должно было произойти.

Теперь перейдем к событиям следующего дня. Ангус оставил свой дневник на виду, чтобы его нашла полиция. Но его находит и присваивает Элспет. Она думает, что Алек Форбс убил Ангуса. Прочитав большую часть дневника, она понимает — как Ангус и хотел, чтобы все поняли, — что́ именно убило Ангуса. У нее есть Алек Форбс, убийца. Она повесит грешника выше, чем Амана[36]. Элспет садится и пишет в «Дейли флудлайт». Уже после того, как письмо было отправлено, она вдруг заметила нестыковку. Если это сделал Форбс, то, перед тем как его вышвырнули, он

[36] Notes: 36

Аман — персонаж Ветхого Завета, задумавший истребить всех евреев Персии, но повешенный на виселице, приготовленной им для еврея Мордехая. См. Книгу Есфири.

должен был задвинуть сундук под кровать. Но Форбс не мог этого сделать! Ведь она самолично заглянула под кровать и не увидела там никакого сундука; и что самое ужасное, она уже рассказала об этом полиции.

Доктор Фелл взмахнул рукой:

— Эта женщина прожила с Ангусом Кэмпбеллом сорок лет. Она знает его как облупленного. Она видит его насквозь с той почти патологической ясностью, которую проявляет женский пол в отношении наших причуд и глупостей. Ей не потребовалось много времени, чтобы понять, где кроется подвох. Это сделал не Алек Форбс, это сделал сам Ангус. И вот… Нужно ли объяснять дальше? Подумайте о ее поведении. Подумайте, как она внезапно переменила мнение насчет сундука. Подумайте, как она искала предлог, чтобы впасть в истерику и вышвырнуть из дома газетчика, которого сама же и призвала. Подумайте прежде всего о ее положении. Если она скажет правду, то потеряет все до последнего пенни. С другой стороны, если она обвинит Алека Форбса, то ввергнет свою душу в геенну огненную на вечные времена. Подумайте об этом, дети мои, и не относитесь слишком сурово к Элспет Кэмпбелл, когда она порой теряет самообладание.

Образ той, кого Кэтрин назвала вздорной, выжившей из ума старухой, претерпел в их сознании любопытную трансформацию.

Воскрешая в памяти ее взгляды, слова и жесты, пытаясь разглядеть истинное «я», скрытое под черной тафтой, Алан почувствовал, что теперь он кардинально иначе воспринимает ее — как в чувствах, так и в мыслях.

— И что же дальше? — спросил он.

— Ну как же! Она отказывается принимать решение, — ответил доктор Фелл. — Она возвращает дневник в комнату в башне и предоставляет нам самим принять то решение, которое нам больше по нраву.

Автомобиль забирался все выше в горы, пейзаж вокруг становился все более суровым. Пустынные нагорья, с кое-где понатыканными уродливыми вышками противовоздушной обороны, бурели на фоне гранитных горных хребтов. Небо затягивало облаками, а влажный бриз дул им в лицо.

— Итак, согласны ли вы с тем, — подытожил доктор Фелл после паузы, — что это единственное объяснение, которое увязывает все факты?

— Тогда, если мы не ищем убийцу…

— О милостивый государь! — возмутился доктор Фелл. — Мы таки ищем убийцу!

Они резко обернулись к нему.

— Задайтесь и другими вопросами, — сказал доктор Фелл. — Кто и зачем выдавал себя за призрачного горца? Кто и зачем желал смерти Колина Кэмпбелла? Напоминаю: если бы не счастливый случай, Колин был бы сейчас мертвее мертвого.

Размышляя и жуя мундштук своей погасшей трубки, он шевельнул рукой так, словно пытался ухватить нечто ускользающее от него.

— Портреты, — добавил он, — иногда наводят на необычные мысли.

И тут доктор Фелл, кажется, наконец осознал, что все это время распинался в присутствии постороннего. Он поймал в водительском зеркале взгляд угрюмого коренастого шофера, который на протяжении многих миль не проронил ни слова. Доктор хмыкнул и фыркнул, смахнув с плаща пепел. Словно очнувшись от путаного сна, он огляделся:

— Хмф. Ха. Да. Итак. Когда мы приедем в Гленко?

— Это и есть Гленко, — пробурчал водитель, практически не разжимая губ.

Все встрепенулись.

Вот они, дикие горы, подумал Алан. Именно такими он их всегда и представлял. Единствен-

ное определение этого места, которое приходило на ум, было «Богом забытое» — и не в качестве метафоры, а совершенно буквально.

К удивлению Алана, долина реки Ко была невероятной длины и ширины — он всегда представлял ее тесной и узкой. Через долину стрелой пролегала черная дорога. По обе стороны высились горные хребты, гранитно-серые и тускло-фиолетовые, гладкие — словно отполированные. Они казались не просто угрюмыми, а даже враждебными, в них не было ни грана тепла, словно сама мать-природа здесь давно иссохла.

Ручейки, извивавшиеся по склону горы, были так далеко, что нельзя было даже сказать с уверенностью, движется ли вода, и только посверкивание на солнце внушало эту уверенность. Полнейшая тишина подчеркивала мрачность и безлюдность долины. Иногда на глаза попадались крошечные беленые коттеджи, с виду необитаемые.

Доктор Фелл указал на один из них.

— Мы ищем, — сказал он, — коттедж по левую сторону дороги, на склоне, среди елей, сразу за водопадом Ко. Вы, случайно, не знаете, где это?

Водитель некоторое время помолчал, а потом

ответил, что, кажется, знает, о чем идет речь.

— Уже недалеко, — добавил он. — Будем у водопада с минуту на минуту.

После нескончаемо долгого прямого участка дорога пошла вверх, огибая пологий склон холма. Гулкий, грохочущий рев водопада сотрясал сырой воздух, когда они свернули на узкий проселок, не сразу заметный за скалой по правую руку.

Проехав немного по этой дороге, шофер остановил машину, откинулся на спинку сиденья и, не говоря ни слова, указал рукой в нужном направлении.

Они выбрались из машины, было ветрено, небо хмурилось. Все еще слышался грохот водопада. Они скользили по склону, поддерживая доктора Фелла под руки. Не без труда помогли ему перебраться через ручей, русло которого было вымощено гладким сланцем; они словно спускались в самые недра земли.

Коттедж из грязного беленого камня с соломенной крышей, такой крошечный, что в нем, по всей видимости, была всего одна комната, стоял за ручьем. Дверь была закрыта. Из трубы не поднимался дым. Далеко за ним возвышались горы, светло-фиолетовые и, как ни странно, розоватые.

Все вокруг было неподвижно — кроме какой-то

дворняги.

Пес заметил их, начал бегать кругами, потом бросился к коттеджу и принялся скрестись в закрытую дверь. Тонкий царапающий звук, слышный даже на фоне отдаленного рокота водопада, ложился, как печать на сердце, печать одиночества и депрессии в этом проклятом Гленко.

Пес сел на задние лапы и завыл.

— Тихо-тихо, старина, все в порядке! — произнес доктор Фелл.

Этот ободряющий голос, похоже, подействовал на животное. Пес снова начал яростно скрестись в дверь, а затем подбежал к доктору Феллу и закружился вокруг него, подпрыгивая и теребя его плащ. Страх в глазах дворняги напугал Алана.

Доктор Фелл постучал в дверь, но ответа не последовало. Он подергал ручку, но что-то удерживало дверь изнутри. Окон на фасаде коттеджа не было.

— Мистер Форбс! — громогласно позвал он. — Мистер Форбс!

Мелкие кремнистые камушки заскрежетали у них под ногами. Домик был почти квадратной формы. Бормоча что-то себе под нос, доктор Фелл неуклюже побрел за угол дома, Алан последовал

за ним.

Здесь они обнаружили маленькое окошко. Оно было затянуто ржавой металлической решеткой, похожей на сетку из толстой проволоки. За ней виднелась приоткрытая створка с грязным оконным стеклом, подвешенная на петли, как дверца.

Сложив ладони козырьком, они прижались к решетке в попытке что-нибудь разглядеть внутри. Из комнаты тянуло спертым воздухом с примесью отвратительных запахов — скисшего виски, керосина и сардин из консервной банки. Постепенно, по мере того как их глаза привыкали к сумраку, проступили очертания предметов.

Стол, заваленный грязной посудой, был сдвинут в сторону. В центре потолка был закреплен прочный железный крюк — вероятно, для лампы. И тут Алан рассмотрел, что именно подвешено на этом крюке и плавно покачивается каждый раз, когда собака бьет лапой в дверь.

Руки его обессиленно повисли вдоль тела. Он отвернулся от окна и, опираясь о стену, чтобы удержаться на ногах, обошел коттедж сбоку и вышел к фасаду, где ждала Кэтрин.

— Что там? — Алан услышал ее голос будто издалека, хотя она едва ли не кричала. — Что

случилось?

— Вам лучше уйти отсюда, — сказал он.

— Что там?

Вслед за Аланом из-за угла вышел доктор Фелл, лицо его было куда как менее румяным, чем обычно.

Прежде чем заговорить, доктор тяжело и хрипло отдышался.

— Это довольно хлипкая дверь, — сказал он, указывая тростью. — Вы сможете ее выбить. Я думаю, придется это сделать.

С внутренней стороны двери был маленький новый тугой засов. Алан выбил скобу из дерева тремя свирепыми ударами, в которые он вложил все свои силы и весь свой характер.

Хотя он не слишком стремился зайти, все же внутри оказалось не так страшно, как при первом взгляде через окно, поскольку лицо покойника было отвернуто от них. Запах еды, виски и керосина был невыносимым.

Покойник был одет в длиннополый грязный халат. Плетеный пояс одним концом был завязан в петлю, а другим — крепко привязан к крюку в потолке. Пятки повешенного покачивались на высоте примерно два фута от пола. Пустой бочонок — очевидно, из-под виски — откатился

в сторону.

Мимо них, неистово скуля, пронеслась дворняга, закружилась вокруг покойника, отчаянно пытаясь запрыгнуть на него.

Доктор Фелл осмотрел сломанный засов. Взглянул на решетчатое окно. В этой дурно пахнущей комнате голос его прозвучал мрачно.

— О да, — сказал он. — Еще одно самоубийство.

Глава пятнадцатая

— Полагаю, — пробормотал Алан, — это и есть Алек Форбс?

Доктор Фелл указал своей тростью на походную кровать, придвинутую к стене. На ней лежал открытый чемодан, полный грязного белья с инициалами «А. Г. Ф.». Затем он обошел повешенного, чтобы рассмотреть лицо. Алан не последовал за ним.

— Описание тоже подходит. На лице недельная борода. А на сердце, по всей вероятности, десятилетняя депрессия.

Доктор Фелл двинулся к двери, чтобы не дать Кэтрин войти. Она стояла за порогом, побледневшая, под пасмурным небом.

— Где-то здесь должен быть телефон. Если я верно помню карту, то в миле или двух отсюда есть деревня с гостиницей. Свяжитесь с инспектором Дональдсоном из полицейского участка в Дануне и скажите ему, что мистер Форбс повесился. Сможете это сделать?

Кэтрин быстро, но неуверенно кивнула.

— Он ведь покончил с собой, правда? — спро-

сила она едва слышным голосом. — Это же не… что-то другое?

Доктор Фелл ничего на это не ответил. Кэтрин, еще раз быстро кивнув, развернулась и направилась к машине.

Хижина была площадью около дюжины футов, с толстыми стенами, примитивным камином и каменным полом. Здесь никто не жил, и, очевидно, Форбс использовал коттедж как своеобразное убежище. Всю обстановку составляли походная кровать, стол, два кухонных стула, умывальник с миской и кувшином и шкаф с заплесневевшими книгами.

Дворняга уже перестала неистово скулить, за что Алан был ей благодарен. Пес улегся рядом с повешенным так, чтобы глядеть с обожанием на его изменившееся лицо, и время от времени вздрагивал.

— У меня тот же вопрос, что и у Кэтрин, — сказал Алан. — Это самоубийство или нет?

Доктор Фелл шагнул вперед и коснулся руки Форбса. Пес напрягся. От угрожающего рычания, зародившегося где-то в горле, все его тело начало сотрясаться.

— Тихо, мальчик! — сказал доктор Фелл. — Тихо!

Он отступил назад, достал часы и уставился на них. Кряхтя и что-то бормоча, прохромал к столу, на краю которого стояла керосиновая лампа с крюком и цепочкой. Кончиками пальцев доктор Фелл подхватил и потряс лампу. Там же рядом он увидел и жестянку с керосином.

— Пусто, — сказал он. — Керосин выгорел, но лампой явно пользовались. — Он указал на тело. — Окоченение не полное. Смерть, несомненно, наступила ранним утром: возможно, в два или три часа. Час самоубийств. И посмотрите сюда. — Теперь он указал на плетеный пояс на шее мертвеца. — Любопытно, — продолжал он, нахмурившись. — Настоящий самоубийца неизменно принимает самые тщательные меры, чтобы оградить себя от малейшего дискомфорта. Например, если вздумает повеситься, то никогда не возьмет проволоку или цепь — они ведь могут оцарапать или как-то поранить шею. Если выберет веревку, то подложит что-нибудь, чтобы она не натирала. Посмотрите! Алек Форбс воспользовался мягкой веревкой, да еще и носовые платки подсунул. Подлинный признак самоубийства или…

— Или что?

— Настоящего гения убийства, — сказал доктор Фелл.

Он наклонился, чтобы осмотреть пустой бочонок из-под виски. Подошел к единственному окну. Просунув палец сквозь сетку решетки, потряс ее и убедился, что она надежно приколочена. Оживленно и даже суетливо вернувшись к двери, он внимательнейшим образом изучил дверной засов, не прикасаясь к нему.

Затем доктор Фелл обвел взглядом комнату и топнул ногой. Его голос звучал гулко, как ветер в подземном туннеле.

— Вот черт! — воскликнул он. — Это*действительно* самоубийство. Должно быть самоубийство. Высота бочонка как раз такая, чтобы он мог с него соскочить, и бочонок откатился как раз на то расстояние, на какое и должен был. Никто не смог бы ни проникнуть в дом, ни покинуть его через зарешеченное окно или прочно запертую дверь.

Он посмотрел на Алана с некоторым беспокойством:

— Видите ли, что греха таить, я кое-что знаю о всяких хитростях с дверьми и окнами. Можно сказать, что такие вопросы меня… хм… в некотором роде преследуют.

— Я слышал об этом.

— Но я не могу, — продолжал доктор Фелл,

сдвигая шляпу, — не могу придумать, как можно сплутовать с засовом, если нет замочной скважины и если дверь так плотно прилегает, что ее нижний край скребет пол. Как вот эта. — Он показал на вход. — И я не могу придумать, как сплутовать с окном, если оно закрыто стальной сеткой, прибитой изнутри. Опять же как вот эта. Разве что Алек Форбс… Опа!

Возле камина, как бы срезая угол комнаты, стоял книжный шкаф. Доктор Фелл обратил на него внимание, когда, осматривая камин, к своему неудовольствию, понял, что дымоход слишком узок и забит сажей, чтобы через него мог проникнуть человек. Отряхнув пыль с пальцев, он повернулся к книжному шкафу.

На верхней полке поверх книг стояла портативная печатная машинка, на ней не было чехла, а из каретки торчал лист бумаги. На нем бледно-голубым шрифтом было напечатано несколько слов.

«Тому подлецу, что обнаружит:

Я убил Ангуса и Колина Кэмпбеллов той самой дрянью, с которой они меня облапошили. Как вам такое?»

— Видите, — сердито сказал доктор Фелл, — даже предсмертная записка. Последний штрих. Мазок мастера. Повторяю, сэр: это*должно* быть

самоубийство. И все же — если это так, то мне самое место в Бедламе.

От всего этого — застоявшегося запаха, мертвеца с потемневшим лицом, тоскующего пса — у Алана Кэмпбелла начало сводить живот. Он почувствовал, что больше не может это выносить. И все же он продолжал упорствовать.

— Я не понимаю почему, — заявил он. — В конце концов, доктор, разве вы не можете признать, что могли ошибиться?

— Ошибиться?

— Насчет того, что смерть Ангуса была самоубийством. — Уверенность, железная уверенность, укоренилась в мозгу Алана Кэмпбелла. — Форбс*действительно* убил Ангуса и пытался убить Колина. Все говорит об этом. Никто не мог войти в эту комнату или выйти из нее, как вы и сами подтверждаете; а признание Форбса окончательно подводит черту. Он варился тут в своих мыслях, пока у него не съехала крыша; я уверен, что в этих краях и у меня бы она съехала, ну, или я бы ударился в религию. Он избавился от обоих братьев, по крайней мере думал, что избавился. Когда дело было сделано, он покончил с собой. Вот доказательства. Что вам еще нужно?

— Истина, — упрямо проговорил доктор Фелл.

— Я старомоден. Мне нужна истина.

Алан замялся.

— Я тоже старомоден. И кажется, припоминаю, — ответил он, — что вы приехали на север с явной целью помочь Колину. Поможет ли Колину или тетушке Элспет, если детектив, которого они наняли, чтобы доказать, что Ангус был убит, станет доказывать, что это было самоубийство, — даже после того, как мы получили признание Алека Форбса?

Доктор Фелл моргнул.

— Милостивый государь, — с болезненным изумлением произнес он, поправил пенсне и уставился на Алана, — уж не вообразили ли вы, что я собираюсь доверить полиции хоть какие-то свои соображения?

— Разве не в этом смысл?

Доктор Фелл огляделся, чтобы убедиться, что их не подслушивают.

— Мое резюме, — признался он, — мягко выражаясь, небезупречно. Уфф. Несколько раз я сбивал полицию с толку, манипулируя уликами так, что предполагаемого убийцу приходилось отпускать на свободу. А несколько лет назад я превзошел самого себя тем, что поджег дом. Моя нынешняя цель (строго между нами) — нагреть

страховые компании так, чтобы Колин Кэмпбелл мог до конца жизни наслаждаться хорошими сигарами и огненной водой…

— Что?

Доктор Фелл с тревогой посмотрел на него:

— Это вас шокирует? Ай-ай-ай! Серьезно, я так и собираюсь поступить. Но черт возьми! — Он развел руками. — Для себя лично я намерен установить истину.

Он снова повернулся к книжному шкафу. Все так же не касаясь, осмотрел печатную машинку. На полке под ней поверх книг лежали верша и несколько мушек для ловли лосося. Еще одной полкой ниже обнаружились гаечный ключ для велосипеда, велосипедный фонарь и отвертка.

Доктор Фелл окинул книги профессиональным взглядом. Здесь были труды по физике и химии, дизельным двигателям, технологии строительных работ, астрономии. Были каталоги и отраслевые журналы. Был словарь, шеститомная энциклопедия и (что удивительно) две-три книжки Дж. А. Генти для мальчиков. Эти последние доктор Фелл рассмотрел с некоторым интересом.

— Ого! — сказал он. — Интересно, читает ли хоть кто-нибудь Генти в наши дни? Знали бы, что теряют, так извлекли бы из небытия. Я с гордо-

стью могу сказать, что до сих пор с удовольствием почитываю его. Кто бы мог предположить, что у Алека Форбса романтический склад души? — Он почесал нос. — И все же…

— Послушайте, — напирал Алан. — Почему вы так уверены, что это не самоубийство?

— У меня есть теория. И мое ослиное упрямство, если вам так больше нравится.

— И по вашей теории по-прежнему выходит, что Ангус совершил самоубийство?

— Да.

— А Форбс был убит?

— Именно так.

Доктор Фелл вернулся в центр комнаты. Он окинул взглядом неубранную походную кровать и чемодан на ней. Заметил под кроватью пару резиновых сапог.

— Приятель, я не верю этой предсмертной записке. Ни на йоту не верю. И у меня есть веские причины на это. Выйдем отсюда. Подышим чистым воздухом.

Алан с радостью согласился. Пес проводил их диким, ошалелым взглядом, потом снова опустил морду на лапы, зарычал и с невыразимым терпением устроился под ногами повешенного.

Вдалеке слышался шум водопада. Алан вдохнул

прохладный влажный воздух и почувствовал, как его пробирает дрожь. Доктор Фелл, похожий в своем плаще на огромного головореза, оперся обеими руками на трость.

— Кто бы ни написал эту записку, — продолжал он, — будь то Алек Форбс или кто другой, он знал о трюке, который привел к смерти Ангуса Кэмпбелла. Это первый факт, на который следует обратить внимание. Ну! Вы уже догадались, что это был за трюк?

— Нет, не догадался.

— Даже после того, как увидели предполагаемую предсмертную записку? О боже! Подумайте!

— Вы можете сколько угодно просить меня подумать. Может, я туповат; если хотите знать, я все еще не понимаю, что заставляет людей вскакивать с постели посреди ночи и прыгать из окон навстречу неминуемой смерти.

— Что ж, — продолжил доктор Фелл, — начнем с того, что в дневнике Ангуса описана вся его деятельность за последний год — как это и бывает с дневниками. Так чем же, во имя Сатаны, был занят Ангус в течение последнего года?

— Ввязывался в различные рискованные предприятия, пытаясь заработать денег.

— Верно. Но насколько помню, только в одно

предприятие был вовлечен Алек Форбс, так?

— Да.

— Хорошо. Что это было за предприятие?

— Замысел был в том, чтобы производить особое мороженое, раскрашенное под шотландку. По крайней мере, Колин так рассказывал.

— А каким охлаждающим веществом, — спросил доктор Фелл, — они пользовались в больших количествах при изготовлении мороженого? Колин нам это тоже рассказывал.

— Он сказал, что они использовали искусственный лед, который он описал как «химическую дорогущую бурд…»

Алан резко умолк.

Полузабытые воспоминания нахлынули на него. Потрясенный, он вспомнил свою школьную лабораторию и слова, произносимые с кафедры. Слабое эхо этих слов донеслось до него сейчас.

— А знаете ли вы, — поинтересовался доктор Фелл, — что на самом деле представляет собой этот искусственный или, другими словами, сухой лед?

— На вид это беловатое вещество, похожее на настоящий лед, только непрозрачное. Это…

— Если быть точным, — сказал доктор Фелл, — это не что иное, как сжиженный газ. А знаете ли

вы, как называется тот самый газ, который можно сначала превратить в твердый «снежный» блок, а потом резать, обрабатывать и перемещать? Как называется этот газ?

— Двуокись углерода, — ответил Алан.

Туман в голове еще не рассеялся, но внезапно, словно со щелчком, поднялись шоры, и он прозрел.

— А теперь предположим, — продолжил рассуждать доктор Фелл, — что вы извлекли блок этого вещества из герметичного баллона. Достаточно крупный блок, такой, чтобы заполнил, скажем, большой чемодан — или что-то вроде сундука, открытого с одной стороны — для лучшего доступа воздуха. Что тогда произойдет?

— Лед медленно растает.

— И при таянии, конечно же, он наполнит комнату… чем?

— Углекислым газом! — Алан обнаружил, что чуть ли не кричит. — Одним из самых смертоносных и быстродействующих газов!

— Предположим, что вы поместили контейнер с искусственным льдом под кровать в комнате, в которой на ночь всегда закрывают окно. Что тогда произойдет? С вашего позволения, я прекращу это сократический диалог и расскажу вам

сам. Вы таким образом установите одну из самых убийственных ловушек, которые когда-либо были придуманы. Произойдет одно из двух. Либо жертва во сне или дреме вдохнет этот концентрированный газ, когда он наполнит комнату, и умрет в своей постели. Либо жертва учует слабый едкий запах, когда газ пойдет в легкие, — но долго дышать им не получится, имейте в виду. Как только эта дрянь подействует, даже самый сильный человек начнет шататься и валиться с ног. Ему захочется воздуха — воздуха любой ценой. Преодолевая себя, он вылезет из кровати и попытается добраться до окна. Он может вообще не справиться. А если и доберется, то будет так слаб, что, вполне вероятно, не устоит на ногах. А если окно большое, если его нижний край где-то на уровне коленей, если оно состоит из двух створок, открывающихся наружу, — что будет, когда он упадет на них…

Доктор Фелл стремительным жестом развел руки в стороны.

Алан почти видел, как спотыкающееся громоздкое тело в ночной рубашке вываливается из окна и летит вниз.

— Конечно, искусственный лед растает и не оставит никаких следов в сундуке. А с учетом

того, что окно теперь открыто, газ улетучится полностью. Надеюсь, теперь вы осознаете, почему план самоубийства Ангуса был так безупречен? Кто, кроме Алека Форбса, стал бы использовать искусственный лед, чтобы убить своего партнера по предприятию? Ангус, как я понимаю, не собирался прыгать или падать из окна. Нет, нет, нет! Он надеялся, что его найдут мертвым в постели, отравившимся углекислым газом. Будет проведено вскрытие. Следы газа найдут в его крови, это ясно как день. Дневник будет прочитан и верно истолкован. Все обстоятельства против Алека Форбса будут припомнены — примерно в том же ключе, как я изложил их вам только что. И деньги по страховке выплатят так же несомненно, как то, что завтра взойдет солнце.

Алан, таращась на ручей, кивнул:

— Но в последний момент, я полагаю…

— В последний момент, — согласился доктор Фелл, — как и многие самоубийцы, Ангус не смог довести дело до конца. Ему нужен был воздух. Он почувствовал, что теряет сознание. В панике он кинулся к окну. И вот здесь, мой мальчик, и кроется тот самый шанс — один на миллион, о котором я говорил. Вероятность того, что либо (а) газ тихо убьет его, либо (б) он мгновенно умрет,

упав с большой высоты лицом вниз, была миллион к одному. Но ни того ни другого не произошло. Он получил смертельные травмы, но не умер сразу. Помните?

— Да, — снова кивнул Алан. — Мы уже несколько раз упоминали об этом.

— Перед смертью его легкие и кровь освободились от газа. Поэтому никаких следов и не было обнаружено при вскрытии. Если бы он умер сразу или по крайней мере вскоре после падения, то следы были бы. Но их не было. Так что у нас получился всего лишь бессмысленный демарш пожилого джентльмена, который вскочил с кровати и выбросился из окна.

Голос доктора Фелла звучал все более запальчиво. Он с силой стукнул тростью по земле.

— Так что говорю вам… — начал он.

— Постойте! — воскликнул Алан, внезапно кое-что вспомнив.

— Да?

— Вчера вечером, когда я поднялся в башню за Колином, я нагнулся и попробовал заглянуть под дверь. Когда я выпрямился, то почувствовал головокружение. Более того, меня шатало, пока я спускался по лестнице. Я тоже вдохнул эту дрянь?

— Конечно. Комната была полна газа. К счастью для вас, вы вдохнули совсем немного. Это подводит нас к последнему пункту. Ангус тщательно записал в своем дневнике, что в комнате «стоит странный кисловатый запах». На первый взгляд это чушь. Если бы он уже начал замечать присутствие газа, то не смог бы закончить с дневником и лечь спать. Нет, это был всего лишь еще один художественный штрих, добавленный для того, чтобы Алека Форбса точно повесили.

— И неверно истолкованный мной, — посетовал Алан. — Я все думал о каких-то животных!

— Но теперь вы видите, к чему это все ведет?

— Нет, не вижу. К тому, чтобы застрять в тупике, конечно; но, кроме этого…

— Единственное возможное объяснение всех вышеизложенных фактов, — настаивал доктор Фелл, — это что Ангус покончил с собой. Если Ангус покончил с собой, значит Алек Форбс его не убивал. А если Алек Форбс его не убивал, то у Алека не было причин заявлять, что он это сделал. Следовательно, предсмертная записка — подделка. До сих пор, как видите, у нас было самоубийство, которое все считали убийством. Теперь у нас есть убийство, которое все примут за самоубийство. Мы ходим-бродим, собираем

улики, а в итоге все дороги ведут в сумасшедший дом! Не могли бы вы, случайно, подкинуть мне какую-нибудь идею?

Глава шестнадцатая

— Никаких идей, — покачал головой Алан. — Я так полагаю, «еще кое-что» у Колина, что весьма обеспокоило доктора Гранта, — это отравление углекислым газом?

Доктор Фелл хмыкнул в знак согласия. Опять выудив свою пенковую трубку, он набил ее и раскурил.

— И это, — изрек он между затяжками, как какой-нибудь дух вулкана, — возвращает нас к нашим проблемам. Обвинять Ангуса мы не можем. Сам собой смертельный сундук наполниться искусственным льдом тоже не мог. Кто-то — кто знал, что Колин будет там ночевать, — снова подготовил ловушку с сундуком, уже так удачно оставленным под кроватью. Кто-то, кто был в курсе всех передвижений Колина, смог пробраться туда раньше его. Колин был пьян и не стал бы проверять сундук. Жизнь ему спасло лишь то, что он спал с открытым окном и проснулся вовремя. Вопрос: кто и почему это сделал? И последний вопрос: кто, как и почему убил Алека Форбса?

Алан продолжал недоверчиво качать головой.

— Вы все еще сомневаетесь в том, что смерть Форбса — убийство, приятель?

— Честно говоря, да. Я все еще не понимаю, почему Форбс не мог убить тех двоих или думать, что убил, а потом покончить с собой.

— Логика? Или принимаете желаемое за действительное?

— Немного того и другого, возможно, — постарался честно ответить Алан. — Помимо денежного вопроса, мне не хочется думать, что Ангус был настолько бессовестной свиньей, что пытался отправить на виселицу невиновного человека.

— Ангус, — ответил доктор Фелл, — не был ни бессовестной свиньей, ни честным христианином. Он был реалистом, который не придумал другого способа обеспечить тех, кто был ему дорог. Я его не защищаю. Но можете ли вы откровенно сказать, что не понимаете его?

— Не в этом дело. Я не могу понять, зачем он снял с окна затемнение, если уж хотел задохнуться наверняка…

Алан умолк, потрясенный выражением крайнего изумления, граничащего с идиотством, на лице доктора Фелла — перемена была внезапной и примечательной. Доктор Фелл уставился на него, глаза его чуть не вылезли из орбит, а трубка

едва не выпала изо рта.

— О господи! О Бахус! О моя старая шляпа! — выдохнул он. — Затемнение!

— Что такое?

— Первая ошибка убийцы, — заявил доктор Фелл. — Пойдемте.

Он суетливо развернулся и поковылял обратно в хижину. Алан последовал за ним с неохотой. Доктор Фелл начал торопливо обыскивать комнату. Обнаружив на полу возле кровати кусок толя, прибитый к легкой деревянной раме, он издал торжествующий возглас. Они приладили раму к окну: подошла тютелька в тютельку.

— Мы сами можем свидетельствовать, — продолжал он с необычайной горячностью, — что, когда мы прибыли сюда, на этом окне не было никакого затемнения. Так?

— Верно.

— При этом лампа, — он указал на нее, — очевидно, горела долгое время, далеко за полночь. Мы и сейчас чувствуем сильный запах керосина, так?

— Да.

Доктор Фелл устремил взгляд куда-то в пустоту.

— Каждый дюйм этого района всю ночь патру-

лируется отрядами местной обороны. Керосиновая лампа дает яркий свет. Когда мы приехали, на этом окне не было даже занавески, не говоря уже о затемнении. Как же так получилось, что никто не заметил света?

Повисла пауза.

— Может быть, они просто не увидели его.

— Дружище! Если бы на этих холмах мелькнул хоть один проблеск, то отряды местной обороны были бы подняты на ноги на многие мили вокруг. Нет, нет, нет! Не годится.

— Ну, может быть, Форбс, перед тем как повеситься, погасил лампу и снял затемнение. Окно открыто, как мы видим. Хотя я не понимаю, зачем он это сделал.

Доктор Фелл снова яростно покачал головой.

— Напомню вам еще раз о привычках самоубийц. Самоубийца никогда не станет лишать себя жизни в темноте, если есть возможность сделать это на свету. Я не анализирую психологию: я просто констатирую факт. Кроме того, Форбс не смог бы в темноте все как следует приготовить. Нет, нет, нет! Это фантастика!

— Что же вы предполагаете?

Доктор Фелл прижал руки ко лбу. Некоторое время он не шевелился и тихонько сопел.

— Я предполагаю, — опустив руки, ответил он наконец, — что после того, как Форбс был убит и повешен, убийца собственноручно погасил лампу и вылил оставшийся в ней керосин, чтобы впоследствии создалось впечатление, что она догорела сама. А потом снял затемнение.

— Но зачем, черт возьми, это делать? Почему бы не оставить светомаскировку там, где она была, а лампу не бросить догорать?

— Очевидно, потому, что ему нужно было воспользоваться окном, чтобы сбежать.

Это стало последней каплей.

— Посмотрите же, — произнес Алан с невероятным терпением. Он подошел к окну. — Посмотрите на это проклятое окно! Оно закрыто стальной решеткой, решетка крепко прибита изнутри! Каким именно образом — ну хоть каким-нибудь! — убийца мог проскользнуть через него?

— Ну… понятия не имею. По крайней мере пока. И все же так оно и было.

Они стояли и глазели друг на друга.

Откуда-то издалека донеслись мужские голоса и обрывки какого-то разговора. Все поспешили к двери.

К ним приближались Чарльз Свон и Алистер Дункан. Поверенный, одетый в дождевой плащ и

котелок, выглядел еще более помертвелым, чем обычно, однако весь он словно излучал сдержанное торжество.

— Да вы просто мелкая душонка, — набросился на Алана Свон, — раз так сбежали, хотя пообещали держать меня в курсе новостей. Если бы у меня не было машины, я бы остался несолоно хлебавши!

Дункан перебил его, обратившись ко всем присутствующим и слегка поклонившись доктору Феллу. Губы его искривились в мрачной довольной усмешке.

— Джентльмены, — изрек он с видом школьного учителя. — Мы только что узнали от доктора Гранта, что Колин Кэмпбелл пострадал от воздействия углекислого газа.

— Так и есть, — согласился доктор Фелл.

— Газ, вероятно, исходил от искусственного льда, взятого из лаборатории Ангуса Кэмпбелла.

Доктор Фелл снова кивнул.

— Таким образом, — продолжал Дункан, мягко потирая руки, — остались ли еще какие-то сомнения в том, как умер Ангус? Или в том, кто отравил его газом?

— Не остались. Если вы заглянете вон в тот коттедж, — сказал доктор Фелл, кивнув в сторону

домика, — вы увидите окончательное доказательство, которое закроет ваше дело.

Дункан быстро шагнул к двери и так же быстро отступил назад. Свон, то ли более решительный, то ли менее трепетный, издал резкий возглас и вошел внутрь.

Наступило долгое молчание, пока поверенный, казалось, набирался храбрости. Кадык заметно ходил на его длинной шее, торчащей из слишком широкого воротничка. Он снял котелок и отер лоб носовым платком. Потом, надев шляпу и расправив плечи, заставил себя последовать за Своном в коттедж.

Поспешно и без всякого достоинства они ретировались, преследуемые диким урчанием, переходящим в рык. Пес красными глазами наблюдал за ними из дверного проема.

— Хороший песик, хороший! — промурлыкал Дункан настолько откровенно лицемерно, что пес снова зарычал.

— Не стоило его трогать, — сказал Свон. — Жучка, естественно, разозлилась. Мне нужен телефон. Божечки, вот это сенсация!

Дункан снова напустил на себя почтенный вид.

— Значит, это все же был Алек Форбс, — ска-

зал он.

Доктор Фелл склонил голову.

— Милостивый государь, — продолжил поверенный, он подошел к доктору Феллу и с некоторым оживлением затряс его руку, — я… мы… неизмеримо благодарны! Осмелюсь предположить, что вы догадались о том, что именно было использовано для убийства, по отраслевым журналам и счетам, которые вы позаимствовали в комнате Ангуса?

— Да.

— Не понимаю, — произнес Дункан, — почему это не было очевидно всем нам с самого начала. Хотя, конечно, газ уже выветрился к тому моменту, когда Ангуса нашли. Неудивительно, что замочки собачьей переноски были закрыты! Когда я вспоминаю, как мы нафантазировали себе змей, пауков и еще черт знает что, мне становится почти смешно. Все так необычайно просто, как только поймешь, что за этим стоит.

— Согласен, — сказал доктор Фелл. — Разрази меня гром, согласен!

— Вы… э-э… заметили предсмертную записку?

— Да.

Дункан удовлетворенно кивнул.

— Теперь страховым компаниям придется

взять свои слова назад. Не может быть и речи о том, чтобы они не заплатили всю сумму.

Дункан помедлил. Честность, очевидно, вынуждала его тревожиться по еще одному поводу.

— Однако есть одно обстоятельство, которое я не могу уяснить. Если Форбс сунул собачью переноску под кровать перед тем, как его прогнали, то как получилось, что Элспет и Кирсти — по дельному замечанию этого джентльмена, высказанному в понедельник, — он глянул на Алана, — не заметили ее, когда обыскивали комнату?

— Вы позабыли? — спросил доктор Фелл. — Она*видела* ее и потом рассказала нам об этом. Мисс Элспет Кэмпбелл свойственна поистине немецкая точность. Вы спросили ее, был ли там чемодан, и она ответила, что нет. Вот и все.

Было бы неправдой сказать, что беспокойство полностью исчезло с лица Дункана. Заметно приободрившись, он вопросительно глянул на доктора Фелла:

— Вы думаете, страховые компании примут к сведению эту поправку?

— Я уверен, что полиция примет. Так что и страховым компаниям тоже придется, нравится им это или нет.

— Очевидный случай?

— Очевидный случай.

— Я тоже так считаю. — Дункан приободрился еще больше. — Что ж, давайте покончим с этим грустным делом как можно скорее. Вы уже сообщили в полицию… об этом?

— Мисс Кэтрин Кэмпбелл отбыла с этой целью. Она вернется с минуту на минуту. Нам пришлось взломать дверь, как видите, но больше мы ничего не трогали. В конце концов, мы же не хотим, чтобы нас сочли соучастниками преступления постфактум.

Дункан рассмеялся:

— В любом случае вас вряд ли можно было бы привлечь за это. В шотландском праве нет такого понятия, как соучастник преступления постфактум.

— Неужели? — рассеянно поинтересовался доктор Фелл. Он вынул трубку изо рта и неожиданно резко спросил: — Мистер Дункан, вы были знакомы с Робертом Кэмпбеллом?

Его слова прозвучали настолько интригующе, что все обернулись к нему. В наступившей тишине отдаленный рокот водопада Ко показался неожиданно громким.

— Робертом? — повторил Дункан. — Третьим братом?

— Да.

На лице поверенного промелькнуло выражение брезгливого отвращения.

— В самом деле, сэр, ворошить старые сплетни…

— Вы были знакомы с ним? — настаивал доктор Фелл.

— Был.

— Что вы можете о нем рассказать? Все, что я пока узнал, — это что у него были неприятности и ему пришлось покинуть страну. Но что он натворил? Куда уехал? И главное, каким он был человеком?

Дункан нехотя задумался.

— Я знал его в молодости. — Он бросил быстрый взгляд на доктора Фелла. — Скажу так: Роберт был самым умным и башковитым в семье. Но ему досталась и капля дурной крови, что, к счастью, миновало и Ангуса, и Колина. У него были неприятности в банке, где он работал. Потом случилась эта драка со стрельбой из-за барменши. Где он в настоящее время, я не знаю. Вроде бы уехал за границу — в колонии или в Америку, не знаю куда, он тайно сел на корабль в Глазго. Вы уверены, что это сейчас имеет хоть какое-то значение?

— Нет. Смею предположить, что не имеет.

Его внимание отвлекла Кэтрин Кэмпбелл: она спустилась к берегу, пересекла ручей и направилась к ним.

— Я связалась с полицией, — задыхаясь, доложила она, бросив резкий взгляд на Дункана и Свона. — В двух милях отсюда, в деревне Гленко, есть гостиница «Гленко». Номер телефона: Бэллачулиш — через две «л» — четыре-пять.

— Вы дозвонились до инспектора Дональдсона?

— Да. По его словам, он всегда подозревал, что Алек Форбс кончит как-нибудь так. Говорит, нам нет нужды ждать здесь, если мы не хотим. — Ее взгляд метнулся в сторону коттеджа, и она поежилась. — Пожалуйста. Разве мы обязаны быть здесь? Не могли бы мы отправиться в гостиницу и перекусить? Я это предлагаю, потому что хозяйка хорошо знала мистера Форбса.

Доктор Фелл проявил интерес:

— В самом деле?

— Да. Она говорит, он был выдающимся велосипедистом. Говорит, он мог преодолевать невероятные расстояния с невероятной скоростью независимо от того, насколько был пьян.

Дункан издал тихий возглас. Сделав многозначительный жест остальным, он отправился за

угол коттеджа, и все инстинктивно последовали за ним. За коттеджем находилась пристройка, к ней был прислонен гоночный велосипед, оборудованный сзади багажной сеткой. Дункан указал на него:

— Последнее звено, джентльмены. Это объясняет, как Форбс мог добираться отсюда до Инверэри и обратно, когда бы ему ни вздумалось. Ваш информатор рассказал что-нибудь еще, мисс Кэмпбелл?

— Не слишком много. Она сказала, что он приезжал сюда пить, рыбачить, придумывать, как сделать вечный двигатель, и все такое прочее. Она сказала, что в последний раз видела его вчера в баре отеля. Его пришлось чуть ли не вышвыривать после закрытия. Говорит, что он был плохим человеком, ненавидел все и всех — кроме животных.

Доктор Фелл медленно прошел вперед и водрузил руку на руль велосипеда. Алан с тревогой заметил, что на его лице снова появилось то выражение крайнего изумления, граничащее с идиотством, которое он уже замечал чуть ранее. Но на этот раз изумление было как будто более всеохватным и напряженным.

— Господь всемогущий! — прогремел док-

тор Фелл, резко развернувшись, как будто его пронзило электрическим током. — Какой же я простофиля! Какой примечательный осел! Какой невообразимый остолоп!

— Не будучи согласен со взглядами, которые вы высказываете, — заметил Дункан, — могу ли я поинтересоваться, почему вы так выражаетесь?

Доктор Фелл обратился к Кэтрин.

— Вы совершенно правы, — серьезно сказал он после некоторого раздумья. — Мы должны отправиться в тот отель. Не только для того, чтобы заморить червячка, хотя я, признаться, проголодался. Но главным образом я хочу воспользоваться телефоном. Я до крайней степени хочу воспользоваться телефоном. Конечно, шансов — один на миллион, но шанс один на миллион уже случался в этой истории, и, может, выгорит снова.

— Какой такой шанс один на миллион? — спросил Дункан не без раздражения. — Кому вы хотите позвонить?

— Здешнему командиру отряда местной обороны, — ответил доктор Фелл и тяжело побрел вокруг коттеджа, навстречу ветру, вздымавшему полы его плаща.

Глава семнадцатая

— Алан, — спросила Кэтрин, — Алек Форбс ведь на самом деле не покончил с собой?

Был поздний вечер, шел дождь. Сидя в гостиной Ширы, они придвинули кресла к камину, в котором весело трещали поленья.

Алан перелистывал страницы семейного альбома с позолоченным обрезом, в толстой мягкой обложке. Некоторое время Кэтрин молча глядела в огонь, поставив локоть на подлокотник кресла и подперев голову. Она задала вопрос ни с того ни с сего, как обычно — без обиняков.

Он не поднял глаз.

— Почему, — сказал он, — фотографии, сделанные несколько лет назад, всегда так уморительны? Возьмите любой семейный альбом — это же со смеху лопнуть! А если так случится, что в нем будут фотографии кого-то из ваших знакомых, эффект будет еще сильнее. Почему? Дело в одежде, или в выражении лиц, или в чем? Мы ведь не были такими уж смешными, не правда ли?

Продолжая игнорировать вопрос Кэтрин, он перевернул пару страниц.

— Женщины, как правило, получаются лучше, чем мужчины. Вот один из снимков Колина в молодости, он выглядит так, будто принял на грудь кварту «Погибели Кэмпбеллов», прежде чем предстать перед фотографом. Тетушка Элспет, наоборот, была действительно привлекательной женщиной. Брюнетка с дерзким взглядом, есть в ней что-то от миссис Сиддонс[37]. Вот она в мужском костюме горца: шляпа, перо, плед и все такое.

— Алан Кэмпбелл!

— Ангус, в свою очередь, всегда пытался выглядеть настолько величавым и глубокомысленным, что…

— Алан, дорогой.

Он резко выпрямился. В окна барабанил дождь.

— Как вы сказали? — не без удивления спросил он.

— Это была всего лишь фигура речи. — Она подняла подбородок. — Или, по крайней мере… Ну, в общем, мне нужно было как-то привлечь ваше внимание. Алек Форбс ведь на самом деле не покончил с собой, верно?

---

[37] Notes: 37

Сара Сиддонс (1755–1831) — одна из самых известных трагикомедийных актрис XVIII в. валлийского происхождения.

— Почему вы так думаете?

— Да по вам видно, — ответила Кэтрин; и у него возникло неприятное чувство, что ей всегда будет по нему все видно и в будущем это может серьезно усложнить его жизнь.

— Кроме того, — продолжила она, понизив голос и оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что их не подслушивают, — с чего бы ему? Бедного Колина пытался убить точно не он.

Алан с неохотой закрыл альбом.

Воспоминания об этом дне потянулись чередой: и ужин в гостинице «Гленко», и Алистер Дункан, который бесконечно возвращался к тому, как Алек Форбс совершил свои преступления, а потом повесился, и доктор Фелл, который все это время помалкивал, и Кэтрин, пребывавшая в глубокой задумчивости, и, наконец, Свон, который отослал в «Дейли флудлайт» статью — настоящий перл, по его словам.

— А почему, по-вашему, — спросил Алан, — Форбс не мог совершить покушение на Колина?

— Да потому, что он не мог знать, что Колин ночует в комнате в башне.

«Черт! Так, значит, она сообразила!»

— Разве вы не слышали, что рассказывала хозяйка гостиницы? — настаивала Кэтрин. — Форбс

вчера просидел в баре отеля до самого закрытия. А ведь Колин еще ранним вечером дал великий обет спать в башне. Как, скажите на милость, Форбс мог узнать об этом? Это было спонтанное решение, Колин принял его с бухты-барахты, и о нем не могли знать за пределами дома.

Алан заколебался.

Кэтрин понизила голос еще больше.

— О, я не собираюсь предавать это огласке! Алан, я знаю, что думает доктор Фелл. Он же сам сказал нам по дороге к машине, что Ангус покончил с собой. Это ужасно, и все же я в это верю. Особенно теперь, когда мы узнали про искусственный лед. — Она поежилась. — По крайней мере, мы точно знаем, что это не что-то сверхъестественное. Пока мы рассуждали о змеях, пауках, привидениях и всякой дребедени, у меня, признаться, кровь стыла в жилах. А это была всего лишь глыба сухого льда!

— Большинство ужасов именно таковы.

— Правда? А кто же тогда изображал призрака? И кто убил Форбса?

Алан задумался.

— Если Форбс действительно был убит, — сказал он, впервые отчасти признавая это, — то мотив понятен. Нужно было доказать, что смерть

Ангуса — все-таки убийство, а на Колина было совершено покушение; свалить вину за оба преступления на Форбса — и увязать все ниточки.

— Чтобы получить деньги по страховке?

— Похоже, что так.

Дождь лил не переставая. Кэтрин бросила быстрый взгляд на дверь в холл.

— Но, Алан! В таком случае…

— Да. Я понимаю, о чем вы подумали.

— И в любом случае –*как* Форбса могли убить?

— Я об этом знаю столько же, сколько и вы. Доктор Фелл полагает, что убийца выбрался через окно. Да, я знаю, что на окне целехонькая решетка! Но так же было и с сеткой в торце собачьей переноски, если вы помните. Сутки назад я бы поклялся, что через сетку переноски тоже ничего не просочилось бы. И все же кое-что смогло.

Он резко замолчал, с нарочитой небрежностью бросив предостерегающий взгляд на Кэтрин, когда в холле послышались шаги. Он уже опять перелистывал страницы альбома, когда в гостиную вошел Свон.

Свон был почти таким же промокшим, как после двух ведер воды, вылитых на него Элспет. Он прошел к камину и чуть ли не засунул в него руки.

— Если я не подхвачу в результате воспаление легких до того, как все это закончится, — объявил он, переминаясь с ноги на ногу, — то это будет чистое везение. Я подчинялся приказам и старался держаться доктора Фелла. Думаете, это легко?

— Да.

На лице Свона отразилась горечь.

— Но это не так. Сегодня он дважды бросал меня. Он чем-то занят с отрядом местной обороны. Или, по крайней мере, был занят до дождя. Но чем именно — я выяснить не смог, и сам Шерлок Холмс не смог бы. Что-то случилось?

— Нет. Мы просто рассматриваем фамильные портреты. — Алан листал страницы. Он пропустил одну фотографию и уже начал было переворачивать страницу, как с внезапно вспыхнувшим интересом вернулся к ней.

— Опа! — воскликнул он. — Где-то я уже видел это лицо!

На фотографии был запечатлен портрет анфас светловолосого мужчины с пышными, загнутыми вниз усами по моде примерно 1906 года, привлекательное лицо с бесцветными глазами. Впрочем, это впечатление могло возникнуть из-за потускневшего коричневого цвета фотографии. Наискось правого нижнего угла была

надпись, кучеряво выведенная поблекшими чернилами: «Желаю удачи!»

— Конечно видели, — сказала Кэтрин. — Это же Кэмпбелл. Каждый из нас в той или иной степени обладает фамильными чертами.

— Нет-нет. Я имею в виду…

Он вынул фотографию из четырех прорезей в картоне и перевернул ее. На обороте тем же почерком было написано: «Роберт Кэмпбелл, июль, 05».

— Так это и есть тот самый башковитый Роберт!

Свон, заглянув ему через плечо, явно заинтересовался чем-то другим.

— Минутку! — призвал Свон, вернув фотографию на место и быстро перелистнув страницу. — Божечки, какая красотка! Кто эта симпатичная женщина?

— Это тетушка Элспет.

— Кто?

— Элспет Кэмпбелл.

Свон сморгнул:

— Та старая карга, которая… которая… — Ему не хватило слов, с перекошенным лицом он ощупал свой новый костюм.

— Да. Та самая, что покрестила вас. Взгляните

на ее фотографию в наряде горца, тут видны ножки. С вашего позволения, это очень красивые ноги, хотя, возможно, несколько тяжеловатые и мускулистые на современный вкус.

Кэтрин не смогла сдержаться.

— Но разумеется, — фыркнула она, — проигрывают в сравнении с ногами вашей драгоценной герцогини Кливлендской.

Свон попытался привлечь к себе внимание.

— Послушайте, — сказал он выразительно, — я не хочу лезть не в свое дело, но… — его голос зазвучал возбужденно, — но что это за дама из Кливленда, в конце концов? Кто такой Карл? А кто такой Рассел? И как вы все с ней связаны? Я знаю, что не должен спрашивать, но мысли об этом не дают мне спокойно спать.

— Герцогиня Кливлендская, — ответил Алан, — была возлюбленной Карла.

— Да, это я и так понял. Но она и ваша возлюбленная тоже, так?

— Нет. И она не из того Кливленда, что в штате Огайо, и вообще умерла больше двухсот лет назад.

— Вы никак издеваетесь? — вытаращился на него Свон.

— Нет. У нас был исторический спор, и…

— Да вы издеваетесь! — повторил Свон, и в его голосе звучало что-то вроде недоверчивого ужаса. — Должна же быть настоящая женщина из Кливленда! Я так написал о вас в своей первой статье в «Флудлайт»…

Он осекся. Открыл было рот, но тут же закрыл. Казалось, он понял, что допустил промах, — собственно, это он и сделал. Две пары глаз уставились на него, наступило зловещее молчание.

— Что именно, — очень четко и ясно произнесла Кэтрин, — что именно вы написали о нас в своей первой статье для «Флудлайта»?

— Ничего особенного! Клянусь честью, ничего такого! Просто анекдотец, без всяких инсинуаций…

— Алан, — прожурчала Кэтрин, не сводя глаз с угла потолка, — вам не кажется, что пора бы снова взяться за клеймор?

Свон инстинктивно начал отступать и отступал до тех пор, пока не уперся спиной в стену. Он заговорил со всей возможной искренностью:

— В конце концов, вы же собираетесь пожениться! Я своими ушами слышал, как доктор Фелл настойчиво советовал вам пожениться. Так в чем же дело? Я не хотел ничего плохого. — («И правда ведь — не хотел», — подумал Алан.) — Я

только написал…

— Какая жалость, — продолжала Кэтрин, по-прежнему не сводя глаз с потолка, — какая жалость, что Колин еще не встал на ноги. Впрочем, я слышала, что он прекрасный стрелок. А поскольку окна его спальни выходят на главную дорогу…

Она умолкла, многозначительно задумавшись, и в этот момент Кирсти Мактавиш распахнула дверь.

— Вас Колин Кэмпбелл видать хочет, — объявила она своим мягким, приятным голосом.

Свон переменился в лице:

— Кого он хочет увидеть?

— Он вас всех видеть хочет.

— Но ведь его нельзя навещать! — воскликнула Кэтрин.

— Почем я знаю? Все одно, он хлещет вискарь прямо в постели.

— Ну, мистер Свон, — изрекла Кэтрин, складывая руки, — после того как вы дали нам торжественное обещание, которое тут же нарушили, да и держать-то его не собирались, после того как воспользовались гостеприимством этого дома под ложным предлогом, после того как вам поднесли на блюдечке, возможно, единственную

хорошую статью в вашей жизни, вы надеетесь получить еще? У вас достанет наглости подняться и встретиться с Колином лицом к лицу?

— Но вы должны взглянуть и с моей точки зрения, мисс Кэмпбелл!

— Неужели?

— Колин Кэмпбелл поймет! Он славный малый! Он… — Тут Свону внезапно пришла в голову мысль, и он повернулся к горничной. — Послушайте. Он же не под мухой, правда?

— Что?

— Под мухой? Под хмельком? — предчувствуя недоброе, спрашивал Свон. — Окосел? Наклюкался? Перебрал?

Кирсти просветлела. Она заверила его, что Колин не перебрал. Хотя правдивость этого утверждения несколько снижалась тем, что по глубокому личному опыту Кирсти нельзя считать перебравшим того, кто еще стоит ногах и не способен пролететь два лестничных марша без ущерба для здоровья.

— Я ему все объясню, пусть он решает! — заговорил с большим жаром Свон. — Сами посудите: я приехал сюда — и чего только мне не пришлось пережить!

— Сущие пустяки, — произнесла Кэтрин, — по

сравнению с тем, что вас ждет в ближайшем будущем. Но продолжайте.

Свон не услышал ее.

— За мной гнались по дороге, — продолжал он, — нанесли мне серьезную травму, от которой у меня могло начаться заражение крови. Ладно. На следующий день я прибываю сюда в костюме с иголочки, который стоил мне десять гиней в «Остин Рид», а эта психованная выливает на меня два ведра воды. Не*одно* ведро, заметьте. А *два*.

— Алан Кэмпбелл, — яростно воскликнула Кэтрин, — что вас так развеселило?

Алан ничего не мог с собой поделать. Откинувшись на спинку кресла, он хохотал.

— Алан Кэмпбелл!

— Не могу сдержаться, — начал оправдываться Алан, вытирая слезы. — Мне только что пришло в голову, что в конце концов вам все-таки придется выйти за меня замуж!

— Могу я написать об этом? — мгновенно спросил Свон.

— Алан Кэмпбелл, что, черт возьми, вы имеете в виду? И не подумаю! Что за затея!

— Вам нечем крыть, моя прелестница. Это единственное решение наших проблем. Я еще не читал «Дейли флудлайт», но у меня есть подозре-

ния относительно характера намеков, которые высказаны в статье.

Свон вцепился в эту мысль.

— Я знал, что вы не рассердитесь, — сказал он, и его лицо просветлело. — Клянусь, никто ничего не сможет опротестовать! Я ни слова не написал о том, что вы постоянно ходите в публичные дома. В любом случае это было бы клеветой…

— Что это за речь, — поспешно вклинилась в разговор Кэтрин, — о том, что вы ходите в публичные дома?

— Мне жаль, что я это ляпнул, — столь же поспешно ответил Свон. — Я бы ни за что на свете не упомянул этого при вас, мисс Кэмпбелл, просто сорвалось с языка. Скорее всего, это неправда в любом случае, так что забудьте. Все, что я хотел сказать, — это что я должен вести честную игру и с вами, и с публикой.

— Ну чего, идете? — спросила Кирсти, все еще терпеливо ожидавшая в дверях.

Свон поправил галстук.

— Да, мы идем. И я уверен, что Колин Кэмпбелл, самый славный малый из всех, кто когда-либо жил на земле, войдет в мое положение.

— Надеюсь, что войдет, — выдохнула Кэтрин. — О боже правый, надеюсь, что войдет! Кирсти,

вы ведь сказали, что у него там есть виски, да?

Отвечать на этот вопрос было в некотором смысле излишне. Пока они втроем поднимались за Кирсти по лестнице и шли по коридору в заднюю часть дома, на него ответил сам Колин. Двери в Шире были толстенными, мало какой шум мог проникнуть сквозь них. Поэтому голос, который они услышали, был не слишком громким. Но он отчетливо донесся до лестничной площадки:

– Я люблю девчонку, сла-а-а-авную, сла-а-а-авную девчонку,

Она чиста, как ли-и-и-илия в долине!

Она сладка, как вереск, сла-а-а-авный ли-и-и-иловый вереск…

Пение резко прекратилось, когда Кирсти распахнула дверь. В просторной спальне, обставленной дубовой мебелью, Колин Кэмпбелл возлежал на том, что должно было быть и, несомненно, было одром болезни. Но вы никогда бы не догадались об этом по поведению старого греховодника.

Ниже пояса он был весь в бинтах, одна нога поддерживалась при помощи переносного железного каркаса и подпорок, а спина утопала в

подушках так, что он мог лишь немного приподнимать голову.

Хотя его волосы, борода и усы были подстрижены, выглядел он еще более лохматым, чем прежде. Лицо его раскраснелось, возбужденный взгляд был полон дружелюбия. В душной комнате пахло винокурней.

Колин, пользуясь положением тяжелобольного, настоял на том, чтобы в комнате было много света, так что в люстре горели все лампы. Они ярко освещали его свирепую ухмылку, цветастую пижамную куртку и беспорядочную кучу вещей на прикроватной тумбочке. Кровать стояла у единственного затемненного окна.

— Входите! — прокричал он. — Входите, составьте компанию старику! Положение скверное. Кирсти, принеси еще три стакана и графин. Вы! Вы все! Придвиньте свои стулья. Сюда, чтобы я вас видел. Мне все равно больше нечем заняться.

Он был в равной степени увлечен графином, уже достаточно опустошенным, и легким ружьем двадцатого калибра, которое он чистил и смазывал.

Глава восемнадцатая

— Котеночек, моя дорогая, такая радость видеть тебя! — продолжал он, глядя на Кэтрин сквозь один из стволов своего ружья. — Что новенького? Не подскажешь, куда бы мне пульнуть?

Свону хватило одного взгляда на него, чтобы развернуться и направиться прямиком к двери.

Кэтрин мгновенно повернула ключ в замке и, крепко зажав его в руке, отошла от дверей подальше.

— Конечно подскажу, дядюшка Колин, — нежно ответила Кэтрин.

— Ты ж мой котеночек! А как ты, Алан? А тебе, Хорас Грили[38], каково живется? Знаю, знаю, выгляжу паршиво. Забинтован, как китаянка на выданье, хотя в моем случае сильно больше, чем только ножки. Господь всемогущий! Если бы здесь был стул, я бы мог хоть как-то передвигаться.

Колин с задумчивым видом щелкнул затвором, опустил ружье и прислонил его к краю кровати.

---

[38] Notes: 38

Хорас Грили (1811–1872) — американский публицист, медиамагнат, политический деятель.

— Я счастлив, — неожиданно сказал он. — Может быть, мне не следовало бы радоваться, но я счастлив. Вы ведь слышали о том, что со мной случилось? Искусственный лед. То же самое, что и с Ангусом. Все-таки это было убийство. Жаль беднягу Алека Форбса. Я не испытывал к нему неприязни. Постойте-ка. А где Фелл? Почему Фелла здесь нет? Что вы сделали с Феллом?

Кэтрин была настроена решительно.

— Он с отрядом местной обороны, дядюшка Колин. Послушайте. Мы должны вам кое-что рассказать. Этот несчастный репортеришка, пообещав…

— Какого дьявола ему понадобилось в его-то возрасте и при его-то массе вступать в отряд местной обороны? Может, его самого и не примут за парашютиста, но за парашют на фоне горизонта — уж точно. Безумие какое-то. Более того, это же становится все опаснее.

— Дядюшка Колин, выслушайте меня, пожалуйста.

— Да, моя дорогая, конечно. Вступить в отряд местной обороны! В жизни не слышал такой чепухи!

— Этот репортер…

— Он ничего не говорил об этом, когда недав-

но заходил. Только и речи было что о старине Робби да о том, кто из нас что сказал в башне в понедельник. Кроме того, как он сумел вступить в отряд местной обороны в Шотландии? Вы меня разыгрываете?

Выражение лица Кэтрин к этому времени стало настолько обреченным, что даже Колин заметил. Он умолк и воззрился на нее с укором:

— Что-то не так, котеночек?

— Да, именно! Послушайте же меня хоть минутку! Помните, мистер Свон обещал ни словом не упоминать о произошедшем, если мы позволим ему собрать материал для статьи?

Колин нахмурился:

— Господь всемогущий! Ты напечатал в своей газетенке, что мы ткнули тебя клеймором пониже спины?

— Нет же, упаси меня Господь, конечно нет! — мгновенно ответил Свон чистую правду. — Ни словечка! У меня есть этот номер газеты, я могу доказать.

— Тогда что же тебя гнетет, котеночек?

— Он написал, прямо или намеками, ужасные вещи про нас с Аланом. Я не знаю точно, что именно, а Алану, похоже, вообще наплевать, но что-то насчет того, что мы с Аланом замечены за

непристойным…

Колин уставился на нее. Потом запрокинул голову и разразился хохотом. От смеха у него слезы навернулись на глаза.

— Ну а разве это не так?

— Нет! Только из-за той ужасной случайности, только из-за того, что нам пришлось провести ночь в одном купе в поезде из Лондона…

— Но здесь в понедельник у вас же не было необходимости проводить ночь в одной комнате, — заметил Колин. — Но вы, черт возьми, прекрасно справились. А?

— Они провели ночь в одной комнате здесь? — немедленно уточнил Свон.

— Конечно провели! — проревел Колин. — Ну же, котеночек! Будь мужчиной! То есть я имею в виду — будь женщиной! Признай это! Имей смелость постоять за свои убеждения. Чем же вы тогда занимались, если не проводили время в свое удовольствие? Чепуха какая!

— Мисс Кэмпбелл! — взмолился Свон. — Мне надо было приправить статью пикантной деталью, никак иначе этого было не сделать! Вот он понимает. И ваш парень понимает. Не о чем беспокоиться, совершенно не о чем.

Кэтрин переводила взгляд с одного на другого.

На ее розовом лице читалось безнадежное отчаяние. На глаза навернулись слезы, она упала в кресло и закрыла лицо руками.

— Эй! Полегче! — воскликнул Алан. — Колин, я только что объяснял Кэтрин, что ее репутация бесповоротно испорчена, если только она не выйдет за меня замуж. Я просил ее руки…

— Вы не просили!

— Что ж, я прошу сейчас, при свидетелях. Мисс Кэмпбелл, окажете ли вы мне честь стать моей женой?

Кэтрин подняла на него залитое слезами сердитое лицо.

— Конечно окажу, идиот вы этакий! — набросилась она на него. — Но почему вы не могли сделать предложение достойно, ведь я давала вам для этого сотню поводов, и вместо этого вы убеждаете меня шантажом? Или скажете, что это я вас шантажирую?

Глаза Колина широко раскрылись.

— Хотите сказать, — восторженно завопил он, — что будет свадьба?

— Могу я это напечатать?

— «Да» на оба вопроса, — ответил Алан.

— Милый мой котеночек! И вы, дорогой друг! Святые угодники! — восклицал Колин, потирая

руки. — Мы устроим такой праздник, какого эти стены не видели с той ночи, когда в тысяча девятисотом году пала добродетель Элспет. Где Кирсти с графином? Господь всемогущий! Интересно, есть ли в доме волынка? Я не играл уже много лет, но в былые времена моя музыка вас бы до печенок пробрала.

— Вы не злитесь на меня? — обеспокоенно спросил Свон.

— На тебя? Великий Боже, нет! Почему я должен злиться? Иди сюда, старина, садись поближе!

— Тогда зачем, — продолжал Свон, — вам понадобилась эта игрушка?

— Игрушка, да? Игрушка? — Колин выхватил мелкокалиберку. — А знаешь ли ты, что для стрельбы из нее требуется в сто раз больше чертовой сноровки и точности, чем из двенадцатого калибра? Не веришь, да? Хочешь, докажу?

— Нет-нет-нет. Верю вам на слово!

— Так-то лучше. Давайте же выпьем. Ах да, у нас нет стаканов. Где Кирсти? И Элспет! Нам нужна Элспет. Элспет!

Кэтрин была вынуждена отпереть дверь. Свон с великим вздохом облегчения сел и вытянул ноги совершенно по-домашнему. Однако моментально вскочил опять, до крайности настороженный,

как только появилась Элспет.

Элспет тем не менее проигнорировала его с такой ледяной холодностью, что тот отступил. Она обвела непроницаемым взглядом всех по очереди, за исключением Свона. Веки ее были припухшими и покрасневшими, губы сжаты в прямую линию. Алан попытался разглядеть в ней хоть какое-то сходство с красоткой со старой фотографии, но его не было, оно исчезло полностью.

— Послушай, старушка, — сказал Колин, протянув к ней руку, — у меня отличные новости. Великолепные новости. Эти двое, — он указал на Алана и Кэтрин, — собираются пожениться.

Элспет ничего не ответила. Ее внимательный, изучающий взгляд задержался на Алане, потом переместился к Кэтрин. Она подошла к девушке и быстро чмокнула ее в щеку. Две слезы, поразительные слезы, пролились из глаз Элспет.

— Ну вот! — Колин неловко поежился. Потом осклабился. — Старинный семейный обычай, — ворчливо пожаловался он, — включать фонтан, когда намечается свадьба. Это же счастливый повод, брось! Хватит!

Элспет по-прежнему стояла неподвижно, с трудом сдерживая слезы.

— Если ты не прекратишь сейчас же, я что-нибудь швырну! — заорал Колин. — Ты что, не можешь просто сказать: «Поздравляю» — или что-нибудь в этом духе? И вообще, есть у нас в доме волынка?

— Не дозволю твоего безбожного веселья, Колин Кэмпбелл, — оборвала его Элспет, выдавливая слова вопреки душащим ее слезам. Она отбрехивалась инстинктивно, и Алан все равно чувствовал себя все более неловко.

— Значит, благословлю вас, — сказала она, посмотрев сначала на Кэтрин, а потом на Алана. — Если благословение старой карги ценно вам хоть на грош.

— Раз так, — буркнул Колин, — то мы наконец уже тяпнем виски. Надеюсь, ты выпьешь за их здоровье?

— Так и быть. Нынче могу. — Она вздрогнула. — Что-то мурашки пробежали.

— За всю жизнь не встречал такого количества зануд, — проворчал Колин. Однако лицо его просияло, когда Кирсти принесла бокалы и графин.

— Принеси еще один бокал, девочка моя. Постой-ка. А может, лучше сразу захватить и третий графин, а?

— Минуточку! — воскликнул Алан. Он обвел их

всех взглядом и с некоторой тревогой задержал его на ружье. — Вы же не предлагаете сегодня устроить еще одну попойку?

— Попойку! Что за ерунда! — ответил Колин, плеснув себе немного и выпив залпом, — очевидно, для придачи себе сил, чтобы налить остальным. — Кто говорит о попойке? Мы пьем за здоровье и счастье невесты, вот и все. Вы же не можете возражать против этого, не так ли?

— Не могу, — улыбнулась Кэтрин.

— И я тоже, — заметил Свон. — Лично я чувствую себя великолепно! — И потом добавил: — Я прощаю вас всех. Даже мадам, — он чуть помялся, поскольку Элспет явно внушала ему ужас, — за то, что она испортила костюм, который стоил мне десять гиней.

Колин заговорил с нажимом:

— Пойми, Элспет. Мне жаль Ангуса. Но так уж вышло. И обернулось к лучшему. Не могу не признать, что его внезапная смерть вытащила меня из глубокой финансовой ямы. Знаете, что я собираюсь сделать? Больше никакой врачебной практики в Манчестере. Я куплю кеч[39] и отправлюсь в круиз по южным морям. А ты, Элспет, ты

---

[39] Notes: 39

Кеч — тип двухмачтового парусного судна с косыми парусами.

можешь заказать дюжину огромных портретов Ангуса и любоваться ими целыми днями! Или можешь поехать в Лондон и глазеть на танцоров джиттербага. Ты теперь как у Христа за пазухой, старушка.

Лицо Элспет побелело.

— Ах вот как! — обрушилась она на него. — А ты знаешь, почему мы теперь как у Христа за пазухой?

— Остановитесь! — возопил Алан.

Даже сквозь окутывавший его флер благожелательности и радостного возбуждения он понял, что грядет. Кэтрин тоже поняла. Они оба хотели остановить Элспет, но она не обратила на них никакого внимания.

— Я расскажу, и больше совесть не будет меня грызть! Так ты знаешь, почему мы теперь как у Христа за пазухой?

Она круто повернулась к Свону. Впервые обращаясь лично к нему, она спокойно объявила, что Ангус покончил с собой; она выложила всю историю с указанием причин, по которым ей можно верить. И каждое ее слово было правдой.

— Это очень интересно, мэм, — изрек Свон, который уже принял одну порцию виски и протягивал свой бокал за второй. Казалось, он был

польщен ее вниманием. — Значит, и вы больше не злитесь на меня?

Элспет уставилась на него:

— Злюсь? Пфф! Ты слыхал, о чем я толкую?

— Да, конечно, мэм, — умиротворяюще ответил Свон. — И конечно, я понимаю, как это вас расстроило…

— Ты что же, парень, не разумеешь?

Свон запрокинул голову и рассмеялся:

— Ненавижу перечить дамам, мэм. Но если вы поговорите с полицией, или с доктором Феллом, или с этими вот людьми, то поймете, что кто-то намеренно ввел вас в заблуждение, а может, вы и сами заблуждаетесь. Откуда мне это знать? Разве никто не сказал вам, что Алек Форбс покончил с собой и оставил записку, в которой признался, что убил мистера Кэмпбелла?

У Элспет перехватило дыхание. Все ее лицо как-то сморщилось. Она повернулась и вопросительно глянула на Колина, тот кивнул:

— Это чистая правда, Элспет. Иди в ногу со временем! Где ты была весь день?

У Алана защемило сердце при виде ее. Она на ощупь добралась до кресла и упала в него. Человеческое — чувствующее, живое, уязвимое человеческое существо — проступило сквозь

гневную глиняную маску, в которой Элспет представала перед миром.

— Ты не морочишь меня? — В ее голосе звучала настойчивость. — Поклянись Господом Богом нашим!..

Элспет принялась раскачиваться взад-вперед в кресле-качалке. Ее одолел приступ смеха, так что стали видны ее крепкие зубы; и этот смех озарил и осветил ее лицо. Казалось, все ее существо дышит молитвой.

Ангус не умер во грехе самоубийства. Он не отправился в геенну огненную. И Элспет, эта Элспет, чьей настоящей фамилии никто не знал, раскачивалась взад-вперед, смеялась и была счастлива.

Колин Кэмпбелл, беззаботно пропустив все это мимо ушей, продолжил изображать бармена.

— Понимаешь, — сиял он, — ни Фелл, ни я ни секунды не верили, что это было самоубийство. Тем не менее здорово, что все разрешилось. Я и подумать не мог, что ты не в курсе, иначе я бы выкарабкался из этой кровати, чтобы рассказать тебе. А теперь будь умницей. Я знаю, что официально в доме все еще траур. Но, учитывая обстоятельства, как насчет того, чтобы найти для меня ту волынку?

Элспет поднялась на ноги и вышла из комнаты.

— Клянусь Юпитером, — выдохнул Колин, — она пошла за ней!.. Что такое, котеночек?

Кэтрин неопределенно смотрела на дверь блестящими от любопытства глазами. Затем, прикусив губу, она взглянула на Алана.

— Не знаю. Я счастлива, — она вновь бросила взгляд на Алана, — и в то же время чувствую себя как-то странно и вперемешку.

— Ваши чувства совершенно понятны, — сказал Алан, — но грамматика никуда не годится. Сейчас Элспет верит именно в это, и именно в это она должна продолжать верить. Потому что, конечно, все это чистая правда.

— Конечно, — быстро согласилась Кэтрин. — Дядя Колин, не окажете ли вы мне большую услугу?

— Все, что угодно, моя дорогая.

— Что ж, — сказала Кэтрин, нерешительно протягивая бокал, — возможно, и не такую уж большую, но не могли бы вы мне немного добавить?

— Вот это мой котеночек! — пророкотал Колин. — Вот так… Достаточно?

— Еще немного, пожалуйста.

— Еще немного?

— Да, пожалуйста.

— Божечки, — пробормотал Свон, в котором первый сокрушительный эффект от «Погибели Кэмпбеллов» перешел во вторую фазу ускоренной речи и возбуждения, — вы, два профессора, теперь в одной команде, верно. Не понимаю, как вам удается. Может быть, споем, никто не хочет?

С блаженным видом, возлежа в подушках, как царь на троне, Колин воздел ружье и начал размахивать им в воздухе, словно дирижируя оркестром. От его баса дрожали стекла.

— «Я люблю девчонку, сла-а-а-авную, сла-а-а-авную девчонку…»

Свон, втянув подбородок в воротник, напустил на себя вид грозный и торжественный. Плавно покачивая бокалом в такт, он прокашлялся, нашел нужную тональность и вступил:

— «Она чиста, как ли-и-и-илия в долине…»

Алана, поднимающего тост за Кэтрин, охватило такое чувство, будто все, что ни делается, — все к лучшему и утро вечера мудренее. Радостное возбуждение от влюбленности, просто оттого, что он наблюдает за Кэтрин, соединилось с возбуждением от крепкого алкоголя. Он улыбнулся Кэтрин, она улыбнулась в ответ, и они оба присо-

единились к хору:

— «Она сладка, как вереск, сла-а-а-авный ли-и-и-иловый вереск…»

У него был громкий баритон приятного тембра, а у Кэтрин — довольно звучное сопрано. Пение квартета заполнило комнату. Когда тетушка Элспет пришла с волынкой — которую она мрачно протянула Колину и которую тот с готовностью схватил, не прерывая песни, — ей, должно быть, показалось, что вернулись старые времена.

— Чудненько! — покладисто проговорила Элспет. — Чудненько!

Глава девятнадцатая

Алан Кэмпбелл приоткрыл один глаз.

Откуда-то очень издалека, куда не достигает ни зрение, ни слух, его душа мучительно ползла по подземным коридорам — назад, обратно в тело. В конце концов он пришел к убеждению, что смотрит семейный фотоальбом, из которого на него, в свою очередь, глядит лицо, где-то им уже виденное буквально сегодня…

Тогда он очнулся.

Разлеплять первый глаз было достаточно неприятно. Когда Алан открыл второй, его мозг затопила волна боли и ему пришлось откровенно признаться самому себе: да, вчера он снова перебрал.

Он лежал на спине и рассматривал трещины на потолке. Комната была залита солнечным светом.

Голова ужасно болела, в горле пересохло. Но он с удивлением понял, что чувствует себя совсем не так чудовищно, как в первый раз. Это зародило в нем тревожные сомнения. Неужели он попал во власть адского зелья? Неужели он уже начал при-

выкать (как говорилось в брошюрах движения за трезвость) к действию этого коварного яда?

Потом им овладело другое чувство, отрадное или безотрадное — смотря с какой стороны посмотреть.

Порывшись в памяти, он не смог выудить ничего, кроме размытых сцен, центром которых был образ Элспет, блаженно раскачивающейся взад-вперед в кресле-качалке под все перекрывающее гудение волынки.

Однако он не был подавлен ни ощущением своей греховности, ни чувством вины или воспоминаниями о каких-то гнусностях. Он знал, что вел себя так, как подобает джентльмену, даже будучи*en pantoufles*[40]. Убежденность была странной, но совершенно реальной — до такой степени, что он вовсе не дрогнул, когда Кэтрин распахнула дверь.

Кэтрин в это утро, наоборот, выглядела виноватой и затравленной. На подносе она принесла не одну чашку черного кофе, а две. Поставила поднос на прикроватную тумбочку и взглянула на Алана.

— Вообще-то, это вам следовало бы, — сказа-

---

[40] Notes: 40

Дословно «в тапочках», то есть без всяких церемоний, запросто, по-домашнему*(фр.).*

ла она, прочистив горло, — принести мне кофе сегодня утром. Но я так и знала, что вы будете ужасно себя чувствовать и проспите до полудня. Полагаю, вы и на этот раз ничего не помните о прошлой ночи?

Он попытался сесть, надеясь, что пульсация в голове ослабнет.

— Угу, не помню. Я… хм… опять…

— Нет-нет. Алан Кэмпбелл, свет не видывал такого высокомерного зазнайку, как вы. Вы сидели там с таким видом превосходства, будто вам принадлежит весь белый свет. Но потом вы принялись декламировать стихи. И когда вы приступили к Теннисону, я начала опасаться худшего. Вы прочитали всю «Принцессу» и почти всю «Мод». А потом у вас хватило ума процитировать «Дай руку мне свою и мне доверься»[41] и похлопать меня по руке…

— Серьезно?! — Не поднимая глаз, он потянулся за кофе. — Я и не подозревал, что помню так много из Теннисона.

— Не так уж и много, по правде говоря. Когда вы не могли вспомнить слова, то задумывались на мгновение и просто заменяли их на «па-рам-

---

[41] Notes: 41

Цитата из поэмы «Принцесса» Альфреда Теннисона (перевод Э. Соловковой).

па-ра-ра-рам» и продолжали декламировать.

— Да и черт с ним! Надеюсь, со всеми все в порядке?

Кэтрин опустила чашку, едва успев поднести ее к губам. Чашка звякнула и задребезжала о блюдце.

— В порядке? — повторила она с округлившимися глазами. — Учитывая, что этот мерзавец Свон, скорее всего, уже в больнице?

В голове у Алана яростно запульсировало.

— Это мы?..

— Нет, не вы. Дядя Колин.

— Боже мой, неужели он снова напал на Свона? Но они же теперь закадычные друзья! Он не мог снова напасть на Свона! Что случилось?

— Ну, все было хорошо, пока Колин не опрокинул в себя пятнадцатую «Погибель», а Свон, который тоже уже был, по его выражению, «готовенький» и оттого немного слишком самоуверенный, не извлек газету со статьей, которую он вчера написал. Он припрятал этот номер из опасений, что статья нам не понравится.

— И?

— На самом деле статья не так уж и плоха, признаю. Все было нормально, пока Свон не дошел до описания того, как Колин решил переночевать в

комнате в башне.

— И?

— В версии Свона этот инцидент выглядел примерно так. Помните, он тогда шатался под окнами гостиной? В статье было сказано: «Доктор Колин Кэмпбелл, глубоко религиозный человек, возложил руку на Библию и дал обет, что он больше не войдет в церковь до тех пор, пока фамильный призрак не прекратит печально бродить по замку Шира». Колин секунд десять просто таращился на него, а потом указал на дверь и заявил: «Вон!» Свон не воспринял его всерьез до тех пор, пока Колин не побагровел и не заорал: «Вон из этого дома навсегда!» К тому же Колин схватил свой дробовик и…

— Он же не…

— Тогда нет. Но когда Свон помчался вниз по лестнице, Колин сказал: «Выключите свет и снимите затемнение. Я хочу пульнуть в него из окна, когда он выйдет на дорогу». Его кровать стоит у окна, помните?

— Вы же не хотите сказать, что Колин попал Свону пониже спины, когда тот бежал к Инверэри?

— Нет, — ответила Кэтрин, — Колин — нет. Я попала.

Ее голос сорвался, она застонала.

— Алан, дорогой, мы должны убраться из этой коварной страны! В прошлый раз вы, а теперь я! Я не знаю, что на меня нашло, честное слово, не знаю!

Боль в голове у Алана однозначно усилилась.

— Но погодите-ка! Где же был я? Разве я не вмешался?

— Вы даже не заметили. Вы декламировали Элспет «Рыцаря Галаада». Дождь закончился, было четыре часа утра, взошла луна. Я, понимаете, так и кипела от злости на Свона. И тут он показался дороге. Должно быть, он услышал, как открывается окно, и заметил, как блеснул лунный свет на ружье. Потому что ему хватило всего лишь одного взгляда, чтобы помчаться по дороге даже быстрее, чем в ту ночь понедельника. Я попросила: «Дядя Колин, дайте мне попробовать». Он ответил: «Хорошо, но пусть он отойдет подальше, мы же не хотим покалечить его». Обычно я боюсь оружия и не смогла бы попасть и в дверь амбара. Но это чертово пойло все изменило! Я выстрелила вслепую и попала в самое яблочко со второго ствола. Алан, как вы думаете, меня арестуют? Да как вы вообще смеете хохотать!

— «Помпилия, ужель дозволишь им убить ме-

ня?»[42] — пробормотал Алан.

Он допил кофе, встал и подождал, пока поплывший мир не стабилизировался.

— Не переживайте, — сказал он. — Пойду успокою его.

— Но что, если я его…

Алан поглядел на эту скорбную фигуру:

— Вы не могли причинить ему особого вреда. Не с такого расстояния мелкокалиберкой с уменьшенным зарядом. Он ведь не упал, так?

— Нет, он побежал еще быстрее.

— Тогда все в порядке.

— Но что же мне делать?

— «Дай руку мне свою и мне доверься»[43].

— Алан Кэмпбелл!

— Что ж, это разве не лучший выбор?

Кэтрин вздохнула. Она подошла к окну, из которого открывался вид на фьорд. Его спокойные воды поблескивали в лучах солнца.

— И это, — сказала она ему после паузы, — еще не все.

— Что еще?!.

— Нет, нет, нет! Больше никаких неприятно-

---

[42] Notes: 42
Цитата из цикла «Кольцо и книга» Р. Браунинга.

[43] Notes: 43
А. Теннисон. Принцесса. Перевод Э. Соловковой.

стей такого рода. Я получила письмо сегодня утром. Алан, меня вызывают.

— Вызывают?

— Из отпуска. Колледж. Точнее — Служба предупреждения о воздушных налетах. А еще я видела сегодня утреннюю шотландскую «Дейли экспресс». Похоже, что скоро начнутся настоящие бомбардировки.

Солнечный свет был таким же ярким, а холмы — такими же золотисто-фиолетовыми, как и всегда. Алан взял с прикроватной тумбочки пачку сигарет. Прикурил и глубоко вдохнул дым. Хотя от этого голова у него пошла кругом, он продолжил курить и задумчиво глядеть на воду.

— Значит, наш отпуск, — сказал он, — это всего лишь что-то вроде антракта.

— Да, — ответила Кэтрин, не оборачиваясь. — Алан, вы любите меня?

— Вы знаете, что люблю.

— Тогда не все ли равно?

— Нет.

Наступило молчание.

— Когда вы должны уехать? — наконец спросил он.

— Боюсь, сегодня вечером. Так сказано в письме.

— Тогда, — бодро заявил он, — мы больше не можем терять время. Чем скорее я соберусь, тем лучше. Надеюсь, нам удастся занять соседние купе в поезде. В любом случае здесь мы сделали все, что могли, впрочем, не слишком много мы и могли. Дело официально закрыто. Но, честно говоря, я бы хотел увидеть настоящий финал, если он вообще будет.

— Возможно, вы еще и увидите финал, — произнесла Кэтрин и отвернулась от окна.

— В каком смысле?

Она наморщила лоб, ее нервозность явно объяснялась не только опасениями по поводу прошедшей ночи.

— Видите ли, — продолжила она, — здесь доктор Фелл, и когда он узнал о моем предстоящем отъезде, то заявил, что у него есть все основания полагать, что он тоже уедет. Я спросила: «А как же сами-знаете-что?» Он ответил: «Сами-знаете-что, я думаю, разрешится само собой». Он сказал это очень странным тоном, и я подумала: что-то произойдет. Что-то довольно ужасное. Он вернулся сюда утром, незадолго до рассвета. Кстати, он хочет вас видеть.

— Я буду готов через полсекунды. Где все остальные?

— Колин еще спит. Элспет и даже Кирсти ушли. Здесь никого нет, кроме вас, меня и доктора Фелла. Алан, дело не в похмелье, не в Своне и не в нервах — но мне страшно. Пожалуйста, спускайтесь вниз как можно скорее.

Пока Алан брился, он убеждал себя, что все это из-за выпитого накануне вечером. Он говорил себе, что его собственные опасения вызваны расстройством желудка и злоключениями Свона.

В Шире было очень тихо. Солнечный свет проникал во все окна. При включении и выключении водопроводного крана раздавался такой звук, словно призраки лязгали своими цепями. Этот звук разносился по всему дому, постепенно стихая.

И вот, когда Алан спускался к завтраку, он увидел в гостиной доктора Фелла.

Доктор Фелл, одетый в старый черный костюм из шерсти альпаки и с галстуком-шнурком, оккупировал диван. С отсутствующим выражением лица он посасывал свою пенковую трубку, окруженный теплым золотистым солнечным светом. Доктор производил впечатление человека, который размышляет о каком-то опасном деле и не совсем уверен в верности своего решения. Складки жилета вздымались и опадали от его

медленного и тяжелого сопения. Большая копна седых волос закрывала один глаз.

Алан и Кэтрин ели тосты с маслом и пили кофе. Говорили они мало. Никто из них не понимал, как себя вести. Было похоже на чувство, возникающее, когда не знаешь, вызвали тебя в кабинет директора или нет.

По крайней мере, этот вопрос для них прояснился.

— Доброе утро! — послышался чей-то голос.

Они поспешили в холл.

Алистер Дункан, одетый в почти летний и почти кокетливый коричневый костюм, стоял у распахнутой парадной двери. На нем была мягкая шляпа, в руках он держал портфель. Он потянулся к дверному молотку на уже открытой створке, делая вид, что вот-вот постучит.

— Кажется, тут никого нет, — произнес он. В его голосе, хотя он должен был прозвучать любезно, слышался едва различимый раздраженный подтон.

Алан посмотрел направо. Через открытую дверь гостиной он увидел, как доктор Фелл зашевелился, фыркнул и поднял голову, словно пробуждаясь ото сна. Алан снова глянул на высокую, сутулую фигуру поверенного на фоне

мерцающей вдали воды.

— Могу я войти? — вежливо поинтересовался Дункан.

— П-пожалуйста, — заикаясь, ответила Кэтрин.

— Благодарю вас. — Дункан осторожно шагнул в дом и снял шляпу. Он подошел к двери гостиной, заглянул внутрь и издал возглас, который в равной степени мог выражать как удовлетворение, так и раздражение.

— Прошу вас, входите, — прогремел доктор Фелл. — Все вы, если хотите. И прикройте дверь.

В нагретой солнцем душной комнате привычно пахло сыростью, старым деревом и камнем. На каминной полке стояла фотография, все еще задрапированная черным крепом; с нее взирал на них Ангус Кэмпбелл. Солнце подсвечивало темные, плохие мазки на картинах в золоченых рамах и потертости на ковре.

— Милостивый государь, — изрек поверенный, положив шляпу и портфель на столик с Библией. Он произнес эти слова так, словно начинал письмо.

— Садитесь, прошу вас, — пригласил доктор Фелл.

Высокий, с залысинами лоб Дункана прорезала легкая морщинка.

— Я прибыл, — ответил он, — по вашему телефонному звонку. — Он изобразил шутовской поклон. — Но позвольте заметить, сэр, что я очень занятой человек. Я приходил в этот дом по той или иной причине почти каждый день в течение последней недели. И сколь бы ни было серьезно наше дело, поскольку оно уже разрешилось…

— Оно не разрешилось, — заявил доктор Фелл.

— Но…

— Садитесь, все вы, — сказал доктор Фелл.

Сдув пепел с трубки, он откинулся назад, сунул мундштук обратно в рот и затянулся. Пепел осел на его жилете, но доктор Фелл не стал его смахивать. Он долго смотрел на них, и беспокойство Алана постепенно переросло в нечто похожее на ужас.

— Джентльмены и мисс Кэмпбелл, — продолжил доктор Фелл, втянув носом воздух. — Вчера днем, если вы помните, я говорил о шансах один на миллион. Такая вероятность не слишком располагает к тому, чтобы всерьез на нее рассчитывать. И все же в деле Ангуса этот шанс выпал, и я понадеялся, что он выпадет и в случае с делом Форбса. Так оно и вышло.

Он умолк, а затем добавил тем же обыденным тоном:

— Теперь у меня есть орудие, которым, в некотором роде, был убит Алек Форбс.

Всего несколько секунд продлилось мертвенное оцепенение — лишь табачный дым вился в солнечном свете по накрахмаленным кружевным занавескам.

— Убит? — взорвался поверенный.

— Именно.

— Прошу прощения, но смею предположить, что…

— Сэр, — перебил его доктор Фелл, вынимая трубку изо рта, — в глубине души вы точно знаете, что Алек Форбс был убит, так же как и то, что Ангус Кэмпбелл покончил с собой. Не так ли?

Дункан быстро огляделся.

— Все в порядке, — заверил его доктор. — Здесь только мы четверо — пока. Я позаботился об этом. Вы можете совершенно свободно говорить.

— Я не намерен говорить ни свободно, ни как-либо иначе. — Голос Дункана звучал грубо. — Вы притащили меня сюда только для того, чтобы сообщить мне это? Ваше суждение просто абсурдно!

Доктор Фелл вздохнул.

— Интересно, покажется ли оно вам таким уж абсурдным, — сказал он, — когда вы узнаете о

моем предложении.

— Предложении?

— Сделке. Соглашении, если угодно.

— Ни о какой сделке не может быть и речи, милостивый государь. Вы сами говорили мне, что это очевидный случай, простейшее дело. Полиция считает так же. Сегодня утром я говорил с мистером Макинтайром, фискальным прокурором.

— Да. Это часть моей сделки.

Дункан был почти на грани того, чтобы потерять самообладание.

— Будьте так добры, доктор, скажите, чего вы от меня хотите — в целом? И — в частности — откуда вы вывели это жестокое и поистине опасное умозаключение, что Алек Форбс был убит?

Выражение лица доктора Фелла было безучастным.

— Во-первых, — ответил он, надувая щеки, — я вывел его из щита светомаскировки — листа толя на деревянной раме, который должен был закрывать окно в коттедже Форбса, но его там не оказалось. Светомаскировка должна была быть на окне ночью, в противном случае отряд местной самообороны заметил бы свет лампы. А лампа (если вы помните улики) горела. Но по

какой-то причине ее было необходимо погасить и снять затемнение с окна. Зачем? В этом-то и проблема. Возникает вопрос: почему убийца, когда он покидал место преступления, просто не оставил лампу догорать, не снимая затемнения? На первый взгляд эта проблема кажется весьма трудноразрешимой. Очевидный путь ее решения заключается в предположении, что убийца должен был снять затемнение, чтобы совершить побег, а совершив его, он уже не мог поставить щит на место. Этот аргумент дает много пищи для размышлений, если его развить. Мог ли убийца, например, как-то преодолеть железную решетку, а потом непонятным образом вернуть ее на место?

Дункан фыркнул:

— Решетка была прибита изнутри?

Доктор Фелл многозначительно кивнул:

— Да. Прибита изнутри. Значит, поступить таким образом у убийцы возможности не было. Верно?

Дункан поднялся на ноги:

— Прошу прощения, сэр, но я не могу больше слушать эти абсурдные измышления. Доктор, вы меня шокируете. Сама мысль о том, что Форбс…

— Разве вы не хотите услышать, в чем заклю-

чается мое предложение? — поинтересовался доктор Фелл. Он помолчал. — Это в ваших интересах. — Он снова помолчал. — Определенно в ваших интересах.

Уже подхватив шляпу и портфель с маленького столика, Дункан внезапно опустил руки и стал навытяжку. Лицо его было белым. Он оглянулся на доктора Фелла.

— Боже мой, — прошептал он. — Вы же не намекаете, что… хм… убийца — я?

— О нет, — ответил доктор Фелл. — Как можно! Конечно нет.

Алан с облегчением выдохнул.

Ему пришла в голову та же мысль, поскольку в голосе доктора Фелла звучали зловещие ноты. Дункан оттянул пальцем край воротника.

— Что ж, — сказал он, в попытке суховато пошутить, — я рад это слышать. А теперь давайте, сэр! Выкладывайте карты на стол. Что это у вас за предложение, которое может меня так заинтересовать?

— Предложение, которое касается благополучия ваших клиентов. Короче говоря, семьи Кэмпбелл. — Доктор Фелл снова неторопливо сдул пепел со своей трубки. — Видите ли, я могу доказать, что Алек Форбс был убит.

Дункан выронил шляпу и портфель на стол, словно обжегшись.

— Доказать? Но как?

— Потому что у меня есть орудие, которым, в некотором роде, его убили.

— Но Форбс повесился на поясе от халата!

— Мистер Дункан, если вы изучите самые авторитетные труды по криминалистике, то обнаружите, что все они сходятся в одном. Нет ничего сложнее, чем определить, повесился человек сам или его сначала задушили, а потом повесили, чтобы имитировать самоубийство. Именно это и произошло с Форбсом. На Форбса напали сзади и задушили. Чем — я не знаю. Галстуком. Возможно, шарфом. Потом убийца, который хорошо знал свое дело, добавил художественных деталей. Если все учесть и проделать с должной аккуратностью, то результат невозможно отличить от настоящего самоубийства. Этот убийца допустил только одну ошибку, избежать ее было невозможно. И она оказалась роковой. Подумайте еще раз, учитывая, что окно было зарешечено и…

Дункан протянул руки, словно в мольбе:

— Но что это за таинственные улики? И кто этот загадочный убийца? — Его взгляд вдруг стал колючим. — Вы знаете, кто это?

— О да, — изрек доктор Фелл.

— Но вы не можете доказать, — проговорил поверенный, стукнув костяшками пальцев по столу, — что Ангус Кэмпбелл совершил самоубийство?

— Нет. Но если будет доказано, что смерть Форбса наступила в результате убийства, это, несомненно, сделает недействительным оставленное им ложное признание. Напечатать признание на пишущей машинке мог кто угодно, и в данном случае это был убийца. Что в такой ситуации должна подумать полиция?

— Что конкретно вы мне предлагаете?

— Значит, вы готовы выслушать мое предложение?

— Я выслушаю все, что угодно, — ответил поверенный, прошел к креслу и уселся, сцепив руки с резко выступающими костяшками пальцев, — если вы внесете хоть какую-то ясность. Кто этот убийца?

— А вы как думаете? — пристально посмотрел на него доктор Фелл.

— Никак, клянусь! И я… хм… все еще оставляю за собой право не верить ни одному вашему слову. Кто этот убийца?

— На самом деле, — ответил доктор Фелл, — я думаю, что убийца сейчас в доме и будет здесь с

минуты на минуту.

Кэтрин бросила диковатый взгляд на Алана.

В комнате было очень тепло. За накрахмаленными занавесками на сияющем оконном стекле жужжала сонная муха. В тишине они отчетливо уловили звук шагов: кто-то шел через холл к выходу.

— Должно быть, наш друг, — продолжал доктор Фелл все тем же ровным тоном. Затем он повысил голос и крикнул: — Мы в гостиной! Идите к нам!

Было слышно, как неизвестный замедлил шаг, развернулся и направился к двери в комнату.

Дункан резко вскочил на ноги. Его руки все еще были сцеплены, и Алан услышал, как хрустнули суставы, когда он сжал пальцы.

С момента, когда раздались шаги в холле, до того момента, как ручка двери повернулась и дверь открылась, прошло пять или шесть секунд. И по мнению Алана, это были самые длинные секунды в его жизни. Казалось, каждая доска в комнате издает собственный скрип и треск; все казалось живым, настороженным и притягивающим к себе внимание, как та муха, гудящая на оконном стекле.

Дверь открылась, и кто-то вошел.

— Вот убийца, — сказал доктор Фелл.

Он указал на мистера Уолтера Чепмена, агента страховой компании «Геркулес».

Глава двадцатая

Солнечный свет выхватывал каждую деталь наружности Чепмена. Не высок, скорее — коренаст, одет в темно-синий костюм. Светлые волосы, здоровый цвет лица, примечательно бледные глаза. Одной рукой он держал свой котелок, другой теребил галстук. Чепмен повел головой, словно уклоняясь от удара.

— Прошу прощения? — произнес он довольно пронзительным голосом.

— Я говорю, входите, мистер Чепмен, — ответил доктор Фелл. — Или, вернее будет сказать, мистер Кэмпбелл? Ваша настоящая фамилия Кэмпбелл, не так ли?

— Что вы, черт возьми, несете? Я вас не понимаю!

— Два дня назад, — сказал доктор Фелл, — когда я впервые увидел вас, вы стояли примерно на том же месте, что и сейчас. А я стоял вон у того окна (помните?), внимательно рассматривая фотографию Ангуса Кэмпбелла, снятую анфас. Нас не представили друг другу. Я перевел взгляд с фотографии на вас и был так поражен бросаю-

щимся в глаза семейным сходством, что спросил вас: «А вы который из Кэмпбеллов?»

Алан вспомнил этот момент.

В его воображении невысокая, коренастая фигура перед ним преобразовалась в невысокую, коренастую фигуру Колина или Ангуса Кэмпбелла. Светлые волосы и бесцветные глаза стали (вот оно!) светлыми волосами и бесцветными глазами на фотографии Роберта Кэмпбелла в семейном альбоме. Все эти образы колебались, менялись, искажались, как отражения в воде, и все же сложились в нечто единое в стоящем перед ним человеке.

— А теперь, мистер Дункан, он вам никого не напоминает? — поинтересовался доктор Фелл.

Поверенный обессиленно опустился в кресло. Точнее сказать, весь он со своими длинными, худыми конечностями будто сложился, подобно складной сушилке, как только нащупал подлокотники кресла.

— Робби Кэмпбелла, — проговорил он. В его тоне не было ни восклицания, ни вопроса — никакой эмоциональной составляющей. Это была просто констатация факта. — Вы сын Робби Кэмпбелла, — сказал он.

— Я настаиваю… — начал было мнимый Чеп-

мен, но доктор Фелл прервал его.

— Случайное сопоставление фотографии Ангуса и лица этого человека, — сказал доктор, — навело на мысль, которую некоторые из вас, возможно, упустили из виду. Позвольте мне освежить в вашей памяти еще один момент. — Он взглянул на Алана и Кэтрин. — Думаю, Элспет рассказывала вам, что Ангус Кэмпбелл обладал сверхъестественным чутьем на семейное сходство, он мог определить принадлежность к своему роду даже самого «чумазого и не по-нашенски болтающего». Этим же чутьем, хотя и в меньшей степени, обладает и сама Элспет. — Теперь доктор Фелл взглянул на Дункана. — Так что мне показалось весьма необычным и любопытным то, что вы, кстати, мне и сообщили, а именно, что мистер Чепмен всегда старался не попадаться на глаза Элспет и ни при каких обстоятельствах не приближался к ней. Мне показалось, что это заслуживает внимания. Шотландская полиция не может использовать ресурсы Скотленд-Ярда. Но я через своего друга, суперинтенданта Хэдли, могу. Потребовалось всего несколько часов, чтобы узнать правду о мистере Уолтере Чепмене, однако ответ на трансатлантический телефонный запрос (официальный), который сделал Хэдли, я

получил только сегодня ранним утром.

Доктор Фелл достал из кармана исписанный конверт, кинул взгляд сначала на него, а потом, поправив пенсне, на Чепмена.

— Ваше настоящее имя — Уолтер Чепмен Кэмпбелл. У вас есть — или был — паспорт Южно-Африканского Союза за номером 609348. Восемь лет назад вы прибыли в Англию из Порт-Элизабет. Там все еще живет ваш отец Роберт Кэмпбелл, хотя он очень болен и немощен. Вы отказались от фамилии Кэмпбелл, потому что имя вашего отца вызывало неприятные ассоциации в страховой компании «Геркулес», на которую вы работали. Два месяца назад (как вы сами сообщили) вас перевели из Англии на должность главы одного из филиалов вашей фирмы в Глазго. Там вас, конечно же, заметил Ангус Кэмпбелл.

Уолтер Чепмен поджал губы.

На его лице застыла скептическая улыбка. Однако взгляд быстро метнулся к Дункану, словно гадая, как поверенный воспримет это.

— Не говорите ерунды, — ответил Чепмен.

— Вы отрицаете эти факты, сэр?

— Допустим, — сказал тот, внезапно почувствовав, что воротничок стал ему слишком тесен, — допустим, что по моим собственным причи-

нам я использовал только часть своего имени. Но ради всего святого, что, по вашему мнению, я совершил?

Он вскинулся на доктора Фелла, и этот порыв напомнил им всем Колина:

— Также я бы не отказался узнать, доктор Фелл, по какому праву вы в компании двух армейских офицеров разбудили меня в гостинице в Дануне посреди прошлой ночи и стали задавать дурацкие вопросы о страховании? Но опустим это. Повторяю: ради всего святого, что, по вашему мнению, я совершил?

— Вы помогли Ангусу Кэмпбеллу спланировать самоубийство, — ответил доктор Фелл, — вы покушались на убийство Колина Кэмпбелла, и вы убили Алека Форбса.

Кровь отлила от лица Чепмена.

— Абсурд.

— Вы не были знакомы с Алеком Форбсом?

— Конечно нет.

— Вы никогда не были рядом с его коттеджем у водопада Ко?

— Никогда.

— В таком случае позвольте рассказать, что именно, по моему мнению, вы совершили. — Доктор Фелл прикрыл глаза. — Как вы сами

рассказали, Ангус сам пришел к вам в офис в Глазго, чтобы оформить последний страховой полис. Я полагаю, что он видел вас и раньше. Он изобличил вас в том, что вы сын его брата; вы отрицали это, но в конце концов были вынуждены признать. И конечно, это дало Ангусу возможность добавить третий финальный уровень защиты в его план. Ангус ничего не оставил на волю случая. Он знал, что ваш отец тот еще прохиндей; и он достаточно хорошо разбирался в людях, чтобы определить, что и вы тоже тот еще прохиндей. Так что Ангус использовал оформление этого последнего, не слишком нужного ему полиса в качестве предлога, чтобы пообщаться с вами, и изложил вам свой план, согласно которому именно вы должны были расследовать его подозрительную кончину. И тогда, если бы хоть что-то пошло не так, все равно что, вы сумели бы это сокрыть и представить дело таким образом, словно это несомненное убийство, прекрасно зная, что́ произошло в действительности. У вас были все основания помогать Ангусу. Он смог убедить вас в том, что вы всего лишь помогаете вашей собственной семье. Что после его смерти лишь шестидесятипятилетний Колин будет стоять между наследством почти в восемнадцать

тысяч фунтов и вашим отцом, а в конечном итоге и вами. Он смог воззвать к вашей преданности семье, которая была единственным безоговорочным фетишем Ангуса. Но для вас, мистер Чепмен Кэмпбелл, семья не была фетишем. Вы внезапно осознали, что можете вести собственную игру. Если Ангус умрет и если Колин тоже умрет…

Доктор Фелл помолчал.

— Видите ли, — добавил он, повернувшись к остальным, — как раз покушение на Колина убедительно доказало, что этот наш друг и есть виновное лицо. Разве вы не помните, что именно мистер Чепмен, и никто другой, побудил Колина ночевать в башне?

Алистер Дункан поднялся на ноги, но снова сел.

В комнате было жарко, на лбу Чепмена мелкими каплями проступил пот.

— Вспомните, прошу вас, два разговора. Один произошел в комнате в башне в понедельник вечером, его мне пересказали. А другой произошел в этой комнате во вторник днем, и при нем я присутствовал. Кто первым использовал слово «сверхъестественное» по отношению к этому делу? То самое слово, которое всегда действует на Колина, как красная тряпка на быка? Это был

мистер Чепмен, если помните. В понедельник вечером в башне он намеренно — даже некстати — ляпнул его в разговоре, хотя до этого никто ничего подобного не касался. Колин клялся, что никакого призрака нет. Поэтому, конечно, нашему изобретательному другу пришлось организовать ему призрака. Я уже ставил этот вопрос раньше: в чем причина того, что ряженый призрачный горец с изуродованным лицом показался в комнате в башне в понедельник вечером? Ответ прост. Это должно было послужить окончательным провоцирующим фактором для Колина Кэмпбелла. Осуществить такой маскарад было несложно. Эта башня — изолированная часть дома. У нее есть собственный вход с внешнего двора, ведущий на первый этаж, так что посторонний может приходить и уходить по своему усмотрению. Обычно этот вход открыт, но даже если и нет, хватит обычного ключа от висячего замка. Плед, шляпа, немного воска и краски — и вот призрак «явился» Джоку Флемингу. Если бы там не оказалось Джока, то сгодился бы любой другой. Ну а потом рано утром в среду мистер Чепмен был готов. История с призраком уже разлетелась по округе. Он пришел сюда и (разве вы не помните?) вывел бедного Колина из себя

своими рассуждениями на тему привидений. Какое его замечание заставило Колина дойти до ручки? Какое конкретно замечание вынудило Колина заявить: «С меня хватит!» — и принести обет, что он будет спать в башне? Мистер Чепмен насмешливо и коварно подпустил несколько шпилек, закончив словами: «Это потешная страна и потешный дом; и скажу вам, что лично я не хотел бы провести ночь в той комнате».

Эта сцена четко предстала в памяти Алана.

К тому же выражение лица Чепмена было примерно таким же, как и тогда. Но теперь на его лице явно проступало отчаянье.

— Было совершенно необходимо, — продолжал доктор Фелл, — вынудить Колина ночевать в башне. В принципе трюк с искусственным льдом сработал бы где угодно. Но дело в том, что Чепмен не смог бы провернуть его где угодно. Он не мог рыскать по дому. Все должно было свершиться в той изолированной башне с отдельным входом, чтобы он мог незаметно прийти и уйти. Чепмен мог подсунуть ящик со льдом и ускользнуть как раз перед тем, как Колин проревел всем «спокойной ночи» и нетвердым шагом поднялся по лестнице.

Позвольте мне подвести итог. Чепмен, разуме-

ется, ничем не должен был выдать, что ему хоть что-то известно о том, как погиб Ангус. Он должен был притворяться, что озадачен не меньше других. Ему приходилось повторять, что, по его мнению, это, должно быть, самоубийство; и это была довольно искусная актерская игра.

Естественно, не должно было прозвучать никаких замечаний, касающихся искусственного льда. До поры до времени. В противном случае покровы были бы сорваны и он не смог бы страшилками о привидениях заманить Колина ночевать в башне. Поэтому он продолжал твердить, что Ангус точно и намеренно покончил с собой, выбросился из окна без всякой причины — на чем наш друг настаивал снова и снова, — или если причина и была, то это было нечто ужасное, из разряда потустороннего.

Такова была его партия до того момента, пока Колин не будет выведен из игры. Потом все должно было измениться. Открылась бы ошеломляющая правда — не настоящая, конечно. Колина найдут погибшим от отравления углекислым газом. Вспомнят про искусственный лед. А если нет, то наш изобретательный друг будет готов напомнить. Ударив себя по лбу, он воскликнет: ну конечно, это убийство, и, конечно, страховка

должна быть выплачена, и где же этот изверг Алек Форбс, который, несомненно, все это устроил? Поэтому было необходимо немедленно, в ту же саму ночь избавиться не только от Колина, но и от Алека Форбса.

Трубка доктора Фелла погасла. Сунув ее в карман, он заложил большие пальцы в карманы жилета и беспристрастно уставился на Чепмена.

Алистер Дункан сглотнул раз или два, кадык на его длинной шее заметно дернулся.

— Вы можете… вы можете все это доказать? — спросил поверенный высоким голосом.

— Мне нет нужды доказывать это, — ответил доктор Фелл, — поскольку я могу доказать убийство Форбса. Вас, мистер Чепмен, вздернут на виселице, да помилует Господь вашу душу, — и не важно, за одно или за два убийства. Что скажете?

Чепмен отступил назад.

— Я… я, может быть, говорил с Форбсом раз или два… — опрометчиво ляпнул он охрипшим голосом.

— Говорил с ним! — воскликнул доктор Фелл. — Вы довольно близко с ним познакомились, не так ли? Вы даже предупредили его, чтобы он держался подальше. Но потом было уже слишком поздно.

До этого момента ваш план имел трехступенчатую защиту от всякой случайности. Ведь, видите ли, Ангус Кэмпбелл*действительно* покончил с собой. Когда возник бы вопрос о том, что это на самом деле убийство, единственным человеком, который был бы вне всяких подозрений, стали бы вы, потому что вы и правда не были виновны. Я готов поспорить, что на ночь смерти Ангуса у вас есть правдоподобное алиби. Но вы совершили чудовищный промах, когда не остались, чтобы убедиться, что Колин действительно мертв после падения из окна башни во вторник вечером. И вы совершили еще больший промах, когда после этого сели в машину и поехали к водопаду Ко для последнего разговора с Алеком Форбсом. Какой номер у вашей машины, мистер Чепмен?

Чепмен заморгал; эти его странные светлые глаза были самой неприятной чертой в его наружности.

— А?

— Какой номер у вашей машины? Полагаю, — доктор Фелл взглянул на оборот конверта, — «MGM 1911», не так ли?

— Я… я не знаю. Да, наверное, так.

— Автомобиль с номером «MGM 1911» был замечен припаркованным на обочине дороги

напротив коттеджа Форбса между двумя и тремя часами ночи. Его видел один из членов отряда местной обороны, и он готов подтвердить это под присягой. Вам надо было учесть, сэр, что эти пустынные дороги теперь не такие уж и пустынные. Надо было учесть, что их патрулируют по ночам.

Алистер Дункан побледнел еще больше.

— Это вся ваша совокупность доказательств? — спросил поверенный.

— О нет, — ответил доктор Фелл. — Это только начало. — Наморщив нос, он созерцал угол потолка. — Теперь мы переходим к проблеме убийства Форбса и к тому, как убийце удалось покинуть комнату, оставив ее запертой изнутри. Мистер Дункан, вы знаете что-нибудь о геометрии?

— Геометрии?

— Хочу предупредить, — пояснил доктор Фелл, — что из всего того, что я когда-то был вынужден изучать, я помню немногое, а хотел бы помнить и того меньше. Все это томится в лимбе школьных дней наряду с алгеброй, экономикой и прочими унылыми вещами. Единственное, что я не смог забыть, так это что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов двух других сторон, но в остальном я, к счастью, сумел избавить свой разум от всей этой белиберды. В то же время было бы

небесполезно (хоть раз в жизни) рассмотреть коттедж Форбса с геометрической точки зрения.

Он достал из кармана карандаш и принялся чертить им в воздухе.

— Коттедж представляет собой квадрат, двенадцать на двенадцать футов. Представьте, что в середине стены, обращенной к вам, находится дверь. Представьте, что в середине стены по правую руку от вас — окно. Вчера я стоял в этом коттедже и ломал голову над этим дьявольским, манящим окном.*Зачем* надо было снимать щит светомаскировки? Точно не для того, чтобы убийца сумел как-то просочиться сквозь решетку на окне. Это, как любят говорить геометры (довольно невоспитанно, как мне всегда казалось), абсурд. Единственным другим объяснением было то, что окно должно каким-то образом использоваться. Я внимательно изучил решетку из стальной проволоки, помните?

Доктор Фелл повернулся к Алану.

— Помню.

— Чтобы проверить ее на прочность, я просунул палец в одно из отверстий в сетке и потряс ее. Но ни один луч светлой мысли не пробился сквозь густой туман, окутавший меня. Я завяз и тонул до тех пор, пока вы, — тут он повернулся к

Кэтрин, — не подкинули мне информацию, которая даже такому тупице, как я, дала подсказку и подтолкнула в нужную сторону.

— Я? — воскликнула Кэтрин.

— Да. Вы поделились тем, что хозяйка отеля «Гленко» рассказала вам: Форбс часто приезжал сюда порыбачить.

Доктор Фелл развел руками. В его громовом голосе зазвучали извиняющиеся ноты.

— Конечно, все улики были налицо. От этой хижины, так сказать, дурно пахло — и не только рыбой. Верша Форбса была там. Его мушки были там. Его резиновые сапоги были там. И только тогда, только тогда мне пришло в голову, что во всем коттедже я не видел ни следа обычной удочки. Ни одной удочки — например, вот такой.

Опираясь на трость, доктор Фелл поднялся на ноги и потянулся за спинку дивана. Оттуда он извлек большой чемодан и открыл его.

Внутри лежали разрозненные части удочки из черного металла; на никелированном комеле, покрытом пробкой, были вырезаны инициалы: «А. М. Ф.». Однако лески на удочке не было. Но зато был небольшой рыболовный крючок, надежно прикрепленный проволокой к металлической проушине на конце крайнего сегмента удилища.

— Затейливый инструмент, — пояснил доктор Фелл. — Убийца задушил Форбса, напав на него сзади. Затем он повесил его, тщательно и художественно изобразив все признаки самоубийства. Погасил лампу и вылил остатки керосина, чтобы создалось впечатление, что лампа догорела сама. Снял затемнение. Потом убийца, держа в руках эту самую удочку, вышел из хижины через дверь. Закрыл ее за собой, оставив щеколду, разумеется, незакрытой. Подошел к окну. Просунув удочку сквозь сетку решетки — места было предостаточно, так как я сам легко просунул указательный палец сквозь эту сетку, — он дотянулся удочкой по диагонали, от окна до двери. Крючком, закрепленным на конце удочки, он зацепил щеколду и потянул на себя. Это был свежий, новый замок (помните?), так что он, должно быть, заметно блестел в лунном свете, ночь была ясной (помните?), убийце было хорошо его видно. Вот так, с величайшей легкостью и простотой, он потянул за щеколду и запер дверь.

Доктор Фелл осторожно поставил чемодан на диван.

— Конечно, ему пришлось снять с окна затемнение, и, как понимаете, вернуть его на место он не мог. Кроме того, было жизненно важно забрать

удочку с собой. Комель и катушка в любом случае не пролезли бы сквозь решетку, да даже если бы ему и удалось пропихнуть остальные части удочки внутрь дома, то его игру сразу раскрыл бы первый же вошедший. Потом он покинул участок. Когда он садился в свою машину, его заметил и узнал…

Чепмен издал придушенный крик.

— …тот же самый дозорный из отряда местной обороны, который заинтересовался машиной. На обратном пути убийца разобрал удочку и разбросал ее части по зарослям папоротника. Надежды на то, что их удастся найти, было не слишком много, но по просьбе инспектора Дональдсона из полиции графства Аргайлшир силами здешнего подразделения отряда местной обороны были организованы поиски.

Доктор Фелл взглянул на Чепмена.

— На них есть отпечатки ваших пальцев, на этих частях, — сказал он, — как вы, должно быть, помните. Целью моего визита к вам в отель среди ночи было заполучить отпечатки ваших пальцев на портсигаре, кроме того, тогда же вас опознали как человека, которого видели отъезжающим от коттеджа Форбса в час убийства. Знаете, что с вами будет, друг мой? Вас повесят.

Уолтер Чепмен Кэмпбелл продолжал теребить свой галстук. У него было такое лицо, словно его, как мальчишку, застукали у буфета с вареньем.

Его пальцы поползли вверх, коснулись шеи, он вздрогнул. В этой жаркой комнате пот струился по его щекам, обрамленным модными бакенбардами.

— Вы блефуете, — сказал он, прочищая горло, чтобы голос звучал увереннее. — Это неправда, все это неправда, и вы блефуете!

— Вы знаете, что я не блефую. Ваше преступление, признаю, было достойно сына самого умного члена этой семьи. Ангус и Колин мертвы, обвинен в этом Форбс — и вы можете спокойно вернуться в Порт-Элизабет. Ваш отец болен и немощен. В качестве наследника почти восемнадцати тысяч фунтов он протянет недолго. Так что вы сможете получить их, даже не приезжая в Англию или Шотландию и, соответственно, не попадаясь никому на глаза. Но теперь вы их не получите, приятель. Думаете, у вас есть хоть малейший шанс избежать веревки?

Уолтер Чепмен Кэмпбелл закрыл лицо руками.

— Я никому не хотел причинить вреда, — застонал он. — Боже мой, я никому не хотел причинить никакого вреда! — Его голос сорвался. — Вы же не

сдадите меня полиции?

— Нет, — спокойно ответил доктор Фелл. — Но только если вы подпишете документ, который я вам продиктую.

Чепмен убрал руки от лица, в его взгляде забрезжила надежда. Тут вмешался Алистер Дункан.

— Что вы имеете в виду, сэр? — резко спросил он.

Доктор Фелл похлопал ладонью по подлокотнику дивана.

— А вот что, — ответил он. — Я собираюсь устроить так, чтобы Элспет Кэмпбелл счастливо прожила отпущенные ей годы, а потом мирно скончалась, не беспокоясь о том, что душа Ангуса горит в аду. А также я собираюсь устроить так, чтобы Элспет и Колин были обеспечены до конца жизни — чего и хотел Ангус. Вот и все.

Вы перепишете этот документ, — доктор Фелл достал из кармана несколько листов бумаги, — или запишете под мою диктовку следующее признание. Вы сообщите, что умышленно убили Ангуса Кэмпбелла…

— Что?

— Что вы пытались убить Колина и что вы убили Алека Форбса. Это признание вместе с доказательствами, которые я представлю, удо-

влетворит страховые компании, и деньги будут выплачены. Нет, я знаю, что вы не убивали Ангуса! Но вы сообщите, что убили, тем более что у вас были для этого все основания.

Я не смог бы вас прикрыть, даже если бы хотел. Впрочем, это не входило и не входит в мои намерения. Но кое-что я могу для вас сделать. Я могу придержать это признание для полиции в течение сорока восьми часов, чтобы вы успели скрыться. Для выезда из страны по установленному порядку нужно получить официальное разрешение. Но вы находитесь недалеко от Клайдсайда, и думаю, что тут вы без труда найдете услужливого капитана, который возьмет вас на борт отплывающего корабля. Если вам это удастся, то будьте уверены, что в наши недобрые дни обратно вас не вернут. Подпишете признание — и я отпущу вас на все четыре стороны. Откажетесь — и мои показания будут у полиции в ближайшие полчаса. Что скажете?

Чепмен смотрел на него со смесью ужаса, недоумения, неуверенности и скептицизма.

— Я вам не верю! — пронзительно выкрикнул он. — Откуда мне знать, что вы не заберете это признание и не сдадите меня сразу же полиции?

— Потому что, если бы я был достаточно глуп,

чтобы так поступить, вы бы смогли спутать все карты, рассказав правду о смерти Ангуса. Вы бы смогли лишить этих двоих денег и поведать Элспет, что́ на самом деле совершил ее обожаемый Ангус. Вы можете помешать мне добиться того, чего я пытаюсь добиться. Вы зависите от меня, но не забывайте, что и я завишу от вас.

Чепмен снова затеребил свой галстук. Доктор Фелл достал большие золотые часы и взглянул на них.

— Это, — просипел Алистер Дункан, — самая что ни на есть незаконная, мошенническая…

— Вот что, — взорвался Чепмен, — вы все равно не позволите мне уйти! Это ловушка! Если вы придержите все эти улики и мое признание, то вас привлекут за соучастие в преступлении постфактум!

— Полагаю, что нет, — вежливо ответил доктор Фелл. — Если вы проконсультируетесь с мистером Дунканом, то он сообщит вам, что в шотландском праве нет такого понятия, как соучастие в преступлении постфактум.

Дункан открыл рот и снова закрыл его.

— Уверяю вас, — продолжал доктор Фелл, — что я учел все аспекты моего злостного мошенничества. Также я предлагаю, чтобы правда без

всяких прикрас осталась известной только тем, кто сейчас находится в этой комнате, — то есть только нам и больше никому. Здесь и сейчас мы поклянемся хранить тайну до конца наших дней. Вы согласны?

— Я — да! — воскликнула Кэтрин.

— И я, — подтвердил Алан.

Дункан стоял посреди комнаты, размахивая руками — бурля, кипя, но не находя слов. Надо же, подумал Алан, оказывается, клокотание может быть не только забавным или, скажем, нелепым, но и страдальческим, и даже ужасающим.

— Я прошу вас, — начал Дункан, — я умоляю вас, сэр, пока не поздно, остановиться и хорошенько обдумать то, что вы предлагаете! Это выходит за все рамки! Разве я, профессионал с безупречной репутацией, могу выслушивать это, не говоря уже о том, чтобы одобрять?

На доктора Фелла эта тирада не произвела никакого впечатления.

— Надеюсь, что можете, — спокойно ответил он. — Потому что я намерен довести это дело до конца. И я надеюсь, что уж кто-кто, но не вы, мистер Дункан, опрокинете этот возок, который вы так старательно и многотрудно оберегали долгие годы службы. Неужели вас, шотландца,

нельзя склонить к благоразумию? Неужели вам придется получить урок практичности от англичанина?

Дункан громко застонал.

— Тогда, — произнес доктор Фелл, — я полагаю, что вы все же бросили свои романтические представления о правосудии и будете теперь грести с нами в одной лодке. Что ж, вопрос жизни и смерти сейчас находится исключительно в руках мистера Уолтера Чепмена Кэмпбелла. Я со своим предложением не собираюсь ждать весь день, мой друг. Ну, что скажете? Признаетесь ли вы в двух убийствах и уберетесь восвояси? Или намерены отрицать оба и быть повешенным за одно из них?

Чепмен закрыл глаза и вновь открыл их.

Он оглядел комнату так, словно видел ее впервые. Устремил взор в окно, за которым виднелись сверкающие воды фьорда и все те владения, что ускользали из его рук; все в доме было таким мирным и светлым.

— Я готов сознаться, — произнес он.

Поезд Глазго-Юстон, обычно отправляющийся в 9:15, прибыл на Юстонский вокзал с опозданием всего на четыре часа. Золотистые утренние лучи солнца скрашивали даже пещерную мрачность

вокзала.

Поезд затормозил и остановился, окутанный клубами пара. Загремели открывающиеся двери. Носильщик, просунув голову в спальное купе первого класса, заметно расстроился при виде парочки самых чопорных, респектабельных (и, вероятно, жадных на чаевые) зазнаек, которых он когда-либо видел в своей жизни.

Одна — молодая, но строгая дамочка с поджатыми губами и надменным выражением лица, в очках в черепаховой оправе. Другой — профессорского вида мужчина с еще более надменным выражением лица.

— Носильщик, мэм? Носильщик, сэр?

Дамочка мельком взглянула на него.

— Будьте любезны, — сказала она. — Для вас, доктор Кэмпбелл, несомненно, должно быть очевидным, что меморандум графа Денби, адресованный французскому королю и подписанный самим Карлом Вторым: «Согласен; C. R.»[44], не мог быть вдохновлен такими патриотическими соображениями, какие подразумевает ваша

[44] Notes: 44

C. R. — Charles Rex (Карл Правящий) — подпись короля Карла II; английские монархи по традиции приписывали R после собственного имени — сокращение от латинского *Rex* (*лат.* король) или *Regina* (*лат.* королева).

неудачная интерпретация тори.

— Это ружье не из ваших, мэм? Или ваших, сэр?

Джентльмен неопределенно посмотрел на него.

— Э-э… да, — ответил он. — Мы скрываем улики вне зоны досягаемости специалистов по баллистической экспертизе.

— Сэр?

Но джентльмен не слушал.

— Если вы мысленно перенесетесь в прошлое, мадам, к речи, произнесенной Денби в палате общин в декабре тысяча шестьсот восемьдесят девятого года, то, мне кажется, некоторые разумные соображения, содержащиеся в ней, должны проникнуть даже сквозь то плотное облако предубеждений, которым вы, похоже, себя окружили. Например…

Нагруженный багажом носильщик уныло поплелся за ними по платформе.*Floreat scientia!*[45] Все вернулось на круги своя.

---

[45] Notes: 45
Пусть знание процветает!*(лат.)*